

Борис МИЛОВЗОРОВ

ЗВЕЗДА ОПАДАЮЩИХ ЛИСТЬЕВ

Документальный роман

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!*

Ф.И. Тютчев, из стихотворения «Цицерон»

Эта книга рассказывает о красивой женщине, очень известной в двадцатых-тридцатых годах прошлого века актрисе театра и немого кино Марии Лейко, о ее друзьях, знаменитых и не очень, живших в разных странах среди войн и революций, которыми так богата эпоха великих потрясений.

Пролог

Мария Карловна Лейко родилась во вторник 14 августа 1887 года в Риге — губернском городе Лифляндии — одной из провинций Российской империи. Её отец Карл Лейко занимался подрядным строительством, был человеком обеспеченным и имел собственный двухэтажный каменный домик между Мельничной и Елизаветовской улицами. Женился он в зрелых годах и обожал молодую, почти прозрачную от бледности кожи, жену. Через девять месяцев после свадьбы господин Лейко с волнением дожидался первенца.

Будущий отец нервно ходил по комнате, косясь в сторону стола, на котором стоял графинчик с водкой и крохотная рюмочка. Он бы выпил, но дал себе слово, что сначала Анна должна разрешиться от бремени. Карл смотрел в окно, ему казалось, что люди на улице не идут, а ползут, он взглянул на часы, маятник под циферблатом качался неестественно медленно, время почти остановилось. В открытое окошко задул прохладный ветерок, Лейко зябко подёрнул плечами, наваждение пропало, и в ту же секунду из-за двери донёсся долгожданный крик роженицы, он резко повернулся и замер. Крик оборвался, оставив после себя звенящую тишину и приглушённые голоса в спальне. Лейко не двинулся, кажется, даже не дышал, и лишь когда через несколько невыносимо длительных мгновений раздался плач новорожденного ребёнка, он счастливо улыбнулся и глубоко вздохнул. Дверь спальни приоткрылась, показалось румяное лицо повитухи: «Господин Лейко, у вас дочка! Хорошенькая». Карл кивнул, подошёл к столу, опять вздохнул и обессилено опустился на стул. «Благодарю, Господи!» — прошептал он, вытирая платком вспотевший лоб.

За дверью милее музыки слышался голосок его дочки. Наклонившись вперед, Карл аккуратно, чтобы не звякнуло, снял массивную головку графинчика, положил на стол, налил в рюмочку водки. «Теперь можно», — прошептал он и опрокинул в себя обжигающий глоток.

Через четыре дня, когда на город опустились сумерки, в домике господина Лейко на комодке спальни неярко зажглась керосиновая лампа. Хозяин дома присел на стул рядом с кроватью и любовно смотрел на жену. Она всё ещё не оправилась после родов, лицо было осунувшимся, бледным, но на нём сияла счастливая улыбка. Рядом с женщиной лежал маленький свёрточек, в котором сладко спал младенец. Скрипнула дверь комнаты.

— Господин Лейко! — тихо позвала служанка Лайма. Карл оглянулся на девушку. — Я пойду домой?

— Да, Лайма, до завтра, — служанка вышла, супруга Карла зашевелилась, аккуратно приподнимаясь на локте. — Анна, — встревожился Лейко, — доктор прописал тебе покой!

— Ничего, Карл, — улыбнулась супруга, — я хочу на неё посмотреть. Ты расскажи, что нового?

— Ничего важного, дорогая, главное, чтобы ты и дочка были здоровы.

— А всё-таки?

— Завтра утром солнечное затмение будет.

— Затмение? Вот здорово! — женщина склонилась над ребенком и зашептала: — Как жаль, что мы такие маленькие, а то бы через стеклышко на небо посмотрели. Правда, Мария?

— Аннушка, я должен завтра уйти почти на целый день.

— Ну, и иди. Папочке надо работать, доченька, отпустим его? — Анна подняла светящиеся радостью глаза на мужа. — Дорогой, не волнуйся, я чувствую себя хорошо, и Лайма будет рядом.

Карл подошёл к кровати, опустился на колени и припал губами к тонкой кисти жены. Она заулыбалась, погладила мужа по щеке, потом наклонилась над спящим младенцем, нежно прислонилась губами к его лобу и тихо запела:

*Спи, усни, мой мегвежонок,
Мой косматый, косолапый.
Батька твой ушел за мёдом,
Мать пошла лущить овес.
Скоро батька будет с мёдом,
Мать — с овсяным кисельком.*

Рано утром господин Лейко завтракал в одиночестве и улыбался. Он только что заглядывал в спальню, его жена и дочка спали. Карл был сейчас так безоблачно счастлив, что испугался этого, сердце вдруг сжалось. «Фу, глупости какие!» — подумал он и резко стянул с себя салфетку. За окном внезапно потемнело, на кухне что-то звякнуло, в гостиную вбежала испуганная служанка, она хотела что-то сказать, но Лейко красноречиво приложил палец губам.

— Не бойся, — громким шепотом заговорил он, — это солнечное затмение, минуты на три, не больше, — он встал и, направившись к окну, поманил за собой девушку. — Иди, посмотрим.

Часть 1. ДОРОГА К ТЕАТРУ

Примерно в 1900 году семейству Лейко несказанно повезло: будущая шикарная улица Альберта, которую архитектор-любитель Михаил Эйзенштейн (отец будущего великого режиссёра) застроит великолепными домами, должна была пройти как раз через их домик. Господину Лейко предложили деньги или квартиру в одном из будущих домов, он выбрал квартиру.

Как раз об этом он рассказывал за обедом своей супруге.

— Так что, Аннушка, придется нам пару-тройку лет пожить на съёмной квартире.

— Дорогой, — одобрительно кивнула жена, — ты правильно решил. Я смотрела рекламный альбом новых домов, это такая красота!

Лицо Карла расплылось в довольной улыбке, он обожал, когда образованная и культурная жена хвалила его. В этот момент в гостиную вбежала сияющая дочь.

— Мама, папа, я получила отлично по немецкому!

— Молодец, доченька! — вновь заулыбался Лейко.

— Мария! — строго заговорила мать. — Отлично — это замечательно, но неучтиво не пожелать приятного аппетита родителям!

— Ой, мама, папа, — Мария покраснела и сделала реверанс, — простите, приятного аппетита.

— Вот так-то лучше, — смягчилась мать. — Обедать будешь?

— Нет, мы чай пили!

Анна кивнула и вдруг перешла на немецкий язык.

— Мария, скажи, сколько тебе лет и как ты учишься?

— Мне тринадцать лет! — бойко принялась отвечать дочь. — Я отлично успеваю по всем предметам и стараюсь не огорчать маму и папу!

Анна скупно улыбнулась, а господин Лейко чуть не расплакался от умиления. Он поманил дочку к себе, и когда она подбежала к нему, погладил её по волосам:

— Умница моя! — он поцеловал дочку в лобик. — Молодец, доченька, но русский язык тоже учи.

— Зачем, папочка? — сморщилась Мария. — Он такой трудный!

— Затем, что русские — это власть и деньги.

— А немцы?

— Немцы — это деньги и власть.

— А мы?

— А мы, Мария, латыши, мы здесь жили, живем и жить будем.

В сентябре 1900 года Гризинькалнс ещё не был ухоженным парком. Единственная дорожка из мелкого щебня вела через лиственную рощу с городских улиц на высокую дюну, поросшую соснами. Осень ещё не оголила ветви от золотых листьев, отрывая лишь некоторые из них. Листья зависали в воздухе, нехотя покачивались и медленно опускались на землю. По пустынной аллее прогуливались двое мужчин. Один из них Миерлаук Алексис, режиссёр Рижского латышского театра, высокий статный мужчина средних лет с тростью в элегантном пальто, широкополой шляпе, с благородным лицом и пытливыми глазами. Рядом с ним шёл Йоханес Гутер (для друзей просто Янис), студент Рижского технического университета, невысокий молодой человек с округлым эмоциональным лицом, с беспорядочными волнистыми прядями тёмных волос на голове, в коротком полупальто.

— Алексис, вы мудрый человек, посоветуйте, что же мне делать?

Миерлаук остановился, оперевшись на трость.

— Янис, мой совет прост и прям: продолжайте учиться в техническом университете.

— Но я люблю театр!

— Отлично! И продолжайте его любить.

— Но я хочу быть артистом!

— Играйте в любительских спектаклях.

— Алексис, но мне этого мало!

Миерлаук чуть приподнял брови и побарабанил пальцами по рукоятке трости, Гутер стоял рядом растерянный и подавленный, от волнения его бросило в жар, хотя минуту назад было холодно.

— Друг мой, — заговорил Миерлаук, — если это так, то вам придется из любителя театра перейти в статус служителя театра. Это серьёзное решение.

— Я готов к нему! — с едва сдерживаемым внутренним жаром воскликнул молодой человек.

— Что ж, одобряю — кивнул Миерлаук, — вы, Янис, талантливый артист, из вас и режиссёр получится.

— Алексис! — продолжал горячиться Гутер. — Ради театра, я брошу университет!

— Не одобряю, — строго возразил Миерлаук.

— Но почему?

— Начатое надо завершать! Вы же на последнем курсе?

— Да, — смутился Гутер, — на последнем.

— Тогда зачем такие жертвы? Университетский диплом никогда лишним не будет, а вот совместить одно с другим возможно.

— В каком смысле?

— В прямом. Вы мне говорили, что едете на стажировку в Германию?

— Да, отъезд через неделю, — кивнул Гутер и не очень уверенно добавил: — Я откажусь.

— Ни в коем случае! Поезжайте, стажироваться, а будете в Берлине, найдите кафе «Метрополь» на Фридрихштрассе, у немецких молодых артистов там нечто вроде клуба. Посмотрите, познакомьтесь, пообщайтесь, там и окончательное решение примете: инженер вы или служитель театра.

Миерлаук зябко подёрнул плечами.

— Однако сыро и прохладно, — он вынул из кармана часы, покачал головой. — Пора, полтора часа до спектакля осталось, пойдёмте, Янис, на ходу договорим.

Мужчины вернулись на дорожку.

— Алексис, как там строительство русского театра идёт? — поинтересовался Гутер.

- По плану и почти в пределах сметы.
- Алексис, опять шутите?!
- Люблю пошутить, — улыбнулся Миерлаук. — Если серьёзно, то пока всё ещё сваи забивают.
- Долго как!
- Полторы тысячи дубовых свай на болотистой почве — это не шутка, мой друг.
- Такие деньги! Я не понимаю, почему за счет бюджета Риги строят здание русского театра?!
- О, господин Гутер, вы случайно не националист?
- Я? — Гутер пожал плечами. — Не знаю, скорее нет, чем да.
- Тогда не переживайте, главное, чтобы театр построили, а на каком языке там будут играть, время покажет. Кстати, вы любите русскую драматургию?
- Люблю? Скорее уважаю.
- Миерлаук кивнул.
- Русский театр — это нечто особенное, он достоин уважения.
- Алексис, — встрепнулся Гутер, — а поехали вместе со мной?!
- Заманчиво, друг мой, — улыбнулся Миерлаук, — но не могу, дела. Пишите из Берлина, мне будут интересны ваши впечатления.
- Что ж, в таком случае постараюсь быть пытливым и внимательным, чтобы ничего не упустить!
- Вот и договорились.
- Они с чувством пожали друг другу руки.

Грядущий в 1901 году семисотлетний юбилей Риги было решено отметить великими празднествами. В парке Эспланад наметили построить павильоны торгово-промышленной выставки, а в соседнем парке Кронвальд на берегу городского канала возвести макет средневековой Ратушной площади и прилегающих к ней улиц. Рига — поргово-торговый центр и один из богатейших городов Российской империи — мог себе это позволить.

Городские власти назначили представительную комиссию по организации праздника, и работа началась. Алексису Миерлауку комиссия предложила продумать театрально костюмированную часть праздника, за что он с удовольствием взялся.

Господин Лейко только что проводил доктора и теперь задумчиво стоял у открытой входной двери. Только что он услышал беспощадный приговор: ещё год-два, может быть, три... Его любимая женушка медленно умирала, отрывая от него куски сердца, ведь каждый раз он загонял свою скорбь глубоко под грудь, она жгла и давила, а он был обязан улыбаться.

Снизу послышались знакомые шаги, через секунду показалась хорошенькая головка дочери. Карл очнулся от невеселых мыслей и приоткрыл пошире дверь.

- Ой, папочка, ты меня ждёшь? — спросила Мария, перескакивая порог.
- Жду, золотко моё, — кивнул Лейко, — молодец, ты как раз к обеду подросла.

В гостиной за накрытым к обеду столом сидела бледная Анна. Увидев жизнерадостную дочку, она принялась вставать, но та подбежала, усадила обратно, обняла, уткнувшись в её густые волосы. Анна нежно погладила дочь по плечу, поцеловала её в лобик.

- Мими, ты такая возбуждённая, что-то случилось?
- Случилось! — Мария радостно подпрыгнула. — Ещё как случилось! Меня выбрали в театральную группу!
- Какую группу? — в унисон переспросили Анна и Карл.
- Нашей гимназии поручили инсценировать к празднику сказку о трудолюбивых рижанках, вот! — выпалила Мария.

Отец с матерью переглянулись, Карл нахмурился, но жена едва заметно качнула головой и улыбнулась.

- Мими, это замечательно, а кто же с вами будет репетировать?
- Настоящий артист, он к нам сегодня приходил. Важный такой, с тростью.
- Фамилия у него есть, Мария?
- Не помню, — пожалала плечами девочка, — а зовут Алексис.

Удивительно, но лишь во второй половине просвещённого 19 века немцы смогли, наконец, объединиться в единое государство. Этому способствовала победа Пруссии над Францией во франко-прусской войне. 18 января 1871 года прусский король Вильгельм I был провозглашён германским императором в Зеркальной галерее Версальского дворца. В итоге Франция перестала быть монархией, Германия стала империей.

По версальскому перемирию Германия отторгнула у поверженного противни-

ка Эльзас, часть Лотарингии и обязала уплатить контрибуцию в сумме 5 миллиардов франков. Французские деньги и новые территории позволили Германской империи решить финансовые проблемы и привели к её бурному экономическому развитию. Как грибы множилось монополии, картели, банки. Промышленность Германии к концу 19 века догнала и перегнала Англию. Немецкий народ богател, проявляя горячий интерес не только к «хлебу», но и к «зрелищам». За короткий промежуток времени Берлин превратился в европейскую столицу искусств, со всей Европы в него потянулись литераторы и поэты, драматурги и актеры, композиторы и музыканты.

Гутер вернулся из Германии под рождество. Первым делом он позвал своего театрального учителя в ресторан «Тиволи». Миерлаук вошёл в шикарный золоченый зал элегантно и вполне уместным среди этой роскоши, он вальяжно помахивал тростью, двигался гордо и независимо, заметив Гутера, издал кивнул ему. Гутер встал, натянуто улыбаясь, в отличие от своего учителя, он чувствовал себя здесь не в своей тарелке.

— Здравствуйте, Янис! — Миерлаук протянул руку.

— Здравствуйте, дорогой Алексис! Я так рад вас видеть!

— Не скрою, я тоже.

— Друг мой, вы не погорячились? — спросил Миерлаук, красноречиво обводя взглядом шикарный ресторан.

— Алексис, мне так хотелось сделать нашу встречу торжественной, — смущенно ответил Гутер.

— Ну, это вам удалось, Янис, — ухмыльнулся Миерлаук, — но вы уж простите за прямой вопрос, мы ведь друзья: а денег у вас на это торжество хватит?

— О, с этим всё в порядке, — улыбнулся Гутер, — немцы хорошо платили.

Два лощёных официанта подкатили к столику тележку с закусками и графинчиком, запотевшим от холода. Один официант принялся ловко и бесшумно расставлять блюда, второй наполнил их рюмки и положил закуски на тарелки.

— Что ж, дорогой Янис, давайте выпьем за вас, — Миерлаук поднял рюмку.

Они начали ужин, за которым Гутер рассказывал, а Миерлаук с огромным интересом слушал.

Йоханес Гутер вышел на Фридрихштрассе у железнодорожного вокзала. Огляделся. Справа река Шпрее, перед ним площадь, её надо пересечь и идти влево, оставляя реку за спиной. Вечерние улицы освещались теплым желтым светом газовых фонарей, набрасывающим темные вуали теней на многочисленных прохожих. Гутер шагал и продолжал размышлять. Приехав в Германию, он думал, что будет томиться двумя месяцами стажировки в локомотивном депо, расположенном на окраинах северной части Берлина, и уж никак не предполагал, что она будет так интересна. Он даже спрашивал себя: не поторопился ли он с обетом стать не инженером, а актером? Пока Гутер не спешил ответить на этот вопрос, решив вначале выполнить обещание, данное Миерлауку. Кафе «Метрополь» он нашёл не сразу, оно скромно пряталось за густыми кустами и деревьями, не блистая ярким освещением. Пройдя по неширокой дорожке через импровизированный садик, Гутер понял, в чём тут дело: высокие витринные стекла были плотно занавешены темными шторами, в которых крохотными искорками поблескивали прожжённые папиросами дырочки. Их было слишком много для случайности, видимо, подвыпившие посетители так забавлялись, а хозяева смотрели на это дело сквозь пальцы. «Что ж, — усмехнулся Гутер, — похоже, я пришёл по адресу».

Основной зал с немногочисленными посетителями находился в глубине здания, но внимание Гутера сразу привлёк малый зал, он располагался сразу за вестибюлем. Двери в него были распахнуты, вынося наружу громкие голоса и клубы дыма. За длинным столом с минимумом закусок и несколькими бутылками вина сидела группа молодых людей, что-то возбужденно обсуждающих. Особенно горячо выступал молодой худощавый мужчина невысокого роста с густыми темными волосами, слегка курносый. Это Макс Рейнхардт, ему всего двадцать восемь, и слава великого театрального режиссёра ждёт ещё его впереди. Гутеру показалось, что даже отсюда он видит, как горят у оратора глаза.

— Простите, господин, вы один?

— Что? — очнулся Гутер и перевёл взгляд на официанта.

— Желаете столик или отдельный кабинет?

— А могу я расположиться в этом зале? — Гутер указал на открытые двери.

— В этом?! — официант изумленно уставился на странного посетителя.

— Да, именно в этом, — кивнул Гутер, внутренне потешаясь над произведённым эффектом. Он почему-то был уверен, что его не погонят прочь.

— Хорошо, — пожал плечами официант, — проходите, только заказ сразу скажите, там шумно.

— Принесите три бутылки вина, — Гутер достал деньги, протянул официанту, — этого хватит?

— На то, что эти господа пьют, вполне, — без тени улыбки ответил официант и растворился в полумраке коридора.

Гутер подошёл к дверям и прислушался.

— Мы стоим на переломе театральной истории! Я мечтаю о театре, который возвращает человеку радость, который поднимает его над серой повседневностью, к ясному, чистому воздуху красоты. Мне тесно в рамках натуралистической актёрской школы. Выпьем за новый театр!

Молодые артисты радостно зашумели и дружно подняли вверх бокалы с вином. Гутер перешагнул порог зала, молодые люди, не успев поставить бокалы, недоуменно на него уставились.

— Господа, — смущенно сказал Гутер, — прошу извинить, я артист из Риги, специально пришёл сюда, чтобы познакомиться с вами.

Оратор переглянулся с товарищами и потом внимательно посмотрел на неожиданного посетителя.

— Из Риги?

— Да.

— И там известно, что мы здесь иногда собираемся?!

— Именно так.

Рейнхардт порывисто вышел из-за стола.

— Господа, мы становимся знаменитыми!

Он подошёл к Гутеру и протянул руку.

— Я Макс Рейнхардт, а это, — кивнул он на остальных, — мои друзья. Представлять не буду, терпеть не могу светские ужимки, познакомьтесь сами.

В это время из-за спины Гутера выскользнул официант с подносом из трёх бутылок и устремился к столу, вызвав бурное одобрение у присутствующих.

— Место и бокал нашему коллеге! — донеслось до Гутера, и он радостно улыбнулся, ощутив вдруг, что здесь действительно его место.

— Как вас зовут? — спросил радушно улыбающийся Рейнхардт.

— Йоханес Гутер.

— Мы будем вас звать Йохан! Прошу! — Рейнхардт красивым жестом указал путь к столу.

Они вместе направились к столу. Худощавый молодой человек с большими залысинами, сидящий рядом с Рейнхардтом, встал, поразив Гутера своим двухметровым ростом.

— Садитесь справа от меня, здесь стул свободный.

Гутер сел и благодарно посмотрел на благожелательного великана, тот протянул руку.

— Итак, вы Йохан, а я Фридрих, садитесь рядом!

— Господа! — скомандовал Рейнхардт, прошу наполнить бокалы и поприветствовать нашего коллегу из Риги!

За столом началась суета, радостные выкрики, адресованные Гутеру, он даже растерялся от такого внимания. Вопрос Фридриха привёл его в чувство.

— Скажите, Йохан, вы профессиональный артист?

— Что вы, Фридрих, — смутился Гутер, — я играю и ставлю спектакли в нашем техническом университете, а в Берлин я приехал на стажировку.

Рейнхардт услышал последнюю фразу и встал.

— Дорогой друг, не надо смущаться, тут половина таких, как вы, а ваш долговязый сосед Фридрих, о ужас, философ! — все засмеялись. — Но это не мешает нам наслаждаться обществом друг друга, беседа у театре. Так давайте выпьем за нового собрата из Риги и за наше светлое будущее в театре!

Загремели стулья, все встали, грянуло дружное: «Виват!» Все выпили и шумно принялись усаживаться обратно, Рейнхардт остался стоять, явно собираясь продолжить речь.

Долговязый Фридрих Вильгельм Плумпе, сосед Гутера, студент, изучающий историю искусств и тайно мечтающий стать доктором философии, о театре даже не помышлял, он просто дружил с Рейнхардтом. Если бы ему рассказали, что через много лет он круто изменит свою жизнь, свяжет её с театром, а затем станет знаменитым кинорежиссером под псевдонимом Мурнау, он бы только рассмеялся. Будущее иногда приносит совершенно невероятные кульбиты судьбы.

— Друзья мои, — начал с лёгким пафосом Рейнхардт, — я считаю, что новый век призывает нас забыть о косных жанровых и видовых рамках, я ратую за синтетический театр! Его суть в универсальном подходе, позволяющем объединить натурализм и символику, поэзию и реализм, трагическое и комическое. Я мечтаю поставить спек-

такль, превосходящий средневековые мистерии по масштабу и современные спектакли по глубине. Я приветствую и артиста, и зрителя, и хор, и музыку, и свет! Электричество даёт невероятные возможности, я намерен их использовать, например, представьте себе сцену, которая может двигаться!

— Прости Макс, но как такое возможно? — перебил Рейнхардта один из присутствующих, — у театра всегда дефицит места.

— Хороший вопрос, — воскликнул Рейнхардт, — но у меня есть кое-какие соображения, — он вдруг улыбнулся: — А вот мы нашего нового друга из Риги спросим, он ведь инженер! Скажите, Йохан, можно ли устроить движение без движения?

— Можно.

Короткий ответ Гутера вызвал бурную реакцию, от насмешки до восхищения. Рейнхардт повелительно поднял руку вверх, шум стих.

— Ответственное заявление, и каким же образом это сделать?

— Всё просто, Макс. Я прохожу стажировку в железнодорожном депо. Там построен поворотный стол для сортировки локомотивов. Так что, я думаю, будет так, — Гутер поставил перед собой тарелку, а сверху поставил другую, поменьше: — Вот основание, а сверху вращающаяся площадка.

— Bravo! — крикнул Рейнхардт. — Это именно то, что я придумал. Видите, технический прогресс имеет прямое воздействие на искусство, поэтому театр больше не может быть прежним!

Снова раздалась радостные крики, вновь наполнились бокалы, на Гутера обрушились восторги и теплые заверения в дружбе. Рейнхардт протянул свою визитную карточку.

— Дорогой Йохан, прошу считать меня своим другом, у нас с вами несомненное родство душ. Приходите, я покажу вам наш театр.

— Спасибо, — растроганно поблагодарил Гутер, — непременно приду. Позвольте сказать тост?

— Конечно! Просим! Господа, внимание!

Гутер взял бокал с вином и встал. В его душе словно окно открыли, всё стало ясно и понятно.

— Друзья, спасибо вам, вы помогли мне принять очень нелегкое решение. Теперь на моей душе легко и спокойно, я знаю, что моя жизнь будет связана с театром и ни с чем другим.

Гутер выпил бокал до дна и, утонув в восторженных криках, раскрасневшийся, счастливый, опустился на стул. К его уху наклонился Рейнхардт:

— Йохан, позвольте совет?

— Да, Макс, конечно.

— Вам надо получить театральное образование.

— Да, я и сам об этом думал, но пока не знаю, где.

— Если есть возможность, поезжайте в Австрию в Венскую консерваторию.

— Консерваторию?

— Не обращайтесь внимания на название. Театральные курсы в Венской консерватории лучшие в Европе!

Гутер вновь поднял бокал, заботливо наполненный Фридрихом.

— Я так благодарен судьбе, что познакомился с вами и вашими друзьями!

— Удачи тебе, собрат!

— Всем нам удачи!

На берегу канала в Парке Стрелков (Кронвальд) к лету 1901 года построили фрагмент Старой Риги. Дорога из досок вдоль канала вела к башне Шалю. Когда-то в Риге было 26 башен, каждая из которых имела собственное название, пять из них воспроизвели здесь. Башню Шалю венчал белый крест, а над воротами слева от неё красовались скрещённые ключи — малый герб города. Всё выглядело монументально, хотя фасады ратуши, дома Черноголовых и других зданий были сделаны из простых досок. Искусные мастера отштукатурили постройки, имитируя на ней кирпичную или каменную кладку. Настоящей в этой прекрасной декорации была только улочка, мощёная булыжниками. На первых этажах построенных зданий разместились магазинчики и ресторанчики, верхние этажи были бутафорией.

Последние две недели Мария Лейко почти каждый день прибегала сюда на репетиции. Вместе с взрослыми артистами девочки переодевались в старинные костюмы и репетировали танцы и действия сказки, которую они инсценировали. Иногда с ними лично занимался строгий Алексис Миерлаук. Он всегда следил за всеми строгим взглядом, изредка вставляя меткие замечания. Больше всего доставалось артистам, но иногда перепадало и детям. Мария боялась его взгляда, как огненного укола, но однажды увидела, как Миерлаук, не сводя глаз с репетирующих девочек, снял свою соломен-

ную шляпу, устало протёр платком совершенно лысую голову и украдкой добродушно улыбнулся. Это было так по-доброму, что она точно поняла — их режиссер вовсе не злой.

Мария проскользнула мимо сине-белой будочки, копии старинной караулки, и чуть не ткнулась в ливского вождя и его небольшую свиту. Он схватил девочку за плечи и грозно зарычал:

— Ага, я поймал лазутчицу врагов наших! Казним или помилуем?

Один из воинов выхватил из ножен меч:

— Вождь, дай её мне, я отрублю ей голову!

Два других воина застучали древками копий о землю.

— Смерть врагам! Смерть врагам!

— А ну, замолчите, переростки! — прервала дурачащихся мужчин красивая женщина в ливском длинном платье с накинутым на плечи огромным платком с орнаментом. — Напугаете ребенка!

— Да я не испугалась, — засмеялась Мария.

— Всё равно, девочка, запомни, нельзя мужчинам давать спуска, иначе они будут делать одни глупости.

— Но-но! — с деланной грозностью прикрикнул вождь. — Разве можно детям внушать такие глупости?!

— А это не глупости! — крикнула весело Мария. — Спасибо, я запомню! — она вывернулась из-под ладоней вождя и побежала вглубь бутафорского города, слыша позади дружный смех.

Поздно вечером Мария сидела возле постели больной матери и весело рассказывала ей о празднике.

— Мамочка, представляешь, на площади перед ратушей почти не было места! Все такие нарядные, радостные.

— И что же они все там делали, доченька?

— Ходили, пили, ели, радовались фокусникам и ряженым. Потом артисты стали показывать сценки из прошлого и сказки.

— Вы хорошо справились?

— С чем это они справились? — вмешался в разговор отец.

Он неожиданно вошёл в маленькую комнатку с букетиком полевых цветов, поставил их в вазу на комод, поцеловал дочку в затылок и склонился над женой.

— Аннушка, как ты, моя дорогая?

— Мне сегодня гораздо лучше, Карл, — бледное лицо супруги осветилось улыбкой.

— Мими так интересно рассказывает.

— Да, весь город обсуждает грандиозный праздник, и я горд, что моя дочь принимала в нём участие, но как бы это не отразилось на её учёбе.

— Папа! Я всё успеваю!

— Пока да, — повернулся к ней отец, — но твоё увлечение этими репетициями...

— Папа, я знаю, учеба превыше всего, но, — девочка повернулась к матери, — мамочка, это так скучно!

— Что именно, дочь? — нахмурился Лейко.

— Учеба, рукоделье, хорошие манеры... а что потом?

— Что значит что потом?! — строго переспросил отец. — Как порядочная девушка из приличной семьи ты должна будешь выйти замуж за достойного человека, чтобы продолжить наш и его род. Разве это не важная цель?

— Карл, — Анна положила тонкую руку на ладонь мужа, — не будь так строг, наша Мими очень разумная девочка, она всё понимает... Правда, доченька?

— Конечно, мамочка! — отозвалась Мария и вдруг заплакала, уткнувшись в её одеяло.

Анна гладила волосы дочери и смотрела, улыбаясь, на мужа, Карл медленно опустился на соседний стул.

К празднованию семисотлетнего юбилея Риги владелец пивоварни Шиндлер на южном склоне парка Гризинькалнс построил летний театр «Аполло». Его деревянные стены ещё не успели покрасить, но цветные флаги на двух башенках радостно развевались на ветру, приветствуя нарядную публику, которая, разговаривая и смеясь, толпилась возле уличного буфета, восседала за столиками и чинно проходила внутрь театра.

Мария Лейко и её подруга Вия часто гуляли здесь в августовские тёплые деньки и каждый раз присаживались на любимую скамью у дорожки, откуда хорошо было наблюдать за чужим весельем.

— Мими, ты живые картинки видела? — спросила подруга, провожая взглядом

очередную парочку.

- Видела один раз во время празднования в Кронвальде, забавно.
- Забавно?! – возмутилась Вия. – Да я несколько раз ходила!
- Нет, я бы лучше один раз в театр сходила.
- Мими, ты ни разу не была в театре?!
- А ты сама-то была?
- Так я же и не мечтала!
- Железная логика.

Подруги весело рассмеялись. Вия достала из сумочки серебристый кружевной веер и принялась интенсивно обмахивать им лицо. Мария удивленно посмотрела на подругу, та перехватила её взгляд, остановилась, резко закрыла веер и хлопнула им по ладони.

- Ну, чего ты так смотришь, веера не видела?
- У мамы взяла? – спросила вместо ответа Мария, улыбнувшись.
- Ну да, а что?
- Ты поаккуратнее с ним, а то тебя могут неправильно понять.
- Как это?

– А так! Мама мне книжку давала читать о светских манерах, так там твой жест с ударом веера об раскрытую ладонь означает: «Я буду исполнять твои желания».

Вия недоумённо посмотрела на свою невозмутимо строгую подругу, потом тихо прыснула едва сдерживаемым смехом, Мария ответила, и через секунду они залились весёлым хохотом. Вия убрала веер в сумочку.

- Мими, а ты хотела бы стать актрисой?

– Я? – улыбка соскользнула с лица Марии. – Да ты что, папу сразу удар хватит! Я просила его отвести меня в театр, а он сказал, что такие заведения прилично посещать только замужним дамам.

- Вот ещё, столько ждать!

Мария вздохнула.

- А что я могу?

– Всё! Если захотеть, – безапелляционно заявила подруга. – Разве могут понять наши мечты родители?! Они устарели, им бы только замуж нас отдать!

– Ой, Вия, – опять вздохнула Мария, – боюсь, ты права. Я не хочу замуж, не хочу учиться рукоделью и шитью, я хочу в театр!

Последнее слово она произнесла столь громко и чувственно, что проходящие мимо в этот момент два молодых человека, не стовариваясь, остановились и обернулись к девушкам. Один из них – Йоханес Гутер, второй – почти ровесник девушек – Ян Тилтс, худощавый молодой человек с густым ежиком непослушных темных волос. Мария смущённо потупила глаза. Гутер приподнял шляпу:

– Милые дамы, прошу великодушно простить, но слово «театр» прозвучало столь проникновенно, что я не смог пройти мимо.

- И я не смог, – Тилтс неловко поклонился.

Мария кивнула молодым людям, а сама шепотом сказала подруге: «Вия, кажется, нам пора». – «Ещё чего!» – зашипела та в ответ.

- Да, – заявила Вия, – театр – это наша мечта.

– О, это же чудесно! – радушно заулыбался Гутер. Он повернулся к своему спутнику. – Янис, давай поможем милым дамам сделать мечту былью?

- Фи, – усмехнулась Вия, – и как же вы нам поможете?

– Пойдёмте с нами, – предложил Гутер. – В театре как раз сегодня идет набор молодых, способных юношей и девушек для будущих спектаклей.

- Простите, – вступила в разговор Мария, – но мы вас совсем не знаем.

– Так давайте познакомимся! Я Йоханес Гутер, друзья зовут меня Янис, а это мой юный друг Ян Тилтс.

Тилтс снова поклонился. Вия умоляюще посмотрела на Лейко.

- Мими, пойдём, а?!

- Но это так неожиданно...

– Поверьте, милые дамы, – склонил голову Гутер, – у нас с Яном самые светлые намерения, ведь мы, так же как и вы, любим театр.

Гутер едва заметно толкнул локтём своего товарища, не сводящего глаз с Лейко.

- Да! – очнулся тот. – Мы просто без ума от театра.

- Ну, хорошо, господин Гутер, мы только посмотрим...

Гутер стремительно шагнул к девушкам, поцеловал руку Вие, потом Марии.

- Итак, как же ваши имена, прекрасные незнакомки?

- Это Вия, – засмущалась Лейко, – а меня зовут Мария.

– Очень приятно! – сказал Гутер, подставляя полусогнутый локоть. – Мария, прошу вас.

— Господин Гутер, — спросила Вия, надув губки, — вы хотите сказать, что вас пускают за кулисы?

— Ещё бы! Я же готовлю новую программу для театра «Аполло».

Подруги многозначительно переглянулись, к Вие подскочил Тилтс, девушка, благосклонно улыбнувшись, взяла его под руку. Они вышли на дорожку, степенно двинулись вместе с другими гуляющими по парку и через некоторое время, обогнув здание театра, подошли к крылечку с вывеской: «Для артистов и персонала». Гутер посмотрел на часы.

— До представления осталось несколько минут, не будем пока мешать артистам. Вы не смотрите, что театр неказистый, внутри него великолепный зрительный зал на шестьсот мест и вполне просторная сцена. На ней выступают певцы, эксцентрики, акробаты, молодёжь, одним словом.

— Но ведь это не цирк?

— Нет, Мария, это самый настоящий театр. Я бы даже сказал прообраз будущего театра, — Гутер вновь взглянул на часы, — ну вот, теперь мы можем войти. Прошу не шуметь.

Они прошли по короткому коридору к кулисам сцены. Мария и Вия, затаив дыхание, с горящими глазами увидели представление и публику, часть её восседала за накрытыми столиками, остальные стояли поодаль. На сцене выступали жонглёры в блестящих костюмах: два юноши и девушка. Они удивительно ловко подбрасывали кольца вверх, перебрасывали их друг другу, при этом юная артистка между бросками успевала крутить сальто. В конце номера, когда над нею сплошным потоком летали кольца, девушка села на шпагат, держа в руках взявшиеся неведомо откуда искусственные цветы, двое других артистов тут же одновременно поймали кольца, и, повернувшись к публике, все вместе поклонились. Раздался шквал аплодисментов. Мария и Вия в восторге тоже захлопали в ладоши. Из сумрака кулис вынырнул Гутер.

— Понравилось? — приглушённым голосом спросил он.

— Янис! — зашептала восторженно Вия. — Это чудесно!

— Да, волшебно, — согласилась Мария и грустно добавила: — Я так никогда не смогу.

Аплодисменты стихли, мимо них промелькнули юные артисты, они улыбались, но вид у них был усталый, по вискам стекал пот. Гутер проводил их взглядом и понимающе кивнул.

— Каждому своё, милые дамы, — сказал он. — Кто-то веселит публику, а кто-то просвещает её. Скоро мы будем ставить здесь настоящие спектакли.

С другой стороны кулис на сцену вышел человек во фраке и, поклонившись, широко раскинул руки.

— Дамы и господа, перед вами выступали артисты-эксцентрики из трио «Вернисаж», а сейчас вам споёт несравненная Клариса!

С этими словами мимо девушек, шурша складками платья и распространяя аромат духов, прошла чуть полноватая женщина с ярким, но мрачно-чёрным макияжем. Гутер потянул девушек за локти.

— Нам пора, — шепнул он.

Глубокий голос певицы догнал их уже в пути. Они прошли мимо служебного входа, миновали множество дверей и почти в самом конце коридора зашли в одну из них. В небольшой комнатке сразу же бросалась в глаза следующая дверь, обитая коричневой кожей, на которой золотисто поблёскивала табличка с надписью «Директоръ». В крохотной приёмной стоял небольшой потёртый диван, над ним висела картина с Аполлоном, убивающим злобного Тифона. Звуки представления здесь окончательно смолкли. На диване сидел Ян Тилтс и читал газету, увидев вошедших, он вскочил и радостно заулыбался.

— Милые дамы, — поклонился Гутер, — оставляю вас под охраной своего друга, — Тилтс отвесил поклон, на который девушки с улыбками ответили реверансом. — Ну, вот и отлично! — заулыбался Гутер. — Посидите здесь, я вас позову.

Он скрылся за дверью директора. Девушки уселись на диван, Тилтс галантно остался стоять рядом. Вия с интересом смотрела на директорскую дверь, а Мария с удивлением спросила Тилтса:

— Ян, там что, действительно настоящая комиссия?

— Конечно! А вы думали, Гутер пошутил?

— Честно говоря, — хихикнула Вия, — я думала, Гутер и есть комиссия.

— Эх, — вздохнул Тилтс, — если бы так!

— Ян, кажется, вы огорчены? — спросила Лейко. — Вы что, там уже побывали?

Тилтс кивнул.

— Ой, расскажите, что там?!

— Вия, подожди! — неожиданно властно прервала подругу Мария. — Давай сначала

ла поинтересуемся результатом. Ян, вы прошли комиссию?

— Не знаю, — развёл тот руками, — сразу ничего не говорят.

— Это несправедливо! — фыркнула Вия. — Сначала мучают вопросами, потом неведением.

— Зато есть надежда на надежду, — улыбнулся Тилтс, — пока молчат, я не проиграл.

— Как верно вы сказали: «надежда на надежду», — задумчиво сказала Лейко.

— Да ладно, глупости всё это. Вот я...

Вию прервал выглянувший из-за двери Гутер:

— Итак, кто первый?

— Я! — вскочила Вия и посмотрела на Лейко: — Мими, ты не против?

— Иди-иди, я боюсь.

Вия гордо дёрнула плечиком и исчезла за дверью.

— Ваша подруга смелая, — заметил Тилтс.

— Да, в отличие от меня.

— Не надо бояться, Мария, вы такая красивая, — Тилтс на мгновение замялся, — тонкая, в вас есть артистизм.

— Ян, вы и вправду так думаете?

— Никаких сомнений, главное — слушать своё сердце.

— Как хорошо вы говорите, слушать сердце, — Мария улыбнулась. — Спасибо, Ян, вы воодушевили меня, я постараюсь услышать своё сердце.

Дверь отворилась, оттуда вышла раскрасневшаяся Вия, следом выглянул Гутер:

— Мария, прошу.

Мария вошла в неожиданно просторную комнату с высоким потолком, у дальней стены возвышалась небольшая сцена с зачехленным пианино в углу. За директорским столом сидел важный господин в пенсне и курил сигару, за приставным длинным столом сидели двое мужчин и женщина. Женщина изящно курила длинную тонкую папиросу в мундштуке. Гутер бесшумно уселся на свободный стул, оставив смущённую Марию перед комиссией. Директор пыхнул сигарой и ласково кивнул.

— Ну же, дитя моё, не надо бояться, мы добрые. Так ведь, господа?

Члены комиссии заулыбались, одобрительно хмыкая, женщина затушила папиросу.

— Вас зовут Мария?

— Да, — кивнула Лейко.

— Представьте себе, Мария, что вы уже стали актрисой, вы только что вновь гениально сыграли очередную великую роль и вам рукоплещет восторженная публика. Поклонитесь ей, пусть аплодисменты не стихают.

В комнате стало тихо, в этой тишине надсадно скрипнула дверь, открывая щелку, через которую за происходящим пылливо наблюдали две пары глаз: одна пара — восхищенная, вторая — раздосадованная, но никто на это не обратил внимания, все следили за метаморфозой, происходящей с девушкой. Мария уже не видела присутствующих, вслед за волшебным голосом женщины она унеслась на воображаемую сцену, явственно увидела горящие глаза мужчин и восторженно-завистливые взгляды женщин, зал аплодировал, беззвучно крича ей «браво». Лейко чуть ступила правой ногой назад и, раскинув в стороны руки, словно они лебединые крылья, грациозно поклонилась, воображаемая публика взорвалась новыми восторгами, и до её слуха вдруг донеслись настоящие хлопки. Лейко выпрямилась и растерянно посмотрела на членов комиссии, они все, и Гутер тоже, лёгкими хлопками ладоней и добрыми улыбками показывали, что она сделала даже больше, чем от неё ожидали.

— Великолепно! — отозвалась женщина. — Девочка, у вас отличная природная пластика.

Директор пыхнул сигарой.

— Да, несомненно, а что вы умеете ещё?

— Почти ничего, — честно ответила Лейко, — но я научусь.

— Вы играли когда-нибудь в спектаклях? — спросил молодой мужчина с щёгольскими усиками на отрешенно бледном лице.

— Только в школьных постановках.

Другой мужчина с волосами до плеч озадаченно качнул головой.

— Мария, а я вас вспомнил, вы же участвовали в инсценировках Миерлаука во время празднования юбилея города?

— Ой, — смутилась Мария, — я от волнения совсем забыла.

Члены комиссии многозначительно переглянулись, потом вопросительно уставились на Гутера.

— Йоханес! — заговорил директор. — Что же вы нам не сказали об этом?

— Простите, господа, — развёл руками Гутер, — я и сам не знал.

— Ну, хорошо, — женщина подняла руку, все утихло, — работа с Алексисом уже косвенная рекомендация, но мы должны быть объективны. Мария, — обратилась она к Лейко, — изобразите нам обезьянку.

Мария мгновенно и легко, неожиданно даже для самой себя, перевоплотилась: она смешно сморщила личико, принялась потешно почёсываться. Женщина улыбнулась.

— Замечательно, а теперь посложнее, изобразите розу.

Марии было легко и свободно, знание того, что делать, шло изнутри, от сердца. Она чуть присела, согнувшись и обвив голову руками, потом качнулась, словно бы под порывами ветерка, и принялась распрямляться, плавно отводя руки в сторону, представляя, что это лепестки цветка раскрываются.

Члены комиссии одобрительно зашумели, женщина обернулась к директору, тот кивнул.

— Пусть споёт.

Женщина взглянула на Лейко.

— Спеть сможешь?

Мария кивнула и запела низким, чуть грассирующим, но приятным голосом:

*Спи, усни, мой медвежонок,
Мой косматый, косолапый.
Батяка твой ушел за медом,
Мать пошла лущить овес.
Скоро батяка будет с медом,
Мать — с овсяным кисельком.*

Когда они вчетвером вышли на улицу, там слегка за вечерело.

— Господин Гутер, — первой заговорила Вия, — вот мы и на улице, мы с нетерпением ждём ваших слов.

Гутер улыбнулся и, склонившись, поцеловал девушке руку.

— Дорогая Вия, свои слова я пока держу при себе, а вам могу передать только чувство. Так что, дорогие мои друзья, от имени высокой комиссии благодарю вас за любовь к театру. Вио и Яна мы всегда будем рады видеть в зрительном зале, а Марию приглашают учиться в труппу театра «Аполло».

— Подумаешь, не очень-то и хотелось! — Вия дёрнула плечиком и отвернулась. — Мими, я ухожу домой.

— Вия, подожди! Зачем ты так?

Лейко поспешила вслед за огорченной подругой.

— Мария, жду вас завтра в три! — крикнул Гутер.

Девушка обернулась и, улыбнувшись, помахала рукой.

— Талантливая девушка, — произнёс тихо Гутер.

— И красивая, — в том же тоне добавил Тилтс.

Гутер строго на него посмотрел.

— Молодой человек, не рановато ли увлекаться девицами? — Тилтс густо покраснел, Гутер засмеялся. — Ладно, Ян, не красней, красивые девушки — словно цветки: прекрасны, пока лепестки не опадают. Ты, главное, о деле не забывай. Завтра к пяти пополудни приходи на кружок, там лекция по Марксу будет.

— А ты?

— Я позже буду, сразу после репетиции.

Марии исполнилось 15 лет, это был последний день рождения, когда была жива её любимая мамочка. Уже несколько лет она болела, но как-то держалась, до последней возможности вставала с постели, продолжая вопреки всем возражениям ухаживать за своим мужем, лелеять и воспитывать свою дочь. Несмотря на всю свою строгость, страстное увлечение дочери театром Анна не только не осуждала, но даже гордилась тем, что её приняли в труппу настоящего театра. Отец хмурился, но жене не перечил, уж очень он любил и её, и дочь. После дня рождения Анна зачихала за несколько недель, слегла в октябре и больше не вставала. Её не мучили боли, она никого не донимала стонами и жалобами, просто тихо увядала, по вечерам прижимая к себе исхудавшими руками головку дочери. Мария улыбалась, рассказывала ей смешные истории, а потом беззвучно плакала в своей кровати, заливая подушку слезами. Анна умерла беззвучно, во сне, Карл безмерно горевал и твёрдо решил хранить светлый образ жены в своём сердце и больше не жениться. В новую квартиру на улице Альберта они въезжали вдвоём с дочерью.

Карл полюбил сидеть возле камина в кресле. Иногда он читал газеты, а чаще просто смотрел на огонь, ожидая прихода дочери с репетиции или с очередного спектакля. Он

не мог упрекнуть свою дочь в том, что её увлечение плохо отражается на учёбе, так как она удивительным образом всё успевала.

Но сегодня, в конце января 1902 года, он, наконец, решил поговорить с Марией серьёзно. Неслыханное дело: она одна собралась идти на вечернее представление!

— Папа, и вовсе не одна! Мы всей труппой идём.

— Мария, какая труппа?! Ваш театр, слава богу, закрыли!

— Папа, что ты такое говоришь! У нас просто летний сезон закончился!

— Ну, вот что, дочь, из-за странной прихоти твоей матери, я сквозь пальцы смотрел на твои репетиции и спектакли, но одной идти в общество неприлично! Знакомые и так на меня косо смотрят, мол, дочка от рук отбилась. Три месяца всего прошло, как похоронили маму, а ты уже бегаешь по театрам! Нехорошо.

— Папа, ты меня не слышишь! Мы идём в театр не ради общества, а ради учёбы. Русский театр сегодня «дядю Ваню» Чехова представляет!

— Да что мне ваш Чехов?! — вздохнул Карл. — И почему твоя мама не дала мне сразу пресечь это баловство?!

— Папа, это не баловство! Там такие артисты! Сам Незлобин играет! Гутер сказал, что это непременно надо видеть каждому молодому артисту!

— Ох, опять этот Гутер! Только и слышу: Янис, Гутер, режиссёр. Ты понимаешь, что тебе только 15 лет!

— Ах, папа, вот ты о чём?! — Мария вскочила и поцеловала отца в щёку. — Папочка, не волнуйся, меня интересует только театр.

— Легко сказать: не волнуйся.

— Папочка, я умру без театра!

— Как же! — Карл сокрушённо вздохнул. — Ты вся в мать, как и она, делаешь то, что хочешь!

— Ну, папа, ты же добрый, ты всё понимаешь!

— Боже, и за что мне эти испытания? — Карл встал с кресла и обнял дочь. — Скорей бы замуж тебя отдать в надёжные руки.

Мария поцеловала отца и звонко засмеялась.

— Папочка, милый, надёжные руки в этом мире только твои!

После убийства Александра II в 1881 году в газетах Европы русских революционеров изображали жуткими злодеями и разбойниками. Революционер Сергей Кравчинский, сбежав в Италию, в 1882 году написал под псевдонимом Степняк книгу «Подпольная Россия». В России книга была запрещена, а в Европе стала, как сказали бы сегодня, бестселлером. Очерки Степняка-Кравчинского перевернули образ русского революционера в международном общественном сознании, наделили его благородно-романтической привлекательностью.

Весной, чуть потеплело, начались регулярные репетиции в театре «Аполло». Иногда неожиданные заморозки, от которых стыло дыхание, загоняли труппу в директорский кабинет, в котором добрым теплом встречала высокая круглая чугунная печь с рельефным российским гербом над топкой. Печь стояла на толстом стальном листе, на ней пыхтел огромный чайник, а рядом лежали дрова. В такие дни молодые артисты учили роли, репетировали небольшие сценки, но чуть весна пригревала, рвались на большую сцену. За зиму они насиделись у печи.

Сегодня, в ясный солнечный день, было тепло и радостно. Репетиция началась с того, что артисты тщательно раскрасили друг друга ярким контрастным макияжем, выделяющим мышцы, глаза, скулы. По сигналу Гутера все встали на исходные позиции, торжественно и мрачно зазвучал рояль увертюрой к опере «Риенци» Вагнера.

Из-за кулис выходит могучий согбенный раб в цепях, неся на плечах огромный серый камень. Он опускает его в конце сцены, чтобы тут же поднять и нести обратно, повторив на другом конце сцены то же самое. По замыслу Гутера это бесконечное действие в стиле мифологического Сизифа есть олицетворение тяжёлого труда народа. Но вот музыка Вагнера утихает и сменяется удалым канканом. На сцену выскакивают юноша и Мария Лейко, оба в греческих одеяниях, с лавровыми венками на головах, они лихо отплясывают на фоне раба с камнем на плечах. Длинные красивые ноги Марии эротично выныривают из-под полупрозрачной туники, тело изгибается в сладостной агонии греха, а вокруг неё в бешено-страстном танце кружит юноша, стремясь ближе к девушке, пока, наконец, не настигает её. На мгновение их руки сплетаются, тела соприкасаются, и в ту же секунду их словно взрывом отбрасывает друг от друга, они вновь пляшут, впад в ещё большее неистовство. В руках танцоров мелькают вымпелы с надписями: весело, беззаботно, пьяно, равнодушно. Из-за кулис медленно выходит толстый персонаж с огромными золотыми эполетами на плечах. Он снисходительно смотрит на танцующих и иногда поглядывает на раба с камнем, в эти мгнове-

ния он резко меняется в лице, являя злобный оскал, и в его руке мелькает яркая плетка. Мимо него прошмыгивает загримированный Гутер с немецкими усиками и моноклем в глазу, с почти пустым мешком с надписью «Moszna» (мошна) и с маленьким венником. Гутер почти ползёт по полу и метёт венником в свой мешок, тот на глазах начинает распухать. Канкан вдруг стих, усталые юноша и девушка без сил падают на сцену. Гутер засуетился, под еле слышимый игривый наигрыш рояля, венник в его руках мелькает всё быстрее. Толстый субъект в эполетах алчно смотрит, как набухает мешок с мошной, но не вмешивается. Между тем Гутер подползает вплотную к рабу, по-прежнему таскающему камень, и интенсивно машет венником, мешок стремительно разбухает. Раб оглядывается, вместо игривого наигрыша вновь звучит увертюра оперы Вагнера. Могучий раб хмурится, но Гутер метёт и метёт, его мешок всё толще и толще, а камень на плечах раба всё тяжелее. Раб держит камень из последних сил, но вдруг выпрямляется и опускает камень на голову Гутера. У того выпадает монокль, сам он безжизненно растягивается на полу, а огромный камень разваливается пополам. Внутри лежит молот, раб хватается его и пристукивает им ринувшегося на помощь толстого в эполетах.

Музыка стихла, Гутер встал, отряхнулся, его взгляд наткнулся на Марию, сидящую на полу, он одобрительно улыбнулся.

— Мария, ты сегодня в ударе, — Гутер оглянулся на раба. — Все играли отлично, но вот концовка... — он задумался. — Ладно, подумаем. Так, артисты отдыхать, хор на сцену! Живее, живее, искусство не терпит промедления.

Сопровождаемый хорovým пением, Гутер прошёл по коридору и подошёл к двери, на которой висела табличка с его именем: «Йоханес Гутер». Гутер мгновение полюбовался на неё и толкнул дверь. В слегка вытянутой комнате уместились небольшой диван, письменный стол и артистическое трюмо. Гутер устало опустился перед ним на табурет и принялся стирать грим. Почти сразу же дверь распахнулась, и в комнату вошёл Тилтс с цветами и увесистым портфелем.

— Привет артистам!

— Привет, привет, — отозвался Гутер, продолжая стирать грим, — дверь на замок закрыл.

— Угу, — Тилтс опустил тяжёлый портфель на пол и замкнул дверь.

— Слежки не было?

— Не было. Я уж в этом деле поднаторел.

— Молодец, — похвалил Гутер. — Давай загружай тайник.

Тилтс кивнул, прошёл через комнату в дальний угол и, низко нагнувшись, что-то там нажал. Глухо звякнул скрытый механизм, Тилтс нагнулся ещё больше и, приподняв две сцепленные половицы, выложил в открывшийся тайник крепко связанные пачки газет «Искра».

— Янис, готово! — объявил он, усевшись на диван.

— Молодец!

— Янис, товарищи говорят, надо свою латышскую газету выпускать, даже название придумали: «Циня».

Тилтс вдруг хихикнул, взглянув на полустёртый грим Гутера.

— Цыц, — улыбнулся тот и опять повернулся к зеркалу. — Латышская газета — это замечательно, и название «Борьба» хорошее, короткое и ёмкое, давно пора! — Гутер вытер лицо влажным полотенцем и пристально посмотрел на своего гостя. — Ян!

— Да?

— А цветы кому?

— Марии, конечно!

— Смотри, Ян, я тебя на дуэль вызову.

— Так я как даме сердца.

— Ага, знаю я вас, рыцарей, — тихо пробормотал Гутер.

— Извини, не расслышал?

— Ничего, это я так, — Гутер встал. — Вот что, Ян, я вчера с товарищами встречался, о тебе расспрашивали.

— С чего это вдруг?

— Решили отправить тебя на самостоятельную работу.

— А, это? — вздохнул Тилтс. — Мне Петерс уже сказал, чтобы я готовился к отъезду, — он встал и поднял с дивана букет. — Пойду схожу к Марии, колено преклоню.

— Нет, я тебя определённо убью!

— Не надо, Янис, лучше напиши на половинках камня «Свобода» и «Возмездие», вот тебе и концовка.

Тилтс быстро прошёл мимо застывшего в ступоре Гутера к выходу. Он вышел, а Гутер, очнувшись, громко крикнул:

— Ян, ты гений!

Но Тилтс его уже не слышал, он почти бежал к женской гримёрной. Он не успел

постучаться, дверь вдруг открылась, и на пороге оказалась изумлённая Мария Лейко.

— Ой! — вскрикнула она. — Ян, ты как леший, раз и появился! — Тилтс широко улыбнулся и протянул букет, Мария склонилась над ним лицом. — Цветы?! Сейчас?! Это же чудо! Спасибо!

— Мария, я не леший, я всего лишь рыцарь, смиренно жаждущий доброго взгляда от своей дамы сердца.

— Но, Ян, это же дорого!

— Мария, ты такая изумительная, при чём тут деньги?!

— Ян, — кокетливо заулыбалась девушка, — ты мне льстишь.

— И не думаю, ты для меня навеки самая прекрасная.

— Ян, перестань, а то я покраснею, — Мария делает шаг назад. — Ой, что же я тебя на пороге держу? Входи, — Мария прошла к своему столику и поставила в пузатую вазу букет, полюбовалась им. — Ян, — обернулась она к Тилтсу, — как же это красиво! Спасибо.

— Хочешь, за водой схожу?

— Нет, я сама, — Мария махнула рукой и села на стул. — Ты лучше садись и рассказывай.

— О чём же? — улыбнулся Тилтс. — Приказывай, госпожа.

— Да ну тебя! Это уже не смешно. Мы же друзья?

— Конечно, Мария, мы друзья, — Тилтс посерьёзней, — поэтому мне будет печально расставаться с тобой.

— Расставаться?

— Да, Мария, скоро я далеко и надолго уеду, поэтому хочу сделать тебе подарок.

Тилтс достал из стоящего у его ног изрядно похудевшего портфеля книгу и передал её девушке.

— Спасибо, — Лейко посмотрела на название: — «Подпольная Россия», Степняк, — она посмотрела на Тилтса. — Ян, судя по фамилии, автор не немец, почему же книга на немецком?

— Это очень редкая книга о героях-революционерах, она в России запрещена, так что будь поосторожнее.

— Запрещена? — качнула головой Лейко. — Обязательно почитаю.

— Мария, открой обложку, я тебе там пожелание написал словами автора.

Лейко открыла обложку и прочла: «Оставайся верной самой себе, и ты никогда не будешь знать угрызений совести, которые составляют единственное действительное несчастье в жизни».

— Спасибо, Ян, — серьёзно ответила Мария после некоторой паузы, — это так созвучно тому, о чём я и сама думаю.

— Ты думаешь о театре, ведь так?

— Так, — кивнула Мария, — для меня лишиться театра равносильно изгнанию из рая.

— Так пусть же он тебя никогда не разочарует.

— Спасибо, милый Ян! — улыбнулась Мария. — Я всегда буду помнить тебя и твоё пожелание, — Мария подошла и поцеловала вскочившего со стула Тилтса в щёку. — Будь счастлив, рыцарь.

Во второе воскресенье апреля 1903 года театр «Аполло» открывал очередной театральный сезон. Воздух, пропитанный запахами весны, пьянил радостью, застоявшаяся за зиму публика была особенно благожелательна, аплодисменты почти не смолкали, слышались крики «Браво» и «Бис». Мария в греческой тунике и с венком на голове после громких оваций выскочила со сцены и едва не столкнулась с симпатичным молодым человеком Амтманом-Брйедитом — новым артистом театра «Аполло». Рядом с ним виднелась фигура Йоханеса Гутера.

— Ой, Альфред, извините.

Амтман поднял руки и беззвучно поаплодировал.

— Мария, вам ли извиняться?! Вы так красиво танцуете, что я чуть на сцену не вылез.

— Спасибо, — заулыбалась Лейко и сделала реверанс.

Амтман галантно склонился и коснулся губами её пальцев. Из-за его спины показалось лицо Гутера, он скорчил зверское лицо, ткнул пальцем в сторону Амтмана и провёл ладонью по горлу. Мария прыснула от смеха. Амтман выпрямился и недоумённо посмотрел на улыбающуюся девушку.

— Мария, я...

— Альфред! — раздался сзади строгий голос Гутера.

Амтман понимающе улыбнулся.

— Это что, голос Отелло?

— Пожалуй, я сохраню свою жизнь, — улыбнулась Мария, — мне пора.
 Лейко убежала, заставив обоих мужчин следить за её стройной фигуркой. Амтман посмотрел на Гутера.
 — Йохан, я прав?
 — Если насчёт Отелло, то да.
 — Что ж, — вздохнул Амтман, — тогда вернёмся к делам?

Вечером Гутер и Лейко медленно брели по парковой аллее, взявшись за руки. Мария улыбалась, поглядывая на своего задумчивого кавалера.
 — Янис!
 — Что? — встрепенулся Гутер.
 — О чём ты думаешь?
 — О тебе.
 — О, как приятно, — заулыбалась Лейко.
 — Ничего приятного, Мими, — строго сказал Гутер и остановился.
 — Янис, — надула губки Мария, — ну, что опять?
 — Ты забросила занятия по постановке голоса!
 — Ничего не забросила, один раз всего пропустила, а уже доложили!
 — Не один, а два!
 — Ну, два!
 — Мими!
 — Что?!

Они сердито смотрели друг на друга и вдруг разом заулыбались, потянулись друг к другу, поцеловались.

— Мими, — зашептал девушке в ухо Гутер, — твой голос очень красивый.
 — Врёшь, — шепнула она ему, — зачем тогда меня на постановку голоса отправил, разве меня со сцены не слышно?
 — Мими, ты говоришь глупости!
 — Я знаю, милый, — вздохнула покорно Мария, — просто я так устаю.
 — Надо потерпеть, Ригас лучший учитель вокала в Риге.
 — Он не учитель, а мучитель! Он затягивает мне шею шарфом, а затем заставляет орать, словно меня режут. Ужас!
 — Мими, надо терпеть, — Гутер вновь поцеловал девушку, — твой голос уже перестал дрожать, осталось несколько занятий.
 — Я потерплю, — прошептала Мария и, отодвинувшись от Гутера, подняла голову к усыпанному россыпями звёзд небу. — Ой, а где же луна?
 — На месте, Мими, не волнуйся, — засмеялся Гутер и поднял руку вверх. — Видишь тонкий-тонкий серпик месяца?

— Вижу!
 — Это новолуние, новое начало.
 Гутер потянул девушку к себе, но она отстранилась.
 — Янис, мне пора, папа будет волноваться.
 — Прошу! — вздохнул Гутер и подставил Марии локоть.
 Лейко подхватила Гутера под руку и потянула за собой.
 — Скажи, Янис, — быстро шагая по дорожке, спросила Лейко, — а этот новенький, Альфред, талантливый?
 — Амтман? Возможно, даже наверное, но уж очень заносится. Мими, ну куда ты так спешишь? — запротестовал Гутер.
 — Домой, а то наш швейцар опять будет ухмыляться.
 — Он и мне не нравится.
 — Вот видишь! Пошли скорее.
 — Ну, держись!

Они со смехом быстро зашагали по дорожке пустынного парка и очень скоро окунулись в огни вечернего города. Было ещё не поздно, в домах ярко светились окна, по тротуарам спешили прохожие, по мостовым, цокая копытами и стуча колёсами, тянулись вереницы повозок с нарядными и не очень пассажирами. Гутер и Лейко, не сговариваясь, замедлили шаг.

— Янис, — задумчиво спросила Мария, — так ты считаешь, что Альфред заносится?
 — Опять Амтман! Мими, какое тебе до него дело?!
 — Не сердись, просто он так смотрит на сцену, будто знает что-то сокровенное. Я всё время думаю об этом, мне интересно.
 — Ах, в этом смысле? — Гутер задумался. — Да, возможно, Мими, ты уловила самое главное: у него новая вера — реализм в искусстве. Альфред настолько категоричен, что боюсь, мы с ним не сойдёмся.

— Почему же?

— Потому что я считаю, что театр не зеркало для отражения действительности, а призма, чтобы её пристально рассматривать.

— Ой, как красиво ты сказал! А разве Альфред с этим не согласен?

— Ну, — замылся Гутер, — напрямую я не слышал, но он всё время твердит про русского актера Станиславского. Тот якобы делает революцию в театральном искусстве, которое заключается в слиянии сцены с жизнью.

— Про Станиславского я и от Миерлаука слышала, и он так убедителен...

— Убедителен?! — перебил её Гутер. — Вот видишь, Мими, и Алексис туда же! Как же вы не видите, что русский театр неумолимо погружает нас в душевно-эмоциональную трясиину, утаскивает в область элитарных эстетов, отдаляет от народа?! Рейнхардт уверен, что будущее европейского театра в слиянии всех типов представлений в единое действие, в театральную мистерию, простую и доступную своими эмоциональными протуберанцами любому зрителю! И я с ним согласен. Мими, а ты?

— Ты тоже очень убедителен, Янис, но разве разные взгляды на искусство могут разъединять искренних служителей театра? Господин Гутер, на вас это не похоже.

— Мими! — поморщился Гутер, — ну при чём здесь взгляды на искусство?! Мне не нравятся взгляды Альфреда на тебя!

— Янис, ты ревнуешь?

— Ещё как! — Гутер остановился. — Мими, ты же знаешь, как я люблю тебя, позволь поговорить с отцом, я хочу просить твоей руки.

Мария нежно провела ладошкой по его щеке.

— Нет, милый, не позволяю, я уже замужем.

— Как замужем?! — изумился Гутер и крепко схватил девушку за плечи. Проходящая мимо пожилая пара так засмотрелась на них, что чуть не врезалась в столб. — Мими, тебе же всего шестнадцать!

— Янис, глупенький, — засмеялась Мария, откинув голову. — Мой муж — это театр! — девушка вновь взяла Гутера под руку и потянула за собой. — Янис, — она лукаво улыбнулась, — я тебя тоже люблю, и когда-нибудь ты сможешь стать моим любовником.

— Мими, а муж? Я ведь не потерплю соперника!

— Муж? — задумалась на мгновение Мария. — Он станет райским садом, в котором мы с тобой будем жить и играть. Согласен?

— На это — вполне!

Поздно вечером они наконец-то подошли к дому Марии, швейцар услужливо распахнул дверь подъезда и сам выполз наружу, демонстративно застыв, словно статуя, у которой есть живые любопытные глаза и жадные уши. Гутер, склонив голову, чинно поцеловал руку девушки.

— Господин Гутер, спасибо, что проводили.

— Всегда рад услужить вам, сударыня. Передайте привет папеньке.

— Непременно, — ответила Лейко и добавили шепотом: — Ты домой?

— Нет, к Петерсу, — прошептал Гутер и тут же громко заявил: — Прощайте, сударыня.

— До свидания, сударь.

Мария счастливо улыбнулась и вбежала в подъезд. Гутер, словно только что заметил швейцара, дотронулся правой рукой до поля своей шляпы, швейцар величественно качнул головой. Мария, заметив это, хихикнула и побежала вверх по лестнице, а оба мужчины провожали её взглядами.

Отец открыл дочери входную дверь и многозначительно вытащил из кармашка часы.

— Папа, у меня уважительная причина!

— Как, опять?! — всплеснул отец руками. — Что на этот раз?

— Папа, напрасно иронизируешь!

— Ладно, — кивнул Карл, закрывая входную дверь: — Излагай.

— Папа! — Мария гордо приподняла головку. — Меня утвердили на главную роль в новом спектакле!

— Да? — искренне удивился Карл. — Ладно, бранить не буду, пошли чай пить, там и расскажешь.

Карл Лейко зашёл в гостиную, неся в руках пузатый фарфоровый чайник и, шаркая, добрался до стола. Поставив чайник, он тяжело опустился на стул. Вид у него был поникший, бледный, таким его застала Мария, радостно вспорхнувшая в комнату.

— Ой, папа, тебе хуже?! — испуганно вскрикнула она.

— Ничего мне не хуже, — проворчал Карл и с видимым усилием встал. — Садись, а то чай остынет, — Мария с тревогой в глазах наблюдала за отцом. Карл, наливая чай,

перехватил её взгляд и попытался увести разговор в сторону. — Мария, и что за спектакль вы будете играть?

— «Игра в Любовь» Артура Шницлера.

— Хм, автора не знаю, и название не внушает доверия.

— Да что ты, папа, это сейчас очень модный в Европе драматург! Представляешь, он, как русский Чехов, был врачом, но полностью ушёл в литературу.

— Немец?

— Австриец.

— Невелика разница, — Карл подвинул к себе чашку. — И кто ж режиссёр?

— Йохан Гутер, — сказала Мария и вдруг покраснела, хорошо, что в этот момент отец тщательно размешивал кусочек сахара и на неё не смотрел.

— Гутер? — сердито переспросил Карл. — Это тот хлыщ, что часто тебя провожает?

— Папа! — краска с лица Марии тут же пропала, брови грозно нахмурились. — Что за слова?! Господин Гутер каждый раз передаёт тебе персональный привет.

— Спасибо, — вздохнул Карл, — лучше бы вернул дочь.

— Вернул? Что за глупости! Никто никуда меня не забирал! И вообще, я уезжаю в Москву!

Карл от таких слов чуть чашку не выронил.

— Куда?!

— Я решила: поеду в Москву и поступлю в театральное училище.

— О боже, опять театр! — Карл так резко поставил чашку на блюде, что она обиженно звякнула. — Дочь моя, на что ты собираешься жить в Москве? Ведь теперь, когда я болею, я не смогу выделить тебе достойный пенсион. Вот умру...

Мария стремглав подскочила к отцу, обняла, принялась целовать, на её глазах появились слёзы.

— Папочка, опять ты о смерти! Ты же не хочешь оставить меня в этом мире одну!

— Нет, конечно, нет, — Карл успокоительно похлопал дочь по руке, погладил по волосам, — я всегда буду рядом с тобой, моё солнышко.

В 1903 году Мария Лейко успешно окончила частную гимназию для девочек. Из-за болезни отца дальше учиться она не смогла и всю себя отдала театру. Она легкомысленно игнорировала всё, что не было связано с театром, в том числе увлечение Гутера политикой. Мария не могла предполагать, что скоро социальный катаклизм самым непосредственным образом повлияет на её судьбу.

Осенним вечером 1904 года на одной из рижских конспиративных квартир состоялась очередная совместная встреча представителей латышских, русских и еврейских организаций. За столом с ожившим самоваром восседали несколько мужчин разного возраста, в том числе Йоханес Гутер и Яков Петерс, в будущем близкий соратник Дзержинского, а пока молодой человек, с копной темных волос, зачёсанных назад, с выпуклым лбом, пристальными глазами и тонкими упрямыми губами. Петерс недавно стал профессиональным революционером, и именно ему Гутер помогал в хранении нелегальной литературы.

Пожилой рабочий с пышными седыми усами кивнул сидящему рядом Петерсу, тот встал, держа в руке газету «Циня».

— Товарищи соратники, позвольте прочесть вслух несколько предложений из передовицы нашей новой газеты? — присутствующие молча покивали, пуская вверх густые клубы папиросного дыма. Петерс положил газету на стол и взял в руки рукописный лист. — Я тут заранее перевёл с латышского на русский, чтобы всем было понятно, — он начал читать: — «Неизбежно грядущая революция сметет прогнившее самодержавие, если пролетариат Латвии, невзирая на национальности, дружно и мощно проявит себя, добиваясь законных политических и экономических прав. Нужно создать власти такие условия, в которых она не сможет нормально функционировать, тем самым заложив камни в фундамент будущей победы».

Петерс многозначительно оглядел присутствующих и сел. Пожилой кашлянул и спросил:

— Вот, дорогие товарищи, такая простая и такая сложная задача, что скажете?

— Всё яснее ясного, — первым отозвался русский рабочий в косоворотке, — мы с нашей ячейкой городовой давно покоя не даём, поколачиваем повсеместно.

Его сосед с блестящей под светом абажура лысиной подхватил эстафету, с ярко выраженным латышским акцентом.

— Рабочие отряды молодцы, — энергично кивнул он, — городовые с зимы ходить по улицам опасаются, мы теперь спокойно разносим литературу, листовки и оружие.

— Это замечательно, — кивнул пожилой, — но, думаю, все согласятся, что идеоло-

гическую работу надо усилить?

Из-за стола вскочил худощавый студент еврейской наружности.

— Я, как представитель «Бунда», хочу сделать заявление. Наша организация ещё три месяца назад направила в портовые бордели добровольцев из числа революционно настроенных курсисток.

— Зачем? — растерянно спросил Петерс.

— Для идеологической работы с матросами и солдатами! И у нас есть замечательные результаты!

Еврейский студент так же неожиданно, как до того вскочил, сел обратно, гордо поглядывая на остальных. Пожилой рабочий смущённо кашлянул.

— Хм, что ж, — заговорил он задумчиво, — любая идейная пропаганда важна. Товарищ Гутер, тебе, как представителю передовой театральной интеллигенции, слово.

Гутер встал и пылко начал говорить по-латышски, но Петерс дернул его за рукав.

— Йохан, по-русски, пожалуйста.

— Ах, да, простите, — смутился Гутер и далее заговорил на русском почти без акцента. — Мы в театре листовки раздаём, поднимаем в спектаклях вопросы пролетарской борьбы, вызываем революционный огонь в сердцах публики, неприятие к несправедливости и эксплуатации.

— И что, действительно доходит? — спросил рабочий в косоворотке.

— Ещё как доходит! Всцелое сочувствие пролетариату растёт...

Пожилой встал и жестом показал Гутеру присаживаться.

— Спасибо, мы знаем, ваша ячейка зрелая и действенная, но с листовками, товарищ Гутер, пожалуй, перебор. Вы не рискуйте в театре понапрасну, а то закроют ещё. Партия понимает значение театрального искусства в революционной пропаганде. Ваша задача — пробуждение искусством революционного сознания. Нет возражений? — пожилой рабочий, расправив усы, внимательно посмотрел на каждого из участников собрания, все кивнули, даже еврейский студент. — Вот и отлично, а теперь поговорим о конкретных совместных акциях.

Неустанная деятельность социал-демократических организаций за пару лет так раскачали социальную обстановку в России, что полыхнуть могло когда угодно. И 9 января 1905 года полыхнуло.

Начиналось всё банально: на Путиловском заводе в Петербурге несправедливо уволили четырёх рабочих. Представители рабочих предложили владельцам завода вернуть рабочих обратно и наказать самоуправство мастера, но встретили глухую стену отчуждения. Путиловский забастовал, затем стачки начались на других заводах. И когда поп Гапон кинул в рабочие массы идею обратиться непосредственно к царю, её вдруг с энтузиазмом подхватили активисты, близкие к эсерам, они же подготовили и текст петиции. Гапон обегал высокое городское начальство, пытаясь заручиться поддержкой мирной акции, но не получил ни запрета, ни одобрения.

Воскресным утром в рабочих окраинах Петербурга собрались многотысячные колонны и двинулись по улицам, неся красные знамёна вперемежку с хоругвями и иконами. Город был полон войск, но никто не препятствовал их движению. Когда огромная толпа во главе с Гапоном подошла вплотную к Дворцовой площади, навстречу бросились казаки, толпа расступилась перед ними, но движения не прекратила, и тогда раздались выстрелы, полились реки крови, количество жертв исчислялось сотнями, раненых — тысячами.

Империя всколыхнулась и прежде всего своими окраинами.

Вести о расстреле рабочих дошли до Риги 10 января. На следующий день 11 января по Риге тысячами были расклеены листовки с описанием очередного злодеяния царизма и с призывом: «Бросайте работу! Присоединимся к всеобщей забастовке петербургских рабочих!»

12 января забастовала вся Рига, по улицам города шли толпы угрюмых рабочих, собираясь в парках и заводских дворах на митинги. Горожане попрятались по домам, стараясь без особой нужды наружу не высовываться.

Лифляндский губернатор получил из Петербурга категорический приказ прекратить беспорядки, применив оружие.

Утром 13 января 1905 года у железнодорожного моста через Даугаву двигалась молчаливо-угрюмая колонна рабочих. Первая шеренга несла плакат: «Мы скорбим по павшим пролетариям». В глубине шествия на ветру плескались красные флаги. Неожиданно из ближайшего переулка выбежал офицер, а за ним солдаты. Офицер широко разинул рот, прокричал: «Становись!» Солдаты слажено построились в две шеренги и замерли, колонна демонстрантов вздрогнула, но не остановилась. Офицер, злобно оглянувшись, отбежал вбок от строя и выдернул из ножен саблю. «Готовься!»

— истощно закричал он, и солдаты, подняв винтовки с примкнутыми штыками, переёрнули затворы.

Офицер опять оглянулся на шествие, его лицо исказила гримаса ужаса и ненависти: чёрно-серая толпа с кровавыми кляксами полотнищ выглядела единым существом, чудовищем, неумолимо надвигающимся на него. Офицер гаркнул: «Пли!» — и рубанул саблей воздух, тишину утра разорвал грохот залпа. Вспышки и дым слились с криками боли и отчаянья, демонстранты рванулись в стороны, оставляя на снегу десятки окровавленных тел, брошенный плакат и истоптанные красные знамёна. Солдаты стояли с каменными лицами и казались несокрушимой стеной, лишь два молодых солдата опустили винтовки и растерянно озирались, с трудом понимая, что сейчас произошло. Офицер медленно вложил саблю в ножны, больше стрелять не было нужды, народ разбежался. Он вытащил из кармана пачку папирос и вдруг замер от грохота новых выстрелов. Офицер резко обернулся и увидел, как вдали шеренга унтер-офицеров залпами стреляет по толпе. Толпа от нового нападения обезумела, оглушительные крики, стоны, давка, люди бросились с набережной Даугавы и побежали по льду, оставляя после себя мёртвых и раненых. «Зачем?!» — прошептал офицер, тщетно пытаясь достать папиросу дрожащими пальцами.

В тот же день во дворе завода «Металлические мастерские» проходил митинг, один из множества других, возникающих по всему городу. Возмущённые рабочие громкими одобрительными криками поддерживали гневные лозунги и призывы выступающих. После очередного оратора, на большой ящик — импровизированную трибуну, опираясь на руку Петерса, взобрался пожилой рабочий с седыми усами.

— Товарищи! — глухо выдохнул он, и все притихли. Пожилой рабочий скорбно выгнулся, медленно стянул с себя шапку. — Братья мои, пролетарии! Самодержавие показало свой звериный оскал. Наши погибшие товарищи не напрасно пролили свою кровь, они требуют действия и отмщения! Мы должны сбросить оковы векового рабства! Надо сражаться, надо строить баррикады!

— Ура-а! — закричали рабочие.

— Товарищи! — громко закричал Петерс. — Наш комитет формирует отряды, записывайтесь!

Толпа зашевелилась, грозно заурчала, к Петерсу подскочил один из его соратников.

— Екаб, где моей пятёрке оружие получать?

— В слесарном цехе, — соратник рванулся назад, но Петерс перехватил его за рукав. — Андрей, веди туда только тех, кого лично знаешь!

— Само собой!

С 15 января по городу пошли похоронные процессии, часть из них с рабочих окраин двигались к центральным улицам Риги, вбирая в себя новых и новых участников, превращая скорбные шествия в многотысячные манифестации. Колонны вошли в центр города, окончательно распутывая обывателей могучим пением революционных гимнов и маршей. Так продолжалось пару дней, а затем в город вошли казаки и конями и нагайками отрезали окраины от центра. Многочисленные отряды полицейских под прикрытием солдат разгоняли скопления людей, обыскивали, кого считали нужным, а строптивцев тащили в кутузки. Тут и там раздавались выстрелы, появлялись новые жертвы и раненые. Противостояние не прекращалось, словно смерч, втягивая в себя всё новых и новых участников.

Под нажимом властей хозяева фабрик и заводов объявили о сокращении на один час рабочего дня, об увеличении заработной платы, обещали улучшить условия труда, но революционный маховик уже не останавливался. Рабочие рижских предприятий бастовали почти непрерывно, выдвигая уже политические требования. Революционный бунт волной расходился по окрестностям, вовлекая в себя крестьян. Полиция и казаки металась по городам и сёлам, от предместий к поместьям, избивали, арестовывали, калечили и убивали, но в рабочих словно бес вселился. Теперь они охраняли свои митинги и упорно отбивались от солдат и отстреливали казаков как самых вредных и злых своих противников. День и ночь разделились, теперь в ночи балом правили боевые революционные отряды, завоевывая целые улицы, иногда удерживая их и днём. Оружейные магазины обчищались, у полицейских отнимали оружие, на заводах точили бомбы. На уютных улицах Риги каждая ночь приносила новые кровавые пятна.

Ночью из темноты то и дело доносились далекие взрывы и выстрелы. Марии не спалось. Она заглянула к отцу, он, спасибо богу, спал. Мария тяжело вздохнула и тихо затворила за собой дверь спальни. Отец сильно сдал, всё реже вставал днём, доктора бессильно разводили руками.

Мария поставила едва светящуюся керосиновую лампу на комод и прошла к окну. Там было темно и пустынно. Ещё пару месяцев назад улица Альберта светилась яркими электрическими огнями окон и цепочками газовых фонарей, а теперь на всей улице редкие пятна света и пара фонарей, дающих не столько свет, сколько обозначение границ тьмы. Совсем близко раздались трели свистка, внизу замелькали темные фигуры в штатском с винтовками, они пробежали мимо и свернули за ближайший угол здания, следом за ними на улицу выскочили конные жандармы. Они заметили, куда скрылись беглецы и с удвоенным рвением бросились за ними в погоню, но едва они свернули за угол, раздались выстрелы и крики, на улицу выскочила лошадь без всадника. Мария отпрянула от окна, чуть не вскрикнув от неожиданности, а лошадь внизу взбрыкнула и застыла, понуро опустив голову.

Лифляндский губернатор генерал-лейтенант Пашков Михаил Алексеевич смотрел в окно своего кабинета в Рижском замке. За стеклом начиналась весна. Губернатор вздохнул. Статный для своих 52 лет мужчина выглядел усталым, если не сказать изнеможенным. Он резко задёрнул шторы и вернулся к столу, заваленному депешами и донесениями. Как могло случиться, что за несколько дней обрушился миропорядок государства Российского? Сначала в Петербурге, а теперь вот и в Риге. Губернатор сел в кресло и принялся бесцельно перебирать бумаги: «Бунт, кругом бунт!» — шептали его губы.

Весеннее солнышко незаметно вползло на щёку Марии, неподвижно сидящей на стуле в гостиной. Девушка не заметила, не отстранилась, она безотрывно смотрела на закрытую дверь родительской спальни, ожидая выхода доктора. Сегодня утром отцу вновь стало плохо, он опять терял сознание.

Дверь спальни отворилась, в гостиную вышел доктор, за его спиной мелькнуло запрокинутое на подушках бледное лицо отца. Мария вскочила со стула, доктор притворил дверь и подошёл к ней.

— Как папа?!

— Я дал ему обезболивающее, господин Лейко уснул.

Мария кивнула, промокнув платком глаза, и вынула из кармашка домашнего платья деньги.

— Вот, господин Эггерт, прошу взять за визит.

Доктор покачал головой и отстранил от себя её руку.

— Нет, увольте, дитя моё, я ведь сегодня не лечил, — доктор, сухопарый вежливый немец в пенсне, поклонился. — Разрешите откланяться, фрейлейн.

— Господин Эггерт! — воскликнула Мария, прижав руки к груди. Доктор выпрямился и внимательно посмотрел на девушку. — Доктор, скажите мне честно: всё плохо?

— Мария, вы действительно хотите от меня честного ответа?

— Да! Неизвестность приводит меня в ужас.

— Что ж, дорогая Мария, тогда крепитесь, медицина уже бессильна, думаю, что вам следует пригласить пастора.

Доктор опять поклонился и вышел из комнаты, а Мария так и осталась стоять, пытаясь осознать беспощадные слова доктора. Из ступора её вывел звонок телефона. Девушка вздрогнула и растерянно посмотрела на трезвонящий аппарат, потом медленно подошла к нему и сняла трубку.

— Алло.

— Мария, дорогая, — раздался в трубке голос Гутера, — тебя сегодня опять не было на репетиции. Что случилось?

— Янис, — всхлипнула Мария, — у меня папа умирает.

— Что?! Я немедленно приеду!

— Приезжай, пожалуйста, я жду.

Мария опустила трубку и осталась стоять, уйдя в свои мысли. Неожиданно на её плечо легла рука служанки, Мария оглянулась на неё остекленевшим сухим взглядом.

— Сударыня! — испуганно запрочитала Лайма, — вы поплачьте, — она подвела безучастную Марию к креслу и усадила, погладила по голове. — Мария, вам поплакать надо, очень надо. Вы меня слышите?

— Да, — шепотом ответила Мария.

Лайма подложила под голову Марии маленькую подушку, горестно вздохнула и, покачав головой, ушла на кухню. Мария смотрела, но не видела, она вся сжалась от неизбежности приговора, её губы еле слышно шептали: «Это невозможно». Такой её и застал Гутер. Он ворвался в гостиную, встал возле Марии на колени и принялся целовать ей руки. Наверное, только он и мог, как в сказке, вырвать её из страшного мира скорбных грёз. Мария встала и, взяв Гутера за руку, потянула его к двери в спальню.

- Пойдём, я хочу, чтобы отец тебя успел увидеть.
- Мими, вдруг он отдыхает?
- Тогда мы подождём, когда он проснётся, правда, милый?
- Да, конечно, – кивнул Гутер.

Отец не спал. Он медленно повернул голову к Марии и заулыбался, но заметив за её спиной Гутера, посерьёзnel.

– Так-так, – неожиданно громко заговорил Карл, – к нам важные гости? – Гутер растерянно замер в дверях. – Да вы проходите, молодой человек, садитесь, – улыбнулся Карл. – Жаль, что не послушал дочку, не познакомился с вами раньше.

– О, господин Лейко, лучше поздно, чем...

– Да-да, – перехватил Карл фразу: – ...чем никогда. Как быстро и незаметно приблизилось это «никогда».

– Что вы, господин Лейко, вы обязательно выздоровеете.

– Это уж как бог решит, а вы запоминайте... – Карл Лейко вдруг вздрогнул, лицо напряглось от еле сдерживаемого стола.

– Папа! – рванулась к нему испуганная Мария.

– Ничего, – вздохнул тот облегчённо, – отпустило. Вы, молодые, запоминайте, как жизнь быстротечна, – на лице Карла выступили мелкие капельки пота. Мария бережно промокнула их платком. – Спасибо, дочь, – улыбнулся отец и на миг запнулся.

– О чём я... Ах да! Господин Гутер, позаботьтесь о Марии.

– Папа!

– Молчи, дочь! У меня нет времени на политесы.

– Господин Лейко, не волнуйтесь, я давно люблю вашу дочь и хотел просить у вас её руки.

– Ой, Янис! – Мария покраснела.

– Благословляю вас, дети мои, будьте счастливы, а теперь идите. Я устал, мне надо поспать.

– Папа, может быть, ты поешь, я позову Лайму?

– Нет, не хочу, идите, идите.

Мария проводила Гутера в прихожую и грустно смотрела, как он снимал с вешалки пальто. Гутер перехватил её взгляд, обронил пальто и, подскочив к ней, обнял. Мария словно только этого и ждала и тут же тихо заплакала. Так они и стояли: она лила слёзы на его жилетку, а он обнимал её и гладил по плечу. Минут через десять Мария затихла.

– Янис, – глухо сказала она, не поднимая лица, – я пока не смогу ходить на репетиции.

– Да, конечно! Ничего, пока твою роль будет играть дублёрша.

Мария после этих слов зарыдала опять, Гутер вновь крепко обнял девушку, она быстро успокоилась.

– Спасибо, Янис, – Мария отодвинулась и промокнула лицо платком. – Мне уже лучше.

Она сделала попытку улыбнуться. Гутер медленно потянулся к ней и поцеловал в губы. Они сплелись в страстных объятьях, и когда оторвались друг от друга, оба учащённо дышали.

– Мими, я очень люблю тебя.

– Я знаю, Янис, – девушка печально улыбнулась, – тебе пора, милый.

– Да, это верно, – Гутер накинул пальто и вдруг спохватился: – Мими, у вас есть деньги, продукты?

– Что? Ах, это. Не волнуйся, Янис, деньги есть. До болезни папа хорошо зарабатывал. У нас служит Лайма, и ещё приходит тётушка Марта. Они за папой ухаживают.

Гутер посмотрел на часы.

– Ого!

– Ты торопишься?

– Да, – Гутер поцеловал Марии руку. – У меня важная встреча.

– Янис, опять политика?!

– Мими, ты оглянись, посмотри, что за окном творится!

– А я и смотрю: каждую ночь выстрелы, взрывы, ужас! Янис, я боюсь за тебя.

– Мими, милая, – воскликнул Гутер с горящими глазами. – Мне безумно жаль твоего батюшку, но это творится история! Я не могу стоять в стороне, ни я, ни наш театр. Прости.

– Я прощаю, что мне ещё остаётся, но тётушка Марта рассказывает страшные вещи!

– Какие ещё страшные вещи?

– Под видом революционеров грабят приличную публику, обчищают магазины и квартиры, а недавно ограбили военных!

– Не верь сплетням, Мими! Наши классовые враги лгут и клеветают!

— Классовые враги?! Янис, ты не перепутал классы?
— Мария, я начинаю сердиться! — Гутер сердито надел шапку. — Я приду к тебе завтра.
— Хорошо, милый, я буду ждать.

В сентябре 1905 года латышские и еврейские революционеры решили напасть на рижскую Центральную тюрьму, где в заключении находились многие их арестованные товарищи. Такая мощная боевая акция должна была «прогromеть на весь мир». Русские социал-демократы со скепсисом отнеслись к идее напасть на тюрьму: слишком опасно, чревато многими жертвами при отсутствии гарантий успеха, но в связи с масштабностью мероприятия, в помощи не отказали. На заводах спешным порядком ремонтировалось добытое разными путями неисправное огнестрельное оружие, отливались бомбы, активно собирались средства на покупку нового оружия и боеприпасов. Революционеры умудрились даже добыть дубликаты ключей от тюремных ворот. Бомбы и револьверы приносили на хранение в театр «Аполло», где прятали в ящиках, заваленных старым реквизитом.

За две неполных недели всё было готово.

Сентябрьским вечером Мария Лейко медленно шла по дорожке Матвеевского кладбища. Среди тишины к её сознанию не сразу прорвался странный, неуместный здесь шум: приглушённый говор множества людей. Девушка остановилась и принялась недоуменно оглядываться. Слева от дорожки, сквозь кустарники и стволы деревьев она заметила мелькание людских силуэтов. Сзади слышались шаги, Мария испуганно обернулась и с изумлением увидела Гутера, за ним виднелись две коренастые фигуры с тяжёлыми чемоданами в руках. Гутер удивился не меньше Марии.

— Мими, что ты здесь делаешь?!

— Хороший вопрос, — грустно улыбается Мария, — а тебя, Янис, каким ветром сюда занесло?

— Революционным, — хмуро ответил Гутер и скомандовал своим спутникам: — Товарищи, вас ждут, несите подарки.

Спутники Гутера кивнули и, звякнув металлом в своих чемоданах, скрылись в кустах. Гутер и Мария проводили их взглядами.

— Янис, — тихо спросила Мария, — что вы затеваете? Мне страшно.

— Мими, сегодня важное дело, прости, я не могу сказать, — Гутер приблизился к девушке и заглянул в глаза, полные слез. — Мими, папа?

— Да, — Мария тихо заплакала.

— Бедная, — шепнул ей Гутер, обняв. — Когда это случилось?

— Неделю назад. Я каждый день хожу на его могилу.

— Мими, как же ты мне не сказала?

— Не смогла тебя найти, ни дома, ни в театре.

— Прости, милая, — вздохнул Гутер, — такое время сейчас. Подожди меня, я схожу к товарищам и потом провожу тебя, хорошо?

Гутер нырнул в кусты и вышел на небольшое, укромно скрытое зарослями пространство. Здесь толпились десятки людей в рабочих куртках и студенческих шинелях. Кое-кто держал топоры, а большинство стояли вокруг открытых чемоданов. Яков Петерс, помечая что-то в сложной пополам тетрадке, следил за выдачей оружия, строго покрикивая на особо нетерпеливых. В нескольких шагах от них латыш с лысиной разговаривал с офицером в шинели с пашкой на боку. Гутер недоумённо уставился на эту странную парочку: латыша он хорошо знал, но что тут делал офицер?!

— Это Гришка маскарад придумал, — раздался у самого его уха голос Петерса, — не знаю, может быть, и сработает.

— Яков, ты идёшь с ними?

— Нет, я не иду. Моя задача — передать оружие. Спасибо тебе, Янис, за помощь.

— Да, спасибо вам, товарищ Гутер, — включился в разговор подошедший латыш с лысиной.

— Это мой революционный долг. Я хочу вместе с товарищами пойти на акцию.

— Ни в коем случае! — категорически заявил латыш. — Вы, товарищ Гутер, и ваш театр должны оставаться вне подозрений. Жандармы и полиция людей по любому пустику хватают. Зверствуют. Уходят.

— Да, да, Янис, — кивнул Петерс, — я поддерживаю. Более того, комитет и мне запретил, как я ни упрашивал. Пошли вместе.

— Так я это... — засмутился Гутер.

— Ты чего? — удивился Петерс.

— Да там, на дорожке Мария.

— Мария?!

— Ты пришёл сюда со своей девушкой?!

— Нет, конечно, что я, правил не знаю?! У неё отец недавно умер...

— Уф, понятно, — Петерс виновато улыбнулся, — ты извини. Раз уж так случилось, познакомь нас.

— Пошли.

Гутер и Петерс вынырнули из зарослей и предстали перед Лейко.

— Мария, позволь представить моего друга.

Петерс мгновение помедлил, любуясь лицом Марии, потом галантно поклонился.

— Яков Петерс, — представился он.

— Очень приятно, — Мария протянула руку. — Много слышала о вас, Яков.

Петерс поцеловал руку.

— Надеюсь, только хорошее? — Петерс с сочувствием посмотрел на девушку. — Мария, позвольте выразить вам искреннее соболезнование.

— Спасибо, Яков.

Петерс вновь поклонился.

— Друзья мои, я очень спешу, разрешите откланяться.

Гутер смотрел вслед удаляющейся фигуре Петерса со смешанными чувствами. В нём боролась досада, что его не пустили на акцию, с постыдным для революционера ощущением облегчения по той же самой причине. Из задумчивости его вывел голос Марии.

— Янис!

Он повернулся к ней и вдруг страстно обнял и поцеловал в губы, девушка прижалась к нему всем телом. Они долго стояли так. Незаметно шум за кустами затих. Мария заглянула за плечо Гутера.

— Ой, — прошептала она ему прямо в ухо, — всё стихло! Будто и не было никого.

Гутер оглянулся, взял Марию под руку.

— Мими, нам лучше уйти отсюда.

Они медленно шли по пустынному городу, необычно тихому в этот вечер, и ныряли в густую тень домов и деревьев, сливая губы в страстных поцелуях. У подъезда дома они нерешительно остановились, здесь Гутер всегда прощался с Марией, а сейчас она крепко держала его руку.

— Мы пришли, — сказала она, ещё крепче сжав пальцы.

Гутер ответил взаимным пожатием.

— Мими, что-то я не вижу вашего швейцара? Обычно он нас всегда встречал.

— А его нет, — усмехнулась Мария, — соседи сказали, что его выстрелы пугали, он на свой хутор сбежал.

— Что ж, зато не надо конспирацию соблюдать, она мне и так надоела.

— Янис, пойдем ко мне, — голос Марии дрогнул. — Мне страшно.

Они долго смотрели друг другу в глаза.

— Мими, — прошептал Гутер: — Ты уверена?

— А ты?

Гутер вместо ответа распахнул дверь подъезда.

Как и предвидели русские социал-демократы, толку от нападения на тюрьму было мало, зато на шумели на весь мир. Уже на следующий день газеты России и Европы писали о новой «дерзкой акции», комментируя её на все лады. Например, французская «Le Temps» («Время»), про которую Ленин писал, что «без дрожи бешенства «Le Temps» не может говорить о социализме», напечатала: «Позапрошлой ночью группа в 70 человек напала на Рижскую центральную тюрьму, перерезала телефонные линии и посредством веревочных лестниц вошла в тюремный двор, где после жаркой стычки были убиты двое тюремных сторожей и трое тяжело ранены. Манифестанты освободили тогда двоих политических, которые находились под военным судом и ждали смертного приговора. Во время преследования манифестантов, которые успели скрыться, за исключением двух, подвергшихся аресту, был убит один агент и ранено несколько полицейских».

Утром улицы Риги наполнились народом, стихийные митинги возникали в самых неожиданных местах: у магазинов, на перекрестках. В очередном людском водовороте на Большой Невской улице увязла бричка с офицером. Толпа, слушающая орущего охрипшим голосом прыщавого студента, вдруг в один миг переключила внимание на офицера. Суровые злые лица окружили бричку, слегка обеспокоив офицера. Он растерянно увидел, как извозчик, ловко извернувшись, соскользнул с облучка и исчез в толпе.

— Узурпатор! — крикнул визгливо женский голос из-за спин.

— Убийца! — подхватила клич толпа.

— Негодяй! — раздалось близко, чуть ли не у уха офицера.

Он вскочил, лицо побагровело.

— Кто сказал — негодяй?! Я офицер императорской армии! Да я...

Рука офицера метнулась к кобуре с револьвером, но из толпы раздался выстрел, офицер застонал, хватился за бок, из-под его пальцев закапала кровь.

— Боже, ему срочно надо в больницу! — разнеслось вдруг над притихшей толпой женское восклицание.

Толпа отпрянула от брочки, и в это время раздался ещё выстрел. Пуля попала в спину, офицер покачнулся и кулем свалился на мостовую. Кто-то вскрикнул, а прыщавый студент хрипло крикнул:

— Смерть царизму!

Люди бросились врассыпную, оставив на мостовой мёртвое тело в луже крови.

В кабинет губернатора Лифляндии тайного советника Звегинцева Николая Александровича, назначенного летом вместо скоропостижно заболевшего генерал-лейтенанта Пашкова, без стука ворвался адъютант. Губернатор удивлённо поднял голову от служебных бумаг.

— Простите, что врываюсь, ваше превосходительство!

— Ну, что на этот раз?

— Толпой застрелен подполковник 116-го пехотного Малоярославского полка Левис оф Менер.

— Проклятье! — Звегинцев раздражённо вскочил. — Что ещё?

— Толпа с хоругвями и иконами из Московского форштадта кидает камни в еврейские магазины. Призывает разгромить еврейский приют.

— Господи, дети-то им чем помешали? — губернатор устало потёр лоб. — Голубчик, пошлите к приюту казаков.

— Слушаюсь!

Пролетка с Гутером и Лейко развернулась на улице Пернавас и остановилась перед входом в парк Гризинькалнс. Гутер расплатился и едва помог девушке сойти, как извозчик заломил картуз и сорвался дальше в поисках пассажиров.

Мария взяла Гутера под руку, и они, прижавшись, друг к другу, настолько, насколько позволяли рамки приличия, направились вглубь парка. Неожиданно из-за ствола старого клена вышел Петерс и остановился перед ними.

— О, какая приятная встреча! — Петерс наклонился и поцеловал Марии руку. — Добрый день, Йоханес.

— Добрый, — Гутер подозрительно посмотрел на Петерса: — А он точно добрый?

— Раз я вас перехватил, значит, добрый.

— Что значит перехватил? — спросила с любопытством Лейко.

— Вы направляетесь в «Аполло»? — вместо ответа переспросил Петерс.

— Конечно! У нас там репетиция, в выходные новый спектакль показываем, последний в этом сезоне.

— Боюсь, спектакля не будет.

— Как это не будет?!

— Спокойно, Янис, в театре обыск.

— Понятно, — кивнул сразу же успокоившийся Гутер, — дорогая, ты не хочешь сегодня просто погулять?

— С удовольствием, — спокойно ответила Лейко, хотя лицо её заметно побледнело.

— Да, — согласился Петерс, — погуляйте, только осторожно.

— Само собой.

— Тогда, друзья мои, я исчезаю!

Мария посмотрела на расстроенного Гутера.

— Всё плохо?

— Пока не знаю, — пожал тот плечами, — надо выяснить. Сходим?

— Пошли, конечно.

Прогулочным шагом они прошли по дорожкам парка и свернули к театру. Перед входом прохаживался жандарм, чуть дальше топтался ещё один. Буфет рядом с театром, как ни странно, работал, за одним из деревянных столиков сидела ничем не примечательная парочка, вкушая пирожные с чаем, а в стороне от них пил пиво мужчина в шляпе, с деланным равнодушием шныряющий вокруг глазами. Гутер и Мария подошли буфету.

— Два пирожных, пожалуйста, и сельтерской воды.

Буфетчик Юрис сразу узнал Гутера, но вида не подал.

— Сию минуту, сударь, — громко сказал он и засуетился за прилавком. Расставляя

на прилавке заказ, успел незаметно шепнуть: — Этот в шляпе филер.

— Понял, — также шепотом ответил Гутер. — Кого-нибудь арестовали?

— Нет, выгнали из театра всех, а теперь начальство ждёт.

— Спасибо, голубчик, — громко сказал Гутер и протянул буфетчику деньги.

— Премного благодарен! — склонился тот в поклоне.

Под пристальным взглядом филера они направились к столику, стоящему в уголке, образованном рядами кустарника. Их обогнал Юрис с тряпкой, разметал листья на скамье и столешнице, угодливо улыбнулся и убежал обратно. Гутер поставил два чая и тарелку с двумя пирожными, усадил Марию лицом к театру, а сам сел напротив.

— Мими! — сказал он с блаженной улыбкой, словно признавался в любви. — Расскажи мне, что будет происходить перед театром.

— Хорошо, — улыбнулась в ответ Лейко, потом хихикнула.

— Мими, что смешного? — спросил Гутер, не меняя выражения лица.

— Мы как шпионы, — шепнула в ответ Мария.

— Да, похоже, — в свою очередь усмехнулся Гутер. — Ты ешь пирожное, они здесь очень вкусные.

— Да ты что, Янис?! Это же вредно для фигуры!

— Ешь! Сегодня можно.

— Ну, смотри, дорогой, не вздумай потом говорить, что я много ем!

— Хорошо, хорошо.

Сзади раздалось цоканье копыт, к театру подъехали дрожки с пузатым обер-офицером в сопровождении пяти конных жандармов. Хлопнула дверь театра, из неё выскочил жандармский вахмистр и сломя голову понёсся к дрожкам.

— Янис, начальство прибыло.

— Угу, — кивнул Гутер, прислушиваясь к событиям, происходящим за его спиной за кустами.

— Пузач какой, — сморщилась Мария, глядя на то, как вахмистр помогает начальству выбраться из повозки.

— Тихо! — прошепел Гутер.

Голоса жандармов были хорошо слышны.

— К обыску приступили?

— Так точно-с! — вытянулся вахмистр. — С час назад, ваше высокоблагородие!

— Что-нибудь нашли?

— Ящик, ваше высокоблагородие!

— С оружием?

— Нет, но внутри есть следы машинного масла!

— И что, я им пятна от машинного масла предъявлю?! — сердито буркнул толстый обер-офицер. — Они скажут, запчасти для декораций там держали. Что-нибудь ещё есть?

— Кой-какую литературку обнаружили, — рявкнул вахмистр.

— Что орёшь! — обер-офицер вытер шею платком.

— Виноват, ваше высокоблагородие!

— Литература хоть запрещённая? — с надеждой спросил обер-офицер.

— Да нет... — замаялся вахмистр. — Вольнодумная.

— Этого мало, — расстроено вздохнул обер-офицер. — Ладно, веди, сам посмотрю.

Гутер склонился к лежащей на столе руке Марии и поцеловал.

— Нам пора? — догадливо спросила Мария.

— Да, дорогая.

Гутер встал, вальяжно обошёл столик и помог Марии подняться, они взяли под руки и медленно направились к дорожке парка. Филёр проводил их равнодушным взглядом.

— Янис, — сказала Мария, когда они отошли от театра, — какой мерзкий взгляд у этого человека с пивом!

— Это не человек, Мими.

— Как это — не человек?

— Это филер, первейший враг революционера.

— Уф, как хорошо, что мы ушли и что тебя не арестовали.

— Спасибо Петерсу.

— Очень ему огромное спасибо! Он сохранил тебя для меня.

— Не преувеличивай, Мими, — сказал Гутер, но было видно, что ему приятно.

— Не преувеличивай?! А чью квартиру недавно обыскивали?

— Так не нашли же ничего, только разгром учинили.

— Всё равно, Янис, я боюсь за тебя.

— Спасибо, любимая.

Они посмотрели вокруг, рядом никого не было, и поцеловались.

— Пойдём домой, милый, что-то прохладно.
— Да, рюмка горячего глинтвейна нам не помешает, Гутер оглянулся в сторону скрытого сейчас за деревьями театра и произнёс вполголоса: — Кто же всё-таки до- нёс?!

Революционные выступления, мирные и вооруженные, приобрели в России столь широкий размах, что власти, наконец, перестали делать вид, что все эти беспорядки исключительно дело полиции и жандармского управления. 17 октября 1905 года император Николай II подписал «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», который начинался величаво и с отеческим соучастием: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце наше...» Манифест даровал населению неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов, обещание перехода к всеобщему избирательному праву, гарантию законотворчества только через одобрение Государственной думы. Как логическое продолжение Манифеста народу была предложена амнистия за политические преступления, оформленная указом 21 октября 1905 года.

Какое жутко запоздалое прозрение! Что стоило принять петицию рабочих от Гапона, ведь они несли хоругви и портреты монарха? Как легкомысленно доверчив, как непростительно мягок был царь Николай II, жестоко убиенный через 13 лет со всем семейством, будущий святой, занятый в первую очередь проблемами семьи, а не народа. Почему он попустил кому-то из своих высоких чиновников злой умысел или просто глупость расстреливания народа?! Почему, зная о намечаемых шествиях, уехал из Петербурга, бросив столицу без личного присмотра? Что это: малодушие или высокомерие?

Если бы царский Манифест вышел в январе, а не в октябре 1905 года, он бы вместо части своей толком не востребованной власти обрёл бы безупречность иерарха, купающегося в море народного почитания и любви, а Россия бы и сейчас могла сиять пред миром золотом просвещённой и мудрой монархии. Может быть, и история человечества изменилась бы, миновав революцию и две мировые войны?

А революционеры восприняли уступки царизма как слабость режима и в ноябре-декабре 1905 года устроили всеимперское побоище с тысячами жертв.

Часть 2. ПОБЕГ В ЕВРОПУ

В гостиной квартиры Лейко за столом, накрытым к завтраку, сидел Гутер и хмуро читал газету. Из спальни выпорхнула сияющая радостной улыбкой Мария и наткнулась на взъерошенный вид любимого.

— Янис, — нежно окликнула она.

— Что? — Йохан с некоторым опозданием поднял на неё свой взгляд. — Ты уже готова?

— Да, вот только чай допью.

Мария подняла чашку и сделала глоток, не сводя с Гутера любящего взгляда.

— Милый, ты чем-то расстроен?

— Мими, это кошмар! — неожиданно громко воскликнул Гутер и зло отбросил газету в сторону.

— Ты о чём?! — испугалась Мария, улыбка сбежала с её губ.

— В Туккуме восставшие перебили восемнадцать драгун и их командира.

— Какой ужас!

— Нет, это еще не весь ужас. После этого туда нагнали полк солдат, за одну ночь они постреляли три сотни местных жителей.

— Бог мой!

Гутер поднял к губам чашку, но чай был уже холодный, он поморщился и, резко звякнув, вернул чашку на блюдце.

— Понимаешь, Мими, я перестаю понимать логику революционеров. Бессмыслица какая-то получается! Драгуны тихо сидели у себя в казарме, зачем их надо было поджигать, а потом расстреливать?!

— Янис, но это же очевидно!

— Да? Поясни, — прищурился Гутер.

— А тут нечего пояснять, просто насилие порождает насилие.

— Вот я так и знал! Милая Мария, то, что ты с умным видом декларируешь, всего лишь трюизм, банальность.

— Ну и что? — неожиданно и категорично заявила Лейко. — Разве банальность не может быть истиной?!

Гутер собирался ответить что-то резкое, но лишь застыл с открытым ртом, застигнутый важной мыслью.

— А знаешь, — мирно сказал он, — в том-то и дело, что может! — он встал и, обойдя стол, нежно поцеловал руку девушки. — Мими, мне срочно нужно... короче, я скоро приду.

Гутер быстро шагал по мощёным улочкам Риги, спеша на квартиру Петерса. Статья о беспорядках в Туккуме расстроила его, ему вдруг стало жаль рабочих, жаль драгун, жаль себя из-за нахлынувших в душу сомнений. Он должен был срочно развеять их.

Гутер ворвался через порог, едва не сбив с ног Петерса. Тот недоумённо посмотрел вслед нетерпеливому гостю, покачал головой и осторожно закрыл дверь, тихо щёлкнув хорошо смазанным замком. Петерс вернулся в комнату. Гутер стоял у дивана, заваленного стопками книг, и задумчиво стучал подошвой ботинка об пол.

— Здравствуй, Янис! — негромко сказал из-за его спины Петерс.

— Здравствуй, Яков, — хмуро отозвался Гутер, не посмотрев назад.

— И что же так разъярило пролетарского режиссёра?

— Вот только этого не надо! — топнул ногой Гутер и обернулся. Глаза его пылали возмущением, но, встретившись с холодным взглядом Петерса, наполнились растерянностью.

— Чего «этого»? — улыбнулся Петерс.

— Иронии! — буркнул Гутер и отвёл глаза в сторону.

— Тогда давай чай пить, — миролюбиво предложил Петерс.

— Давай, — согласился Гутер.

Петерс давно знал своего друга, тот всегда был несколько поспешен и несдержан в эмоциональных порывах, надо было лишь переждать.

— Раздевайся и садись за стол.

Гутер кивнул, скинул на стопки книг пальто и прошёл к столу, на котором самовар исходил паром. Яков достал из шкафчика стаканы в подстаканниках, сахар, пряники, разлил чай. Гутер задумчиво наблюдал за ним.

— Яков, — сказал он вполне нормальным тоном, — у тебя много книг.

— Да, — согласился Петерс, — все с собой не возьмёшь.

— Ты что, уезжаешь?

— Да, скоро уеду, только вот несколько важных акций надо провести.

Петерс помешивал ложкой сахар в стакане, выжидательно посматривая на гостя.

— Ты извини, Яков, — тихо сказал Гутер, — я как снег на голову, да ещё с претензиями.

— Не извиняйся, говори, что гложет?

— Вправе ли мы творить насилие?

— Конечно, вправе, — зло усмехнулся Петерс, — а как же иначе! Царизм держится на насилии, так мы ему что, нотации будем читать?

— А как же Туккум?! Там сколько людей погибло!

— Да, но по чьей вине?! Ты ведь про Туккум в газете прочитал?

— Конечно, где ж ещё.

— А я с товарищами разговаривал. Так вот, врут газеты! В Туккуме состоялась прямая провокация: националисты повели людей под нашими красными флагами!

— Вот негодяи! Но всё равно мы косвенно виноваты, ведь люди думали, что за нами пошли?

— Смотреть надо было! — Петерс посмотрел на Гутера неожиданно жутким ледяным взглядом, у того аж мурашки по спине пробежали. — Революция стоит на костях жертв и плавает в их крови, — над столом повисла пауза. Взгляд Петерса вновь стал доброжелательным. — Янис, в акциях хочешь участвовать?

— Да! — неожиданно для самого себя заявил Гутер.

С тех пор как Гутер переселился к Марии, они часто приходили в Гризинькалнс посмотреть на свой родной театр «Аполло». В эту зиму в театре было закрыто всё, даже директорское крыло, где прежде труппа репетировала в межсезонье. Они бродили по дорожкам парка, глядели на засовы и замки, на нетронутый снег вокруг театра, печалились и шли обратно, строя планы на новый сезон. О революции, акциях и митингах Мария слышать ничего не хотела.

Сегодня Гутер вернулся домой и, не раздеваясь, предложил Марии съездить в Гризинькалнс.

— Янис, как же так, а ужин?

— Ничего, мы быстро: туда и обратно, извозчик внизу.

— Ой, ты какой-то загадочный.

— Не придумывай, Мими, лучше одевайся быстрее.

Извозчик подвёз их прямо к театру «Аполло». В директорском окне рядом со служебным входом горел свет, и дорожка была расчищена от снега. Мария от неожиданности замерла.

— Ой, неужели Аполло открыли?!

— Можно сказать и так, — грустно улыбнулся Гутер.

— Янис, ты что-то недоговариваешь!

— Власти разрешили работать здесь Латвийскому народному театру.

Лицо Марии посуровело.

— Зачем же ты привёз меня сюда?

— Затем, Мими, что ты будешь в этом театре играть.

— Я буду играть?! — Мария прижала руки к груди. — Подожди, а ты?!

— Меня от театра персонально отлучили.

— За что?!

— Неблагонадежен.

— Бог мой, какая глупость! Надо пойти...

— Мария, — остановил девушку Гутер, — спасибо, но за меня не волнуйся, я дорогу к театру найду. Главное, ты вернёшься на сцену.

— Янис, — неуверенно заговорила Мария, — но это несправедливо.

— Оставь, Мими, лучше пошли, представляю тебя твоему новому режиссёру.

Поскрипев подошвами по утоптанной снежной дорожке, они прошли по знакомому коридору, в котором пар от дыхания повисал призрачными узорами, вошли в просторный директорский кабинет. Здесь было тепло, уютно гудела печь с двуглавым гербом, за столом сидел Миерлаук Алексис. Мария его сразу узнала.

— О, вот и вы! — Миерлаук встал и направился к гостям. Галантно поцеловав руку Марии, он указал рукой на диван. — Прошу вас, присаживайтесь, — Мария улыбнулась. — Великолепно, — восхитился Миерлаук.

— В каком смысле? — растерянно переспросил Гутер.

— В смысле улыбки, — ответил Миерлаук. — Рад, что такой чудесной фактуре соответствует артистический талант. Мария, я видел вас в постановках Гутера, так что знаю, о чём говорю.

— Вы мне льстите, господин Миерлаук, — покраснела она.

— Жизнь покажет, — сказал Миерлаук и пристально посмотрел на Лейко. — Нет, определёнno я вас и раньше где-то видел! У меня хорошая память на лица.

— Алексис, пять лет назад я была в вашей группе инсценировки.

— На праздновании 700-летия города?!

— Да.

— Ну, конечно! — заулыбался Миерлаук. — Как же, как же! Чудесный ребёнок, чей голос невозможно забыть.

— Спасибо, я и представить себе не могла, что такой великий человек мог обратить на меня внимание.

— Не за что, я всего лишь констатирую.

— Алексис, — вмешался Гутер, — ваши взаимные реверансы вызывают во мне ревность.

— Ну-у, друг мой, это совершенно напрасно. Я лишь хотел сказать, что не столько ради вас и нашей дружбы, сколько ради искусства предлагаю вашей прекрасной Марии роль Наташи в спектакле Горького «На дне». Как, Мария, осилите?

— Алексис! — Лейко вскочила с дивана. — Это такая честь для меня — играть в вашем спектакле! Я сделаю всё возможное, чтобы оправдать доверие.

В это время в кабинет вошёл молодой статный красавец с байроновским взглядом, он остановился и неспешно оглядел присутствующих, особо задержавшись на Марии. Гутер это заметил и нахмурился. Пауза затягивалась.

— Друзья мои, — заговорил Миерлаук, — позвольте вам представить: Эдуард Смильгис — наш молодой, но очень талантливый артист, — незнакомец по-доброму улыбнулся, поклонился и тут же принял прежнюю гордую позу и усталый взгляд с лёгким прищуром. — Эдуард вживается в образ Васьки Пепла, — пояснил Миерлаук с улыбкой и с удовольствием увидел, как при этих словах разгладилось напряжённое лицо Гутера.

Эдуард вдруг встал вполоборота, выдвинув левую ногу, и продекламировал:

— А куда они — честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести... Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть...

Мария не удержалась, захлопала в ладоши.

— Ой, как замечательно! — воскликнула она.

— Спасибо, коллега, — ответил с поклоном Смильгис.

— Ах, прости, — спохватился Миерлаук, — это Йоханес Гутер и Мария Лейко.

— Очень приятно, — Смильгис опять поклонился, потом повернулся к Гутеру, — я

наслышан о ваших великолепных постановках, рад познакомиться.

— Взаимно, — они пожали друг другу руки. — Господа, — улыбнулся Гутер, — а не отметит ли нам наше знакомство?

— Отличная идея! — поддержал его Смильгис и вопросительно посмотрел на Миерлаука. Тот задумчиво потёр подбородок, посмотрел на часы.

— Друзья мои, я всецело готов, но сначала я должен заехать на вокзал.

— На вокзал? — удивился Гутер.

— Да, надо проводить Микелиса Валтерса. Слышали о таком? — все переглянулись и развели руками. — Писатель, публицист, очень интересный человек, сегодня вечером возвращается в Швейцарию. Меня с ним год назад познакомили. Кстати, я знаю отличный ресторан на Елизаветинской улице, рядом с вокзалом, пока будете делать заказ, я уже обернусь. Так как, едем?

— Конечно!

Едва Алексис Миерлаук вышел на перрон, сразу же увидел Валтерса. Тот стоял в пёстром окружении разнородной публики: от важных господ в пальто с меховыми воротниками до рабочих в ватниках. Все, невзирая на статус своей одежды, возбуждённо разговаривали и размахивали руками. Миерлаук в замешательстве остановился, но Валтерс его увидел и призывно помахал тростью. Он что-то сказал своим провожатым и быстро пошёл навстречу Миерлауку. Они обменялись рукопожатиями.

— Алексис, вы всё-таки пришли меня проводить!

— Я же обещал, — Миерлаук грустно улыбнулся. — Микелис, я получал истинное наслаждение, беседуя с вами об искусстве, театре и их роли в воспитании общества.

— Спасибо, Алексис, за высокую оценку, могу ответить лишь ещё более высокой в ваш адрес! — Валтерс сдержанно поклонился. — Мне будет не хватать наших замечательных бесед.

— Жаль, вы так неожиданно уезжаете.

— Жизнь часто складывается не так, как планируешь. Я надеялся, что революция победит, но... — Валтерс многозначительно поморщился. — Но я вижу: власть лишь покачнулась, но устояла.

— Да? — удивился Миерлаук. — Но ведь революционные выступления в самом разгаре?!

— Увы, Алексис, я реалист и обязан правильно оценивать ситуацию. Рабочие дружины солдат и казаков не одолеют, это очевидно. Революция не война, она побеждает сразу или проигрывает долго. Второе мне не интересно, и скажу честно, я крайне разочарован, — Валтерс с улыбкой смотрел на растерянное лицо Миерлаука. — Алексис, ваша стезя — искусство, не обращайтесь внимания на ворчание революционера, лучше приезжайте ко мне в Швейцарию!

— С удовольствием, — заулыбался и Миерлаук, — но разве не вы сказали, что планы не всегда сбываются?

— Да, к сожалению! Прощайте, Алексис!

— Счастливой дороги, Микелис.

Они вновь пожали друг другу руки и разошлись. В конце перрона Миерлаук оглянулся и заметил, как вновь буйно шумят провожатые Валтерса. Прежнее ощущение Валтерса, как умного и культурного знатока литературы и искусства, смазлось неожиданно жёстким образом революционера. Алексис озадаченно качнул головой и поспешил в ресторан к своим театральным друзьям.

Уютные и игрушечно удобные городки Европы постепенно наполнялись русскими революционерами. Они бежали сюда от судов, от каторги, лечились после ранений, отсиживались после боевых акций. Давно прошли времена, когда они старались не выделяться, быть как все, незаметно общаться между собой и не вовлекать местное население в свои горячие диспуты на квартирах или в закрытых кабинетах ресторанов. Теперь заражённые огнём бунта и вседозволенности революционеры, словно взрешившие вирусы, отравляли ядом всё, что оказывалось рядом. Дело не ограничивалось митингами и листовками с призывами к «европейскому трудящемуся пролетариату брать власть в свои руки», начались разбои и грабежи, прикрываемые «революционной экспроприацией».

Восторженное почитание пламенных революционеров, сочувствие к угнетённым классам варварской России вдруг в одночасье сменились раздражением и страхом, особо активных бунтарей отлавливали, сажали в тюрьмы или выдворяли из страны, избавляясь от «русской заразы».

Руководству различных социал-демократических партий, многие годы благодатно обитающему «в Европах», пришлось принимать меры, чтобы утихомирить своих подопечных, но было поздно, финансирование русской революции иссякло так же вне-

запно, как и началось, и во второй половине 1906 года русская революция стала затухать. Ещё звенели на митингах яростные призывы, ещё звучали выстрелы и пестрили листовками столбы, и многие думали, что победа ещё впереди, но власть уже ощутила свою силу, а вожди — свою слабость.

Летом 1906 года в здании театра «Аполло» систематически давали спектакли на русском языке с новой звездой — Марией Лейко. Эти спектакли неизменно собирали полные залы военных, коих в Ригу за последние месяцы прибыло множество. Мария обворожила их своей нерусской красотой, неподражаемым голосом с едва ощутимым прибалтийским акцентом.

В директорскую ложу проскользнул Йоханес Гутер и, затаив дыхание, смотрел на сцену. Миерлаук воплощал традиции русского театра, многие его режиссёрские решения Гутер считал несовременными, но вопреки всему его спектакли ему нравились. Он много раз анализировал свои ощущения, пытаясь понять, почему старые подходы даже его — искреннего приверженца новых театральных тенденций — покоряют, но ответа не находил. Возможно, ему мешала профессиональная ревность, неизменно вкрадывающаяся в душу.

Гутер уселся поудобнее, вот сейчас начнётся его любимое место.

На сцену выбегает его милая Мими в роли Наташи, за ней, прихрамывая, с клюкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником появляется Лука, которого играет сам Миерлаук. Их видит красавец Эдуард Смильгис в роли Васьки Пепла.

— А-а, Наташа! — Пепел вскакивает и, поглаживая ус, не сводит глаз с Наташи.

— Вот — новый постоялец... — говорит Наташа.

— Доброго здоровья, народ честной! — кланяется Лука.

— Был честной, да позапрошлой весной... — усмехается Бубнов, приподнимаясь с нар.

— Мне — все равно! — примирительно говорит Лука, присев на краешек скамьи. — Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха — не плоха: все — черненькие, все — прыгают... так-то. Где тут, милая, приспособиться мне?

— Туда иди, дедушка... — Наташа указывает ему на дверь кухни.

— Спасибо, девушка! — Лука встаёт и кланяется. — Туда, так туда... Старику — где тепло, там и родина...

Пепел проводил Луку тяжёлым взглядом.

— Какого занятого старичишку-то привели вы, Наташа... — говорит он, вернувшись взглядом к Наташе.

— Поинтереснее вас... Андрей! — Наташа независимо дёрнула плечиком. — Жена твоя в кухне у нас... ты, погодя, приди за ней...

Гутер встал и тихо вышел из директорской ложи. Ему никак не удавалось получить разрешения вернуться в театр даже в качестве артиста. Ему было плохо, в душе зрела злоба на тупых жирных чиновников. Он вздохнул и прошёл по коридору к гримёрной Марии. Теперь у неё в театре есть, пусть не очень большая, но личная комната. Внутри шевельнулась тень зависти, но он легко её игнорировал, его Мими достойна и славы, и успеха. Гутер вошёл в гримёрную и уселся в кресло в углу. Здесь сладостно пахло парфюмом, он прикрыл глаза.

По коридору театра, отпив лицо в охапке цветов, шла Мария, её провожали неутраченные аплодисменты.

— Мария! — окликнул её Миерлаук. Лейко оглянулась и хихикнула: красивый поставленный голос и бодрый шаг Миерлаука никак не сочетался с его одеянием и гримом старика Луки. — Что, смешно выгляжу?

— Есть немного.

— Ничего, скоро привыкнешь.

— К чему, Алексис?

— К театральной обыденности и аплодисментам.

— Нет, я не верю, что от меня уйдёт ощущение праздника, когда я играю.

— Ну, дай-то бог, чтобы так и было. Пойдём, дверь тебе открою, а то все свои букеты растеряешь.

— Спасибо, Алексис.

Миерлаук обогнул Лейко, и они двинулись дальше, к её гримёрной. Перед тем как распахнуть дверь, Миерлаук посмотрел на девушку и очень серьёзно сказал:

— Мария, ты сегодня была блистательна, я горжусь тобой.

Мария зарделась краской.

— Ах, Алексис, я так счастлива!

Миерлаук смотрел в эти красивые радостные глаза и вновь удивлялся их наивной чистоте, отсутствию в них традиционной актёрской алчности, замешенной на неутолённых амбициях.

— Мария, — заговорил он, — мне поступило предложение возглавить Рижский латышский театр.

— О, поздравляю... — голос Лейко погрузнел. — Значит, вы нас скоро покинете?

— Нет, с тобой Мария, расставаться не хочу и приглашаю в постоянный состав моей будущей труппы. Пойдёшь?

— В ваш театр?! — было видно, как она едва сдержала крик радости. — Конечно!

— Миерлаук растворил перед нею дверь гримёрной. — Ну, иди отдыхай, мы ещё поговорим об этом.

Он поклонился и пошёл дальше по коридору к директорскому кабинету. Мария задумчиво переступила порог и не сразу заметила спящего Гутера. Когда же увидела, радостно заулыбалась и, подскочив к креслу, осыпала цветами. Гутер проснулся, вскопчил, обнял.

— Янис, что ж ты спишь в кресле? — шепотом спросила Мария, оторвавшись от его губ.

— Тебя, любимая, дожидаясь.

— Как мило, что ты пришёл! — она засмеялась и уселась перед зеркалом.

— Да, уж, очень мило.

Мария пристально посмотрела на Гутера.

— Янис, ты сердисься?

— На что же я могу сердиться?

— Тебе лучше знать, милый.

— Хорошо, я скажу!

— Ой, не надо! — Мария сделала вид, что испуганна.

— Нет, скажу! — Гутер встал на колени, так что их глаза оказались совсем рядом друг от друга. — Мне надоело, что Васька Пепел провожает тебя домой.

— Янис, ты ревнуешь?! — удивилась Мария.

— Это тебя удивляет?!

Мария нежно улыбнулась и обняла Гутера рукой.

— Дурачок ты! — она поцеловала его в щёку, отпечатав на ней след помады, хихикнула и сказала: — Янис, верь мне!

— Верю, — прошептал он.

Глубокой сентябрьской ночью к полицейскому участку подбежали четыре тени, они ворвались внутрь, раздались крики и выстрелы. Через несколько минут тени выбежали обратно, но теперь их было не четыре, а значительно больше. Они бросились врассыпную, в свете фонаря мелькнули лица Петерса и Гутера.

Внезапно на крыльцо выскочил разъяренный тучный полицейский, он закричал: «Стоять, бандиты!» — и принялся стрелять в сторону беглецов. Петерс обернулся и, почти не глядя, стрельнул в ответ, полицейский тут же схватился за грудь и завалился назад.

Ранним утром к Рижскому замку подъехал экипаж, из него выскочил губернатор Звягинцев и буквально вбежал в распахнутые двери подъезда. В свой кабинет он вошёл вместе с адъютантом.

— Докладывайте, капитан!

— Ваше превосходительство, ночью революционеры напали на полицейский участок, из-под ареста освобождены пятеро бунтовщиков. Убит начальник участка.

— Великолепно! — вскопчил разъяренный губернатор. — Нас уже атакуют на нашей территории! Скоро к нам с вами явятся?!

— Ваше превосходительство, я давно ратую за ужесточение мер.

— Знаю! — губернатор вновь сел в кресло. — Легко ратовать, не неся ответственности за свои советы.

— Простите, но я...

— Помолчите, капитан, я думаю.

Адъютант вытянулся по стойке смирно и замер. Губернатор встал и подошёл к своему любимому окну, он уже знал, что внутренне принял решение, просто нужно было несколько минут, чтобы собраться с духом и озвучить его. Он вернулся к столу.

— Миндальничать больше не имею права! Видит бог, я долго пытался избежать этого! Пишите, капитан, — губернатор уселся в кресло и, сосредоточившись, начал диктовать: — В связи с полномочиями, предоставленными государем нашим, объявить в Риге и окрестностях положение усиленной охраны, создать военно-полевые суды, вдвое увеличить количество патрулей, обыскивать всех подозрительных, отбирать всякое оружие, — губернатор замолк, домысливая сказанное, но вдруг горестно махнул рукой. — Вот что, голубчик, поручите отделам правильно всё это изложить.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

— Прикажите мне чаю, — лицо губернатора вдруг помрачнело. — И вот что ещё, отмените на сегодня приём.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Солдатские патрули и казацкие разъезды густо рассыпались по городским улицам. Мария Лейко вышла из подъезда своего дома и испуганно отшатнулась от группы солдат с мрачными лицами во главе с армейским капитаном. Патруль только что остановил подозрительную личность.

— Обыскать! — скомандовал офицер.

Ефрейтор отдал свою винтовку солдату рядом и принялся отработанными движениями обыскивать задержанного. Через секунду в его руках оказался револьвер.

— Ого! — он повернулся к офицеру. — Ваше благородие, револьвер тут.

— Изъять, задержать до выяснения!

— Я протестую, — подала голос подозрительная личность, — я на задании! У меня есть бумага...

Капитан брезгливо поморщился, приложив к носу платок.

— Тем более! — скомандовал он. — Тащите его в участок! — вдали показалась группа молодых студентов с тяжелым саквояжем. Взгляд капитана упал на них. — Задержать! — приказал он.

Три солдата патруля немедленно сорвались с места, но студенты уже бросились прочь. Послышались крики «Стоять!», трели свистков. Мария тихо по стеночке обошла патруль, поймав злой взгляд задержанного, и заспешила дальше по улице.

Мария подъехала к дому с репетиции, когда стемнело. Она отпустила извозчика и глянула наверх, в окна её квартиры света не было. Лейко расстроилась, Гутер должен был ожидать её к ужину, а вот опять где-то пропадает. Она подошла к подъезду, дверь которого неожиданно распахнулась, явив улице круглое и сытое лицо швейцара.

— Добрый вечер, сударыня, — поклонился он.

— О, господин Айварс, вы вернулись?

— Стрелять стали меньше, госпожа Лейко, — ухмыльнулся швейцар, — порядка стало больше.

— Значит, мы вновь под надёжной защитой? — уколола в ответ Мария и, не став дожидаться ответа, направилась к лестнице.

Войдя в квартиру, Лейко заметила тусклый свет свечи из гостиной и, не раздеваясь, радостно кинулась туда, но увидев, что Гутер не один, несколько растерялась. Второй человек чуть подался вперёд, высветив своё лицо, она сразу узнала Петерса.

— Яков, это вы?!

— Я, Мария, — Петерс встал и учтиво поклонился, хотя этот поклон был едва виден в темноте. — Вы уж извините за нежданное вторжение.

— О чём вы говорите, Яков, я очень рада! Янис, дорогой, что ж вы в темноте...

— Мими, извини, так было лучше, — ответил Гутер.

— Но теперь я пришла, да будет свет! — Лейко щёлкнула выключателем, ослепительно вспыхнула люстра.

— Мими, пойдём, я помогу тебе раздеться, — вскочил Гутер, шурясь на яркий свет.

Он шагнул, зацепил ножку стула, тот с грохотом повалился набок. Гутер торопливо нагнулся за ним и так задел локтём стол, что свечка чуть из подсвечника не выскочила. Он поднял стул и принялся потирать ушибленный локоть.

— Спасибо, Янис, я сама, — рассмеялась Мария, — пока ты весь дом не разнёс. Сидите здесь, я накрою чай.

Через короткое время они сидели за столом и, казалось бы, чинно пили чай, но Гутер был в каком-то странно возбуждённом состоянии, когда нервничаешь, но ещё хватает сил держать раздражение внутри.

Через некоторое время раздался шум в прихожей. Петерс насторожился, а Гутер побледнел.

— Мужчины, с вами всё в порядке? — спросила Мария, посматривая то на одного, то на другого.

— Со мною да, — спокойно кивнул Петерс. — Там кто-то пришёл?

— Это Лайма, она должна накрыть ужин. Яков, будете с нами ужинать?

— Благодарю вас, Мария, но мне пора идти.

— Очень жаль, — Лейко посмотрела на Гутера, тот опять весь был в своих мыслях.

— Янис! — громко окликнула она его.

Гутер вздрогнул и чуть не выронил чашку.

— Что?

— Янис, ты почему такой нервный?

— Я?! — Гутер повернулся к Петерсу. — Яков, не могу больше! У меня всё дрожит

внутри!

- Янис, – нахмурил брови Петерс, – возьми себя в руки!
- Милый, что с тобой? – испугалась Мария.
- Мими, кажется, я доигрался...
- Что?

Петерс поморщился и громко перебил Гутера:

– Мария, у вас найдется что-нибудь выпить? Мы замёрзли, – он строго посмотрел на Гутера, – правда, Йохан?!

– Ах, да, очень, – обречённо кивнул тот.

Мария встала и растерянно посмотрела на мужчин. Было видно, что она хотела что-то спросить, но пересилила себя.

– Да, конечно, я сейчас принесу.

Мария вышла на кухню, слышно, как она поздоровалась со служанкой. Петерс устался на Гутера.

– Янис, прекрати истерику!

Гутер расстегнул ворот сорочки.

– Всё, Яков, я успокоился.

– Запомни, Йохан, революция – это не игра!

– Да, это я уже понял. Я бросил к её ногам своё творчество, а теперь могу потерять и свободу!

– Не нуди! Партия не бросает в беде своих бойцов! Тебе надо уехать за границу.

– Да?! А что я скажу Марии? Её в Рижский латышский театр пригласили!

Мария внесла в гостиную поднос с бутылкой рома и рюмками, поставила его на стол. Петерс взял в руки бутылку, посмотрел на этикетку, одобрительно хмыкнул.

– Яков, ром хорошо согревает, но я могу принести водку.

– О, нет, прекрасный выбор, – Петерс принялся разливать напиток. – Мария, вас можно поздравить?

– С чем?

– Как с чем? – Петерс многозначительно поднял рюмку: – За новую театральную звезду!

– Ой, спасибо.

Гутер хоть чуть запоздало, но тоже взял в руки рюмку. Они выпили.

– Мария, – а ведь я должен передать вам привет.

– Ой, неужели от Яна?

– От него, – кивнул Петерс. – Он в Париже в электротехническом институте учится.

– Какой молодец! Я так рада за него! Скажите ему об этом.

– Хорошо, только пусть ему об этом Йохан скажет.

– Янис? – Мария недоумённо посмотрела на Гутера, тот сидел, потупив глаза.

– Мария, вы должны отпустить Яниса за границу.

Мария продолжала смотреть на Гутера, но тот хмуρο молчал.

– Надолго, Яков? – тихо спросила она.

– Полгода, максимум год.

– Что, здесь очень опасно?

– Лучше не рисковать.

Гутер уехал. Мария целиком погрузилась в мир театра. В каждой новой постановке Алексиса Миерлаука для Марии Лейко находилась роль: Жоржета в «Фарисеях» Артура Шницлера, Амалия в «Разбойниках» Шиллера, Рутиня в «Потонувшем колоколе» Гауптмана, в пьесах Чехова и Горького.

Янис часто писал ей, подробно рассказывая о своём друге Максе Рейнхардте. Он был в восторге от его новых взглядов на театр. Гутер описывал, как Макс, возглавив в 1905 году Немецкий театр в Берлине, принялся внедрять свои идеи. У него был свой подход во всём: в построении сцены, в костюмах, декорациях, в самом театральном действе. Рейнхардт широко применял симбиоз классических подходов с танцем, музыкой, светом. Он претворил в жизнь свою давнюю задумку – вращающуюся сцену. Гутер восторгался особой пластикой артистов Рейнхардта, похожей на пантомиму, но наполненной большими сюжетными смыслами.

В ответ Мария писала, как любит, как скучает долгими зимними вечерами, и подробно рассказывала о бесконечных репетициях и спектаклях в Рижском латышском театре. Миерлаук давал ей возможность играть, обещая скоро включить в постоянный состав группы. Он не лукавил, просто этот вопрос зависел не только от него, но и от некоторых рижских чиновников, у которых из голов ещё не выветрились нехорошие ассоциации театра «Аполло» с недавними бунтами. Лейко терпеливо ждала и верила, что всё сбудется. Письма Гутера грели её душу, позволяли чувствовать себя почти

счастливой. Однажды Гутер спросил её в письме, есть ли у неё поклонники, Мария в ответ написала, что её квартира всегда полна цветами, а её постель всегда пуста. Больше Гутер ничем не проявлял своей ревности.

Незаметно пришла весна, бывший театр «Аполло», а теперь Латышский народный театр вновь открыл свои двери зрителю. Миерлаук Алексис умудрялся поспевать в двух театрах сразу. Сегодня они репетировали пьесу Герхарта Гауптмана «Потонувший колокол».

Миерлаук в роли водяного старца Никельмана, переваливаясь, глубоко вздыхая, с камышами в волосах появился на сцене. Он выпучил глаза и громко проквокал:

— Брекекекекс!

Тут же на сцене появилась Мария Лейко в роли Раутенделейн в красно-золотистом парике и передразнила его: «Брекекекекс!» — а затем начала нараспев декламировать:

*Брекекекекс, конечно,
Весною пахнет, эо удивленье.
Об этом уж в расщелине стеной
Последняя из ящериц узнала.
Козавка знает, крот, речная рыбка,
И перепел, и водяная крыса,
И выдра, и комар, и стебелек,
И заяц под кустом, и ястреб в небе!
А ты отстал от всех!..*

При этом Мария красиво кружилась в импровизированном танце вокруг Миерлаука, а он, словно тюлень, неуклюже ворочался, не поспевая за гибкой девушкой.

Двери зрительного зала бесшумно приоткрылись, впустив Гутера, он застыл, пожирая глазами Марию. Она продолжала танцевать, вдруг её взгляд попал на Гутера, она замерла, вглядываясь в него, боясь ошибиться.

— Янис! — оглушительно закричала она и, спрыгнув со сцены, побежала по проходу, огненно мелькая рыжим париком в солнечных лучах, падающих из запылённых окон. Гутер раскрыл объятия. — Янис, любимый!

Они впились поцелуем друг в друга. На сцене улыбающийся Миерлаук осторожно вытягивал из волос реквизит — сухие стебли камыша.

— Мария, я вернулся!

— Гутер, милый, мы опять будем вместе?! — горячим шепотом спросила она.

— Нет, милая, — шепнул ей в ушко Янис.

— Что значит нет?! — Мария отодвинулась от Гутера и нахмурилась.

— Пока нет, — он виновато улыбнулся. — Это опасно, но мы будем часто с тобой видаться, это я обещаю.

Мария радостно заулыбалась и вновь прижалась к Гутеру.

— Боже, я всё равно счастлива!

В начале августа 1907 года Гутер уступил требованию Марии, она категорически заявила, что досыта наелась съёмных квартир и гостиничных номеров, и вот он с букетом цветов подходил к её подъезду. Швейцар распахнул дверь.

— О, господин Гутер! — швейцар поклонился и как-то особенно ехидно заулыбался, или это только показалось Гутеру? — Давненько вы к нам не заходили!

Гутер кивнул и взбежал вверх по лестнице, старательно вытряхивая из своей памяти противную рожу швейцара. Едва завидев входную дверь, он тут же обо всём забыл и через мгновение оказался в объятиях Марии.

Вечер застал их в постели. Мария была счастлива, о чём она заявила Гутеру, укусив его за ухо. Они засмеялись, принялись обниматься, им было хорошо.

— Янис, я так по тебе скучала!

— Я тоже.

— Расскажи мне о театре, о своей жизни в Берлине.

— Мими, я же тебе обо всём подробно писал!

— Да, но всё равно расскажи.

— Ну, хорошо, слушай, — Гутер мечтательно улыбнулся. — Мими, я играл в Немецком театре у самого Макса Рейнхардта, представляешь?!

Гутер повернул лицо к Марии и увидел, что она сладко спит у него на руке и улыбается.

Ранним утром Гутер проснулся в кровати один, он встревоженно приподнялся на локте и тут же облегчённо увидел Марию в раскрытую дверь спальни, она в легком халатике накрывала завтрак.

— Мими! — закричал он. — Ты прекрасна!

Тут же к нему в постель ворвался ураган поцелуев и объятий.

Гутер вышел из спальни в костюме с галстуком, Мария удивлённо на него посмотрела.

— Янис, я же тебе дала халат?

— Мими, милая, — Гутер склонился над рукой девушки, — мне надо идти, я и так позволил себе слишком многое, — он подошёл к столу, плотоядно осматривая булочки и кофейник. — Как замечательно пахнет кофе! — почти пропел Гутер. — Мими, не томи, налей чашечку.

— Сию минуту, дорогой, — заулыбалась Мария. Лейко протянула руку к чайнику, но её остановил дверной звонок. — Странно, кто бы это мог быть? — Мария поплотнее запахнула халат и вышла в прихожую.

Гутер проводил её взглядом и, сильно побледнев, медленно опустился на стул. Из прихожей донеслись приглушённые мужские голоса, потом дверь гостиной широко распахнулась, в комнату вошла растерянная Мария, а следом рослый лощёный жандармский офицер с белыми погонами без звёздочек, позади него в прихожей толпились другие жандармы, чинами пониже. Наступила тишина. Жандарм, побрякивая по сапогам саблей, по-хозяйски осмотрелся, прошёлся по гостиной, остановился перед Гутером. Тот дёрнулся встать, но осадил сам себя и, развалившись на стуле, закинул ногу на ногу, с вызовом смотря в глаза жандарму. Офицер беззлобно усмехнулся, приложил к виску правую руку и представился:

— Ротмистр Кузякин, — он опустил руку, — прошу вас назвать себя.

Гутер нехотя встал, отодвинув назад стул, рядом с высоким офицером он казался подростком.

— Йоханес Гутер, — чуть поперхнувшись, ответил он.

— Отлично, — кивнул офицер. Он повернулся к двери и громко позвал: — Вахмистр!

Из-за спин рядовых жандармов выскочил маленький человек в синей форме с портфелем в руке. Ротмистр кивнул в сторону стола, вахмистр понимающе кивнул и, усевшись на ближайший стул, принялся вытаскивать из портфеля пишущие принадлежности. Ротмистр невозмутимо поглядывал вокруг, игнорируя стоящего рядом Гутера. Тот, чувствуя себя уязвлённым, вновь сел на стул.

— Я готов, ваше благородие! — доложил вахмистр.

— Хорошо, тогда начнём, — ротмистр посмотрел сверху вниз на Гутера: — Прошу вас встать! — негромко, но неожиданно жёстко скомандовал он. Гутер побледнел, заёрзал, но остался сидеть, жандармский офицер усмехнулся. — Или я прикажу надеть на вас наручники.

— На каком основании? — спросил Гутер, тем не менее, поднявшись со стула.

— На основании ордера на арест, господин революционер.

Гутер собирался препираться дальше, но последнее слово сразило его наповал.

— Как же так?! — к ротмистру подбежала Мария, на её больших глазах заблестели слёзы. — Господин офицер, за что?

Ротмистр повернулся к Марии, щёлкнул каблуками.

— Извините, сударыня, служба. Прошу сообщить, кем приходится вам этот господин?

— Это... мой жених.

— Хорошо. Вахмистр! — ротмистр Кузякин повернулся к подчинённому.

— Я! — откликнулся тот и вскочил.

— Пишите?

— Так точно-с!

Ротмистр вновь взглянул на Марию.

— Сударыня, вы подтверждаете личность арестованного?

— Да, конечно.

Взгляд офицера упал на стену, где висели несколько фотографий Марии в различных сценических образах.

— Простите, — сказал он и подошёл поближе. Рассмотрев фотографии, вернулся к Лейко. — Это вы?

— Да, я играю в театре.

— То-то я вижу, мне лицо ваше знакомо! — заулыбался ротмистр. — Весьма польщён знакомством, хотя, — он обвёл вокруг рукой, — при не очень подходящих обстоятельствах.

— Господин офицер, — Мария прижала руки к груди, — может быть, это ошибка? Мой Янис тоже артист и театральный режиссёр.

— Нам это известно, — кивнул офицер. Он резко повернулся к Гутеру: — Господин Гутер, при вас или в этой квартире есть что-то незаконное?

— Что вы имеете в виду? — зло отозвался Гутер.
— Оружие, бомбы, нелегальная литература, крупные суммы денег, — невозмутимо перечислил ротмистр.

— Нет.

— А у вас, сударыня, — спросил почти ласково Кузякин у Лейко, — есть что-то из перечисленного?

— Да что вы?! — воскликнула та с неподдельным возмущением.

— Хорошо, мы запишем в протоколе, что задержание прошло без сопротивления и надобность в обыске отсутствует.

Ротмистр глянул на вахмистра, старательно скрипящего пером, и поклонился, щёлкнув каблуками.

— Мы уходим, сударыня, — из глаз Марии беззвучно покатались слёзы. — Можете попрощаться с женихом, — смягчился ротмистр.

Мария подскочила к Гутеру, обняла и тут же беззвучно зарыдала у него на груди. Он обнял её, погладил по волосам.

— Не надо, Мими.

— Я буду ждать тебя, Янис! — девушка поцеловала Гутера.

— Прощай, Мария, — сказал он и бережно отодвинул девушку в сторону.

Жандарм одобрительно кивнул.

— Господин Гутер, прошу следовать за нами.

Через пять минут её квартира опустела. Мария беспомощно огляделась и медленно опустилась на стул, на котором только что сидел Гутер, теперь ей казалось, что это было в далёком прошлом.

Она встала и улеглась на диван, лицом к стене, укрывшись пледом. В проёме двери в гостиную показалась Лайма, она посмотрела на девушку, горестно покачала головой и, смахнув слезу, начала тихо убирать со стола посуду.

Мария проснулась от настойчиво трезвонившего телефона. Она села на диване, недоумённо оглядываясь вокруг, провела тыльной частью ладони по лбу, словно вспоминая, что же тут произошло. Телефон смолк, в гостиную зашла Лайма и, встретив беспомощный взгляд хозяйки, сочувственно всплеснула руками.

— Мария, не печальтесь так! — служанка присела рядом на диван и обняла девушку за плечи. — Вы верьте, что всё будет хорошо.

— Правда? — Мария посмотрела на неё заплаканными глазами.

— Конечно, правда, — уверенно закивала Лайма, — главное, верить. И молиться.

— Да, — кивнула Мария, — я помолюсь.

Служанка встала.

— Мария, я там всё приготовила.

— Спасибо, вы идите, Лайма, не волнуйтесь, я в порядке.

— Вот и хорошо.

Служанка вышла, Мария безучастно посидела на диване, потом поправила волосы и подошла к зеркалу.

— Бог мой! — прошептала она. — В каком я виде?!

Она встряхнула волосами и быстрым шагом направилась к спальне. Через полчаса в комнату вышла статная молодая женщина, с аккуратным дневным макияжем и тщательно причёсанными волосами. Она подошла к зеркалу, осмотрела себя с разных сторон и удовлетворённо кивнула.

— Что ж, теперь надо подумать, — сказала она вслух и подошла к своему любимому окну.

Некоторое время она смотрела на увядающий за окном день и размышляла. Она перебирала разные варианты, от похода к губернатору, до жалобы на высочайшее имя, но понимала, что всё это глупости. Мария не представляла себе, даже где искать Гутера, единственное, что она помнила, это фамилию статного ротмистра. Кажется, он любитель театра? Поискать его, расспросить? Нет, она покачала головой, даже если он поможет, то какую цену за это попросит? Единственная стоящая идея — это попросить совета у Миерлаука. Она сразу об этом подумала, но не хотела вовлекать этого занятого человека в свои проблемы, но получалось, что другого выхода у неё просто не было. Надо договориться с ним о встрече! Мария повернулась и посмотрела на телефон.

— Интересно, — сказала она вслух, — а кто же мне звонил? — словно в ответ на её вопрос телефон затрезвонил, Мария подбежала и схватила трубку. — Да, слушаю.

— Здравствуйте, — раздался в трубке приятный мужской голос на русском языке, — мне нужно поговорить с госпожой Лейко по очень важному делу.

— Я вас слушаю, а кто вы?

— Мария Карловна, моя фамилия Соколов, Николай Дмитриевич, я адвокат.

— Адвокат?! — в голове Марии сразу вспыхнуло озарение. — Приходите немедленно!

— Хорошо, скоро буду.

Только вернув трубку на рычаг, она сообразила, что не сказала адвокату своего адреса.

— Какая же я дура! — громко заявила Мария, с силой стукнув кулаком по ладони.

Она не могла усидеть, беспрерывно наматывая круги вокруг стола. Она молила бога, чтобы адвокату оказался известен её адрес, и её вовсе не беспокоило, что она никогда не знала этого человека.

Примерно через полчаса раздался спасительный звонок в дверь. Мария бегом бросилась в прихожую. За дверью стоял невысокий молоджавый мужчина с усами и бородкой в дорогом пальто, с тростью и саквояжем.

— Мария Карловна? — мужчина приподнял шляпу.

— Да, а вы Соколов?

— Совершенно верно, я от Петерса.

— От Якова?! — воскликнула Мария. — Заходите скорее! Раздевайтесь, проходите в гостиную.

Соколов мимолетно взглянул на себя в зеркало, поправил галстук и вслед за Марией прошёл к столу. По пути он с интересом осмотрелся.

— Должен сказать, что у вас прекрасная квартира.

— Да, спасибо, — в голосе Лейко послышалось нотка нетерпения. — Николай Дмитриевич, присаживайтесь, я вас слушаю.

— О, простите, — Соколов сел напротив, — Мария Карловна, как адвокат, я веду дело господина Гутера.

— Дело?

— А как же!

— Я должна вам оплатить услуги?

— Нет, что вы, работа по защите вашего мужа уже оплачена.

— Мы не венчаны, — машинально заметила Мария.

— Неважно.

— Подождите, — спохватилась Лейко, — а кто же оплатил?.. Яков?

— Мария Карловна, извините, но это тоже неважно.

— Да, простите, я сегодня сама не своя.

— Ничего удивительного, я очень понимаю ваше самочувствие, — Мария платочком промокнула уголки глаз. — Вы прекрасно держитесь, сударыня, тем более что нет причин для отчаянья.

— Как же нет? — удивилась Мария. — Гутера арестовали в тот же день, как он первый раз за полгода пришёл ко мне в дом!

— Не надо себя корить, Мария Карловна, что бог ни делает, всё к лучшему.

— Да?

— Несомненно! Ну рассудите сами: задержали господина Гутера без эксцессов, не нашли при нём ничего предосудительного.

— Да, ротмистр даже обыск не стал делать.

— Вот видите! А теперь представьте себе, что господина Гутера задержали бы на каком-нибудь митинге или, не дай бог, во время какой-нибудь акции!

— Ой! — Мария едва не вскрикнула от испуга. — Это очень опасно?

— Конечно! Вы в курсе, что явных бунтовщиков военно-полевые трибуналы решили патрулям расстреливать на месте?

— О, бог мой, какой ужас! — воскликнула Мария, её глаза загорелись надеждой.

— Николай Дмитриевич, не мучайте меня, скажите, Гутера можно вызволить из тюрьмы?!

— Можно, — кивнул Соколов, — но это будет стоить больших денег.

— Николай Дмитриевич, — Мария схватила Соколова за руку, — я всё оплачу, у меня от папеньки остались средства!

— Что ж, отлично, в таком случае я приступаю к хлопотам. Думаю, что через месяц вы сможете обнять своего любимого.

— Вы просто волшебник!

— Подождите, Мария Карловна, я не договорил: свобода будет временной, под денежный залог.

— Мне всё равно.

В начале декабря адвокат Соколов восседал за столом в гостиной квартиры Лейко и деловито пересчитывал пачки денег. Удостоверившись в точности данной ему суммы, адвокат неторопливо переложил деньги в пузатый саквояж.

– Николай Дмитриевич, в городе беспокойно, а вы с такими деньгами?

– Не волнуйтесь, внизу меня ждёт надежная охрана, — он встал из-за стола. — Разрешите откланяться, — Соколов поклонился. — Уверен, что уже сегодня ваш любимый будет дома.

Лейко подошла к Соколову, положила ему на плечи руки и целомудренно поцеловала в щёку.

– Спасибо вам, Николай Дмитриевич, вы возвращаете меня к жизни.

– Мария Карловна, рад служить вам, но я ещё не всё сказал.

Лейко с испугом отпрянула от Соколова.

– Вы меня пугаете!

– Не надо бояться, просто надо быть готовой.

– К чему?

– Видите ли, Мария Карловна, освобождение из тюрьмы под залог не освобождает от суда.

– Вы считаете, что следствие дойдёт до суда?

– Суд лишь отсрочен, — Соколов многозначительно приподнял саквояж. — Здесь ведь не только залог, потому такая большая сумма.

– И если суд состоится?

– То господина Гутера могут осудить лет на пять-десять каторги.

– Ох! — заломила руки Мария. — Что же нам делать?!

– Господину Гутеру надо покинуть империю.

– Бежать?

– Или каторга.

– Я уеду с ним!

Соколов при этих словах тяжело вздохнул и поцеловал руку Марии.

– Вы необыкновенная женщина, Мария Карловна.

– Вы можете мне?

– Всем, чем смогу.

– Возьмётесь продать эту квартиру?

– Для вас, Мария Карловна, готов лететь на луну. Передайте господину Гутеру, что я ему искренне завидую.

В январе 1908 года Гутер и Лейко плыли в Данию по хмурому Балтийскому морю. Оно покачивало огромный корабль и постоянно шлёпало по бортам седыми волнами, вновь и вновь покрывая брызгами иллюминатор. В каюте за столиком сидел Гутер и жадно смотрел на лежащую напротив Марию, которая с улыбкой, высоко задрав свои безупречные длинные ноги, делала упражнение «велосипед».

– Мими, я ещё не готов, сжался.

– Нет! Иди сюда.

– Подожди, дорогая, я должен тебе кое-что сказать.

– Хорошо, только быстро, а то обед скоро.

– Милая, я безмерно благодарен тебе, что ты вытащила меня из этого зловонного тушика судьбы, но я не могу простить себе, что у меня не было возможности остановить тебя! Ты плывёшь со мною в неизвестность, бросив к моим ногам свою жизнь!

– Хм, — Мария села, — красиво сказано.

– Мими, нет мочи нести тяжесть этой сакральной жертвы, я не в силах оплатить её!

– Почему же?! Твоя плата известна.

– Да? — удивлённо уставился на Лейку Гутер. — Какая плата?

– Любовь. Я всё это сделала, потому что люблю, вот и отплати тем же.

– Мария, но моя любовь не стоит твоих жертв! Ты бросила блестящую театральную карьеру, продала с большой скидкой квартиру!

Мария подошла к Гутеру и, обняв, поцеловала.

– Янис, театр внутри меня, поэтому я иду за тобой, ничего не теряя.

Через некоторое время они лежали рядом, у Марии было счастливое и одновременно задумчивое лицо.

– Мими, — прошептал он, любуясь ею, — о чём ты думаешь?

– О счастье.

– О чём?!

– О чём слышал.

– Ну, Мими...

– Когда тебя арестовали, я думала, что уже не смогу быть счастливой, а вот, пожалуйста, — Лейко чмокнула Гутера в щёку и засмеялась. — Знаешь, Янис, это невероятно: вот ты во тьме тоски и страха, всё вокруг черно, и вдруг в него врывается ослепительно белый тонкий лучик надежды, он ширится, блистает и вот, разрывает

черноту в клочья! И ты вдруг оказываешься в чудесном райском саду и кричишь миру: я счастлива! И пусть я знаю, что миг света недолговечен, но он стоит целой жизни! — Гутер застыл, открыв рот. — Янис, что с тобой? — засмеялась Лейко.

— Ты сказала так просто и поэтично, я в восторге! Ты не пробовала писать?

— Нет, дорогой, я люблю играть, — сказала Лейко и прищурилась. — И ещё хочу есть! Ах ты, моя котлетка!

Мария набросилась на Гутера и принялась шутливо грызть ему ухо, тот захохотал, вывернулся, схватил её в охапку. Насмеявшись, они принялись одеваться.

— Мария, всё забываю спросить, почему ты билеты взяла именно на пароход и именно в Копенгаген?

— Не знаю, милый, просто мне показалось, что тебя могли бы искать, а с корабля не снимешь, как можно снять с поезда.

— Логично. А Копенгаген?

— Янис, ты газеты читаешь?

— Конечно, но при чём тут газеты?

— При том! Оглянись, кризис кругом, в Америке кошмар, люди из окон выбрасываются.

— Я читал об этом, но мы....

— А мы плывём туда, где надёжные банки.

— Да-а? Кто ж тебе это сказал?

— Папа. Он часто повторял, что Дания самая надёжная страна. Вот я и решила, что положу деньги в датский банк.

— А папе твоему кто сказал?

— Его папа, то есть мой дед.

— Ты что, серьёзно? — удивился Гутер.

— Более чем.

— Дания лучше, чем Англия или Германия?!

— Не лучше, а надёжнее, — усмехнулась Мария, — похоже, милый, в твоей семье проблем с сохранением денег не было?

— Можно сказать и так, зачем хранить, если можно тратить? Ты готова?

Они оделись и умиротворённые предстали перед зеркалом. Мария взяла Гутера под руку и положила голову ему на плечо.

— Что, любимая? — спросил Гутер ласково.

— Не знаю, но мне хорошо, так бы плыла и плыла.

— Да, но это невозможно, рано или поздно мы прибудем в порт.

— Да, — грустно кивнула Мария, — и мне немного страшно, Янис.

— Вот и зря! Мы ведь вместе, мы свободны, и перед нами лежит весь мир, давай его осваивать?

— Давай, а с чего начнём?

— Ну, сначала ты разберёшься со своими деньгами, потом мы сходим в кинотеатр.

— Что за прихоть, Янис? — засмеялась Лейко.

— Потому что синематограф — это новое искусство и за ним будущее!

— Ерунда, театр — вот искусство!

— Мими, не хочу спорить, но ты знаешь датский язык?

— Нет.

— Вот видишь, а в синематографе не нужно слов, там только жесты, мимика и музыка.

— Хорошо, на первые пару дней мы определились, а дальше что будем делать?

— Мими, я всё продумал: мы поедем с тобой в Вену.

— В Вену? Почему именно туда?

— Потому, что там лучшее театральное образование в Европе.

— И кто же тебе это сказал, твой папа? — хитро прищурилась Мария.

— Нет, не папа, мне об этом не раз говорил мой друг Макс Рейнхардт.

— Что ж, солидная рекомендация, за обедом и обсудим.

— И поедем! Очень есть хочется.

Часть 3. РАЙСКИЙ САД

Они полгода прожили в Дании, а затем переехали в столицу Австро-Венгерской империи — Вену — один из центров культурно-художественной жизни Европы тех времён. Гутер и Лейко учились в драматическом классе Венской императорской академии музыкального и драматического искусства и, в целях экономии средств, жили в небольшой мансардной квартирке в центре города. В один из вечеров они готовились к уроку театральной пластики. На столике у окошка Гутер старательно вычитывал один из учебников и время от времени что-то недовольно бормотал, заглядывая

в свою лекционную тетрадь. Мария раскрыла глаза, потянулась и села. В это время Гутер, думая, что она спит, начал изображать что-то угловато несуразное. Лейко тихо прыснула в кулачок, а затем звонко засмеялась. Гутер замер, выпрямился и обиженно повернул голову к Марии.

— Мими, это нечестно!

— Янис, что ты пытался изобразить?

— Влюбленного лебедя, — насупившись, ответил Гутер.

— Отлично, у тебя почти получилось.

— Правда?

— Конечно! Я тебя как увидела, сразу подумала: «Лебедь!» — только не догадалась, что влюблённый, — последовала короткая пауза, затем Мария взорвалась смехом, а вслед за ней захохотал и Гутер. Вдоволь нахохотавшись, они уставились друг на друга.

— Янис, ты мне веришь?

— Верю.

— Тогда садись и слушай, будем разбираться с твоим лебедем, — Лейко достала из-под подушки свою тетрадку, полистала, нашла нужное место. — Вот, слушай: «Театральную биомеханику не следует понимать как нечто искусственное, что можно лишь однажды применить в единичном театральном эксперименте. Принципы театральной биомеханики вытекают из самой природы движения». Понятно?

— Это определение я уже раз десять читал.

— Ладно, — Мария откладывает тетрадку, — тогда просто смотри.

Лейко на мгновение закрыла глаза, напряглась, чуть отодвинув в сторону руки, и неуловимо-чудесным образом преобразилась. Вот она летит гордая и независимая высоко под облаками, грациозно поглядывая вниз, и вдруг замечает красивую лебедушку. Мария закружилась, захлопала руками-крыльями и ринулась вниз, вот она опускается рядом, раскинув руки, в ауре солнечных брызг и плывёт вокруг избранницы, сужая круги. Гутер застыл, словно зачарованный, он с изумлением видел то, что не требовало слов или пояснений.

Лейка остановила свой лебединый танец и бросилась в объятия Гутера. Он бережно поцеловал её.

— Мими, ты чудо!

— Конечно, а как же иначе, — засмеялась Мария. — Так ты понял?

— Всё до последнего движения! Ах ты, моя песня лебединая!

Гутер вновь потянулся к губам Марии, но она его остановила.

— Подожди, Янис, я должна сказать тебе что-то важное, — она положила руки ему на плечи. — У нас будет ребенок.

Гутер растерянно смотрел на неё, на его лице таяла улыбка.

— Ребенок? — переспросил он.

— Что, — нахмурилась Мария, — не рад?!

— Да нет, что ты! Рад, конечно.

Мария оттолкнула Гутера от себя и уселась на кровать.

— Как же, рад?! — сказала она обиженно. — Да у тебя лебедь лучше получился, чем радость.

— Мими, ну, прости! Просто так неожиданно... Как же мы будем растить ребенка?

— Я академию не брошу. Найдем няню.

В марте 1909 года Мария Лейко родила девочку. С ребенком на руках она вошла в их небольшую квартирку и увидела, что Гутер тщательно подготовился к их прибытию: поставил колыбельку вплотную к кровати, разложил на подоконнике детские вещи, одеяла, пелёнки, накрыл ужин и водрузил в вазу огромный букет тюльпанов. Мария положила спящую девочку на кровать и опустилась рядом. Гутер тихо передвинул стул и уселся напротив. Он целовал её руки и вглядывался в уставшие глаза.

— Мими, — прошептал он, — ты выглядишь усталой.

— Да, — Мария расстегнула ворот платья, — ты прав. Кстати, врач мне сказал, что младенцы первое время на громкие звуки не реагируют, так что можешь говорить вслух.

— Надо же, никогда бы не подумал, — сказал Гутер уже не шепотом, но всё равно сдерживая голос. — Дорогая, давай помогу, — Мария развернула тёплое одеяло, и Гутер долго всматривался в личико сладко спящего младенца. — Может быть, положить в кроватку?

— Нет, Янис, мне скоро кормить, пусть пока здесь спит, — Мария окинула взглядом детские вещи. — Молодцы вы с няней, всё, что нужно, купили. Надеюсь, она не очень молодая? — Лейко лукаво глянула на Гутера, и тот радостно заулыбался.

— Что ты, любимая, она древняя старуха лет сорока... фу, ужас! — они тихо, но дружно посмеялись. Потом сели за стол. Гутер налил в бокалы вина. — Тебе можно?

— спросил он, кивая на бокал с вином.

— Один глоток можно, — Мария подняла Гутер, — но я бы лучше поела.

— О, сию минуту!

Гутер сделал большой глоток вина и помчался к плите, погремев посудой, вернулся с тарелкой с тушёными овощами и огромным венским шницелем, поставил перед Марией, та с наслаждением втянула носом воздух.

— О, какое блаженство! — она вонзила в мясо вилку, потом увидела, что Гутер не ест. — Янис, а ты?

— Ешь, милая, на меня не смотри, я сыт. Я вот вина попью, можно?

— Нужно! — ответила улыбающаяся Мария и положила в рот кусок шницеля.

Гутер сделал глоток вина.

— Мими, и какое же имя мы дадим нашей крошке?

— Давай назовём её Норой.

— В честь пьесы Ибсена?

— Да. В следующем году я буду играть в дипломном спектакле Нору. Она снаружи такая беззащитная, безропотная, а внутри сталь и огонь.

— За год вперёд, — усмехнулся Гутер, — ты уверена, что будешь играть главную роль?!

— Уверена, вся моя группа уже согласилась.

— Молодец, так и надо! — кивнул Гутер и приподнял бокал. — Мими, а в Ибсене не разочаруешься?

— Никогда!

— Тогда виват Норе!

Мария Лейко своего добилась, в октябре 1909 года ей вручили папку с ролью Норы, и так сошлось на небесах, что в эти же дни повезло и Гутеру: по рекомендации Макса Рейнхардта ему дали возможность поставить спектакль в Бургтеатре, весьма известном театре Вены. До этого Гутер играл там только неглавные роли.

Мария была горда и счастлива и собою и Гутером, на несколько дней они словно опьянели, они не ходили по улицам, а летали, едва касаясь земли. Но потом начались будни: Гутер допоздна пропадал в театре, Мария приходила с занятий в академии и отпускала няню, посвящая себя дочери, так что на изучение роли и вживание в образ оставались вечера и ночи.

Лейко наклонилась над кроватью, в которой сопела её подростковая дочка, поправила одеяльце и тихо вернулась к креслу под свет керосиновой лампы. Усевшись, она зевнула и открыла папку, на которой было написано: «Ибсен. «Кукольный Дом»».

Весной 1910 года в уличном кафе Цюриха встретились Тилтс и Петерс.

— Хорошо здесь, спокойно, а воздух какой! — Петерс вдохнул полной грудью и уставился в небо, шурясь на солнышко.

— Ещё бы, — улыбнулся Тилтс, отпив кофе, — ты же год отсидел в тюрьме.

Тилтс выглядел завзятым иностранцем, по одежде, по манерам, по неторопливости жестов. На его фоне бледный, изнемождённый Петерс в нездешнем костюме смотрелся контрастно.

Петерс перевёл взгляд на Тилтса.

— Да уж, отсидел, — усмехнулся Петерс.

— Я в парижском «Вестнике» статейку занятную прочитал.

— И что же в ней занятного? — спросил Петерс, с наслаждением понюхав свежую булочку.

— Автор, некто «Бывалый», спел целую оду тому, как полезно побывать каждому настоящему революционеру в царских застенках.

— В смысле дополнительного политического образования?

— Ну да, ты его почти процитировал.

— Врёт. Не верь, — Петерс откусил булку и глотнул кофе. — М-м, как же вкусно!

— Да? А я подумал, что не так уж он не прав.

— Ян, тюрьма — место поганое, издевательское, там полно провокаторов и наушников охраны, так что особо не до занятий. Впрочем, не будем об этом, я хочу забыть вонь камер и холод пересылок, — Петерс улыбнулся. — Давай лучше о тебе поговорим. Кстати, Ян, ты хорошо выглядишь.

— В каком смысле?

— В прямом: похож на молодого буржуа.

Тилтс смутился.

— Яков, у нас в электротехническом институте все так ходят. Ты же сам говорил, чтобы я ничем не выделялся.

— Говорил, говорил, и ты молодец, что слушал. Как твоя учеба?

— Нормально, иду на диплом с отличием.
 — Великолепно! Ты давай, тянись, заводи знакомства.
 — Яков, зачем?! — поморщился Тилтс. — Я хочу быть революционером!
 — Революционеров и без тебя хватает, — взгляд Петерса стал колючим. — Вон их сколько, греются на швейцарском солнышке. Колупнули царизм, поцарапали, да ногти содрали.
 — Яков, ты говоришь странные вещи.
 — Привыкай, одними лозунгами власть не завоеешь, деньги нужны. На оружие, на газеты, на листовки, на сладкую жизнь, — Петерс кивнул на их столик с кофейными чашками, — в эмиграции.
 — Это, конечно, верно...
 — Поэтому, Ян, — перебил его Петерс, — партия тебе даёт очень важное задание — добывать деньги.
 — Это как?
 — Ян, ты должен стать капиталистом. Заметь, не просто инженером, а хозяином капиталов.
 — Ничего себе! А если не смогу?
 — Ради революции обязан смочь, — Петерс огляделся. — Ну, мне пора. Мы сегодня с братом отбываем в Лондон.
 — Жаль, у меня ещё столько вопросов.
 — Ничего, ты, главное, не спеши их задавать.
 — Как это?
 — А так: часть вопросов отпадёт за неактуальностью, на другую часть ответы сами собой придут, и только третья часть останется. Прощай, — Петерс резко встал, сделал несколько быстрых шагов и скрылся за углом.
 Тилтс задумчиво смотрел ему вслед.

Мария Лейко вышла на сцену, и её накрыла полузабытая волна восторга от устремлённых на неё глаз, от тишины со сдерживаемыми редкими покашливаниями и с тихим шушуканьем. Дипломники тщательно продумали декорации спектакля. Задний фон сцены задрапировали огромными полосами газетной бумаги, произвольно смятой и оттого создающей эффект хмурой кремово-серой дали. Посредине были расставлены подсвеченные в сторону зрителей полупрозрачные перегородки, обозначающие пространство жилого дома, в центральной комнате которого, открытой для зрителя, стоял диванчик, столик у правой стенки и парочка комнатных пальм в кадках. За перегородкой сразу за столиком виднелся мужской силуэт, он сидел за письменным столом и что-то писал. Мария толкнула импровизированную входную дверь и вошла в этот кукольный дом, превратившись из мелькнувшего перед зрителями живого человека в ещё один силуэт. Отточенными пластичными движениями Лейко сняла пальто, повесила его и подошла к концу перегородки. Она игриво выглянула в зал, потом тихо вышла в центральную комнату и положила на столик пакеты с покупками.

Всё, теперь это не Мария Лейко, это игривая и беспечная Нора. Она вынула из кармана мешочек с миндальным печеньем, достала одно и откусила кусочек. Тихо подкралась к перегородке с мужским силуэтом, прислушалась.

— Да, он дома, — громко сказала она в зал, звонко засмеялась и запела строчки арии Адели из оперетты Штрауса «Летучая Мышь»:

*Маркиз, вы вызвали у всех
Недоумение и смех!*

Нора замолкла, прислушиваясь, но мужской силуэт в этот момент читал какой-то документ и не реагировал. Тогда она дёрнула плечиком и вновь запела:

*Маркиз, спешите получить,
Что вы сумели заслужить...*

Нора подняла вверх правую руку с печеньем, рукав скользнул вниз.

— Бархат кожи рук! Ах-ха-ха-ха-ха, — пропела она, проведя левой рукой по оголившемуся запястью, и потом ещё строчку: — И ножку в ажурном чулке, ах-ха-ха-ха-ха.

При этих словах Нора, красиво изогнувшись, чуть приподняла подол юбки, вызвав аплодисменты в зрительном зале.

— Что это, жаворонок запел? — раздался голос мужа Норы, Торвальда Хельмера, после того как стихли аплодисменты.

— Он самый, — отозвалась Нора и, повернувшись к столику, принялась шуршать, разворачивая пакеты и откусывая кусочки от миндального печенья.

Мужской силуэт Хельмера замер, вслушиваясь в это шуршание.

— Белочка там возится? — спросил он.

— Да! — ответила Нора, не прекращая своего занятия.
 — Когда же белочка вернулась?
 — Только что, — Нора вынула из кармана платок и вытерла губы. — Поди сюда, Торвальд, погляди, чего я накупила!

Дипломный спектакль удался, зрители охотно аплодировали теперь уже бывшим студентам драматических курсов Венской академии и особенно горячо Марии, видимо, её ножка в ажурном чулке оставила в мужчинах неизгладимый след. Потом начался выпускной вечер. Гости и выпускники кружились под вальсы Штрауса, слышался смех и радостные крики. Более степенные и важные гости сидели в креслах, с бокалами шампанского.

Гутер и Лейко только что остановились и переводили дух возле колонны. Внезапно перед ними появился зрелый мужчина с профессорскими усами и бородкой, он поцеловал руку Марии и поклонился Гутеру.

— Разрешите представиться, Генрих Манн.

Гутер расплылся в улыбке.

— Йохан Гутер, — представился он, — а это, — он взглянул на Лейко, — моя супруга, Мария Лейко.

— Очень приятно, — вежливо улыбнулась Мария.

— Мими, позволь заметить, что господин Манн известный публицист и романист.

— Спасибо, Янис, я в курсе. Знаете, господин Манн, я была в восторге от вашей книги «Учитель Гнус, или Конец одного тирана».

— О, — заулыбался Манн, — весьма польщен.

— Я тоже читал, — сказал Гутер.

— Очень лестно это слышать... Минуточку, — мимо, стремительно лавируя между гостями, пробежал официант с подносом полных бокалов, Манн, поразив своих новых знакомых отменной реакцией, буквально выхватил официанта с маршрута. — Если я не ошибаюсь, — заговорил он, передавая бокалы Марии и Гутеру, — вы, Йохан, играете на сцене Бургтеатра?

— Да, — кивнул приятно смущенный Гутер, — имел честь там играть, но теперь занимаюсь там же режиссурой.

— О, поздравляю! — Манн сделал изрядный глоток золотистого вина и внимательно посмотрел на своих собеседников. — Вы уж извините, что я так вот, без рекомендаций, отнимаю ваше время...

— Ну что вы, — улыбнулась Мария, — нам лестно ваше общество. Правда, Янис?

— Конечно!

— Что ж, тогда пусть простит меня ваш муж, Мария, но я не могу не выразить восхищение вашей игрой. Поверьте, я не новичок в театре, я знаю, что говорю.

— Вы меня смущаете.

— Судя по акценту, вы не австрийка?

— Мы из Латвии.

— Это Россия?

— Да, — кивнул Гутер.

— Тогда мне всё понятно.

— Что именно? — заинтересовалась Лейко.

— Понятно, откуда в ваших глазах, Мария, пылает революционный огонь, а в голове дрожит нерв чувств. Вы знаете, я давно думал написать пьесу о французской революции, но никак не мог найти героиню. И вот сегодня нашёл, она будет похожа на вас! — Гутер и Мария растерянно переглядываются, они не знают, как себя вести. Манн это замечает и усмехается. — Друзья мои, пути творческого вдохновения столь запутанны, что любая малость может послужить поводом к большому замыслу. Кстати, что думаете делать дальше?

— У меня, — ответил Гутер, — есть предложение от Новой Венской сцены.

— Да, я слышал об этом новом театральном начинании. Желаю успеха. Мария, вы столь хороши, что я бы взял на себя смелость рекомендовать вас в какой-нибудь театр Германии. Гутер, вы разрешите?

— Разумеется!

— Тогда до следующих встреч.

Манн поцеловал руку Марии и, чопорно кивнув Гутеру, ушёл.

В 1910 году день рождения Марии Лейко выпал на воскресенье, поэтому на этот раз Гутер не смог отказать ей в посещении синематографа. После Копенгагена они ни разу не смотрели кино, хотя буквально у них на глазах бурно расцветало не просто новое искусство, а целая шоу-индустрия: только в Вене работало уже больше шестидесяти кинотеатров и существовало несколько кинокомпаний, занимающихся созданием

и прокатом фильмов. Но Гутер не хотел этого замечать, при разговорах о кино становился мрачным и всегда обрывал Лейко словами, что театр — вечен, а мелькающие картинки — лишь каприз времени. Мария поначалу удивлялась, как он переменялся в отношении к кино, но потом поняла, что, на самом деле, Гутер просто комплексует, оставаясь на обочине новых веяний, потому никогда с ним не спорила, справедливо полагая, что время всё расставит на свои места.

И вот свершилось, они только что вышли из кинозала «Сатурн» на антракт и заняли столик в буфете. Им показали два фильма: старый, 1903 года, британский «Алиса в стране чудес» и новый российский документальный фильм о визите Николая Второго в Ригу на двухсотлетие присоединения Лифляндии к империи и открытие памятника Петру Первому. Это событие произошло буквально только что — 3-5 июля этого года. Они увидели свою Ригу, набережную, встречающую императорскую яхту «Штандарт», Домскую площадь, кафедральный собор, знакомые улицы и рижан. На экране город жил праздничной жизнью, словно и не было митингов, выстрелов и крови на его улицах.

— Мне так в Ригу захотелось, — сказала Мария.

— В Ригу? — Гутер пожал плечами. — Не знаю, меня пока не тянет.

Лейко улыбнулась.

— Что улыбаешься?

Мария махнула рукой.

— Какая уж для тебя Рига! Спасибо господу, ноги оттуда унёс.

— Господу? Нет, Мими, это тебе спасибо, — Гутер приподнялся и, наклонившись, поцеловал Марии руку. — Без тебя, дорогая, я бы сейчас в тайге кандалами звенел.

Лейко нежно улыбнулась и провела рукой по щеке Гутера, он сел на место, и они оба задумались

— Ты знаешь, Мими, — заговорил спустя пару минут Гутер, — а я ведь совсем недавно про визит царя в газете читал.

— Ну, я тоже читала, — пожала плечами Лейко. — Заметки маленькие, сухие, могли бы, судя по фильму, и поподробнее событие описать.

— Я не про австрийскую газету говорю, про русскую.

— Русская газета здесь, в Вене? Ты шутишь? И как же она называется?

— «Правда».

— Янис!

— Что?

— Ты опять связался с товарищами?! Мы же с тобой договорились!

— Мими, клянусь, газета мне случайно досталась, в кафе у Бургтеатра на столике лежала.

— Неужели так бывает? — с сомнением покачала головой Мария. — Хорошо, пусть так. И что же там написано?

— Они статью из нашего «Рижского вестника» перепечатали, но с издевательским названием: «Мерзость гнивающего режима».

— Да уж, в выборе выражений явно не стесняются.

— Мне запомнилась концовка, что больше всего визиту радовались городские нищие: им из царской казны раздали 16000 рублей, чтобы помнили и почитали. И вот такое совпадение — привезли этот фильм.

Гутер вновь замолчал, задумчиво разглаживая складки на скатерти. Мария почувствовала себя виноватой и положила ладонь на руку Гутера.

— Янис, ну не грусти.

— Что? — поднял на неё глаза Гутер. — Мими, я не грущу, я думаю.

— И о чём же ты думаешь?

— О том, что я полный болван!

— Янис! — отшатнулась Мария. — Зачем ты так говоришь?

— Затем, что уже многие годы я игнорирую кино, хотя чувствую, как оно манит меня, затягивает, словно омут.

— Янис, а как же театр?

— Я уверен, Мими, что театр и кино не антиподы, что они помогут друг другу и, возможно, даже сольются.

— Извини, Янис, но это вряд ли, артисты театра сниматься в кино не будут!

— Это кто ж тебе сказал? — усмехнулся Гутер.

— У нас в театре все так говорят.

— Глупости все эти разговоры. Рейнхардт мне написал, что во Франции сейчас стало модным среди театральных актёров сниматься в фильмах. И известность растёт, и заработок хороший. Кстати, угадай, где быстрее всего в Европе растёт кинопроизводство?

— Прости, Гутер, — пожала плечами Лейко, — я не знаю.

— В Дании! — торжествующе, словно откровение, произнёс Гутер.
 — В Дании? — искренне удивилась Лейко.
 — Именно! В твоей надёжной Дании. Макс написал, что смотрел новый фильм, так вот там играет бывшая театральная актриса Аста Нильсен. Он её хвалит.
 — Неужели мир так изменился? — задумчиво спросила Мария.
 — Ещё как, Мими! Это только в чопорной Германии да в напыщенной Австро-Венгрии театр и кино считаются антиподами.
 — Надо же! Что ещё Макс пишет?
 — Что из-за упрямства немецких театральных актеров производители фильмов приглашают норвежских и датских и что в Европе две трети новых фильмов делают во Франции.
 Гутер замолчал и принялся задумчиво помешивать ложечкой кофе, а Лейко с удивлением смотрела на Гутера.
 — Янис, столько интересного, и ты молчал?!
 — Извини, но мне надо было сначала всё обдумать.
 — Янис, ты эгоист.
 — Мими, ну, не обижайся, я же рассказал...
 — Знаешь что, милый, это не оправдание.
 — А что же тогда оправдание?
 — Просто скажи, ты меня любишь?
 — Мими, конечно! Разве у тебя есть сомнения в моей преданности?!
 Прозвонел звонок, Гутер и Мария, тесно прижавшись друг к другу, пошли обратно в зал.

Вена — великий город, всё говорило: оставайтесь в нём. Постановка Гутера в Бургтеатре пользовалась успехом, и хотя она великого заработка не принесла, но зато имя Гутера среди театралов уже упоминалось, и к сентябрю ему пророчили место режиссёра в небольшом новом театре «Новая Венская сцена». Благодаря своему успеху на дипломном спектакле и протекционистским усилиям Гутера Мария иногда играла в Бургтеатре и ей даже обещали постоянное место. И всё же Гутер и Мария, не сговариваясь, не связывали Вену со своим будущим. Гутер понял, что австрийцы, несмотря на все одобрительные похлопывания по плечу, равным себе его не считали, и это не столько обижало, сколько удивляло: немцы были другими. Что касается Лейко, то она почему-то уверовала, что мимолетная встреча с Генрихом Манном изменит её жизнь, поэтому, когда однажды пришло приглашение из Германии, она почти не удивилась. Вечером, когда Гутер пришёл из театра, она гордая, сияя от счастья, вручила ему письмо.

— Янис, — громким шепотом заговорила она, боясь разбудить дочку, — Генрих Манн выполнил своё обещание, меня приглашают во Франкфуртский театр! — Гутер прочитал и нахмурился. — Милый, ты не рад?! — испугалась Мария.
 — Нет, что ты, милая! — заулыбался Гутер. — Я очень рад за тебя.
 — Ах, какая же я эгоистичная дура! — спохватилась Лейко. — Про тебя даже не вспомнила!
 — Пустяки, Мими, — Гутер обнял Марию и поцеловал, — это письмо очень даже кстати. Мне, пока не поздно, надо свершить что-нибудь грандиозное! Здесь в чопорной кастовой Австрии это невозможно. Едем?
 Мария подпрыгнула и беззвучно захлопала в ладоши.
 — Едем, едем!

В сентябре 1910 года они прибыли во Франкфурт-на-Майне, сняли уютную квартиру недалеко от театра и выбрали дочке приличную няню. Рекомендация Манна раскрыла перед Лейко двери театра, но не сцену. Об этом она горестно рассказала Гутеру, обливая слезами его плечо. Он гладил её и шептал, что всё будет хорошо, а она плакала, твердила, что не будет, и ей было хорошо. На следующий день из Берлина приехал уже великий Макс Рейнхардт. Он обнял Гутера, потом поцеловал руку Марии, долго не отпускал её ладонь, вглядываясь в смущённое лицо. Благодаря его хлопотам уже к обеду руководство Франкфуртского театра подписало с Гутером контракт на постановку спектакля по пьесе Гауптмана «Перед восходом солнца», в котором Мария получила роль Елены.

На торжественном ужине в свою честь Макс Рейнхардт восторгался Марией и снисходительно улыбался восторженному лепету Гутера, до сих пор не верящему своему внезапному счастью. Прямо с ужина они поехали на вокзал, где уже на перроне Рейнхардт объявил, что скоро приступает к грандиозному представлению по мотивам античной трагедии Софокла «Царь Эдип» и пригласил на премьеру.

Гутер и Мария долго махали вслед уходящему поезду, очарованные этим малень-

ким художавым человеком, искрящимся энергией и целеустремленностью.

Начались репетиции. Чем ближе подходил день премьеры, тем беспощаднее становился Гутер. Доставалось и Марии, и Амтману, который по просьбе Гутера приехал для участия в этом спектакле.

На почти пустой сцене слева стоит кушетка, а далеко за нею вешалка, на которой болтается охотничий нож. На сцену вбегает Мария (Елена). Она в крайнем волнении, всхлипывает, зажимая рот платком, и падает на кушетку. Тут же появляется Амтман, играющий Гофмана.

Амтман: «Что тут такое?.. Что с тобой? Ну скажи мне, пожалуйста, долго ли это будет продолжаться?.. С тех пор как я здесь, не прошло еще ни одного дня, чтобы ты не плакала».

Мария: «Ах!.. Где тебе понять?.. Если бы ты только мог понять, ты подивился бы тому, что бывает еще время, когда я не плачу».

Амтман: «Знаешь, свояченица, мне что-то ничего не ясно».

Мария: «Мне тем более».

Амтман: «Опять, верно, что-то случилось?»

Мария (вскакивает, топает ногой): «Мерзость! Мерзость! Я не могу больше терпеть... Хватит! Я больше не позволю! Я не понимаю, почему... я...»

Ее душат рыдания.

Амтман: «Скажи мне хотя бы, в чем дело...»

Мария (снова разражается слезами): «Мне уже все равно! Хуже не бывает. Иметь отцом пьянчужку, животное, от которого не защищена даже я, его собственная дочь. Иметь мачехой развратницу, сводницу, посредничающую между своим любовником и мной... Вся эта мерзкая жизнь... Нет!.. Я не хочу, чтобы меня превратили в какую-то дрянь. Я лучше уйду! Я убегу отсюда... А если вы меня не пустите, тогда... тогда — веревка, нож, револьвер... Да мне уже все равно!.. Я не стану утешаться водкой, как моя сестра».

Амтман (испуганно хватая ее за руку): «Ленхен!.. Прошу тебя, молчи!.. Молчи об этом!»

Неожиданно в пустом зрительном зале раздался громкий хлопок, а следом строгий голос Гутера:

— Стоп! — на сцене все замерли, посмотрели на режиссёра. Он неспешно подошёл к сцене. — Мария, у тебя почти без замечаний, — Лейко, всё ещё в слезах, нервно улыбнулась и пошла к кулисам. — Альфред, — обратился Гутер к Амтману, — ты Гофман, довольный всем Гофман. Истерика Елены не просто неприятность, это нависшая глыба над его сытым благополучием. Альфред, ты всё ещё холоден, ты должен не испугаться, а ужаснуться! Хорошо? — Амтман кивнул, из-за кулис, дымя папиросой, показалась Мария, она прошла к кушетке и с наслаждением села. Гутер посмотрел на неё, покачал головой. — Ладно, всем четверть часа отдых! — он громко хлопнул в ладоши, артисты рванувшие было за кулисы, вновь застыли. — И не опаздывать! Время пошло.

Мария, глядя на Гутера, задумчиво улыбнулась и пустила колечко дыма.

Тем же вечером Гутер, Мария и Амтман ужинали в ресторане. Официант разлил вино в бокалы и удалился, Гутер поднял бокал.

— Альфред, хочу выпить за тебя! За то, что приехал по первому зову на мою первую постановку в Германии!

Они дружно делают по глотку. Мария взяла нож и вилку и лукаво посмотрела на мужчин.

— Я хочу есть!

— И я! — поддержал Амтман.

Обыкновенно он выглядел невозмутимо чопорным, снисходительно поглядывающим из себя на окружающую жизнь, но здесь улыбнулся просто и доверительно, было видно, что он среди друзей. Амтман принялся усердно терзать свой кусок жареной свинины, заедая сочные пахучие кусочки тушёной капустой. Гутер смотрел мимо, что-то вычерчивая ручкой ножа на скатерти.

— Янис!

— Да, Мими?

— Прекрати себя мучить, расслабься, поешь.

— Да, Йохан, — поддержал Марию Амтман, — не улетай далеко, побудь с нами.

— С вами? — Гутер погрозил пальцем Амтману. — Смотри, Альфред, я очень ревнивый.

— О-о! — поднял руки вверх Амтман. — Я помню и заранее сдаюсь. Надеюсь на праведный суд!

— То-то! — Гутер прихватил вилку. — Пожалуй, и мне не мешает поесть.

Первой насытилась Лейко, она отодвинула тарелку, достала папиросу и застыла на секунду, к ней тут же подскочил официант с зажигалкой. Мария кивнула и с наслаждением пустила вверх струйку дыма.

— Мария, доктора говорят, что курить вредно, — заметил ровным голосом Амтман.

— Я в курсе, — улыбнулась Лейко.

— Вот, Альфред, и я о том же твержу, а она только отшучивается.

— Янис, только бог знает, кому сколько жить, — Мария красиво повела папиросой,

— вряд ли он учитывает такую малость, как дым.

— Альфред, ты слышал? И это мне, режиссёру?!

— Не режиссёру, а отцу моего ребенка! Рассуди, Альфред.

— Господа, вы оба правы! — заулыбался Амтман.

— Позволь, позволь! — прищурился Гутер. — И насчет чего же конкретно?

— Насчет всего, Йохан, — Амтман покачал головой. — Господа, о чём мы говорим, ведь скоро состоится грандиозная премьера!

— Альфред, — понизив голос, переспросил Гутер, — ты правда так считаешь?

— Конечно! Янис, ты не просто сделал спектакль по старой пьесе Гауптмана, ты создал её новое прочтение! Поверь, я это без всякой лести говорю!

— Альфред, спасибо вам за Яниса, вон у него даже румянец на щеки вернулся.

— Мими!

— Хорошо, хорошо, меняем тему. Альфред, давно хотела спросить: как же вы решились так надолго уехать от своего детища? Как там теперь без вас в Новом рижском театре?

— Нормально, — Амтман усмехнулся, — пишут, что справляются.

— Очень сомневаюсь, — иронично заметил Гутер.

— Ничего, иногда разлука полезна, пусть сами поработают, репертуар на полгода отработан, а там и я вернусь.

— И не пустым, Альфред, — Гутер поднял бокал, — наверное, с новыми идеями и замыслами?

— Ещё бы!! Я уже полтетрадки исписал.

— Выпьем за театр?

— Выпьем!

— Прекрасный тост!

Лейко поставила на стол пустой бокал.

— Мальчики, вы оба молодцы!

Гутер украдкой посмотрел на часы, Мария это заметила. По её лицу пробежала тень, но она улыбнулась и повернулась к Амтману.

— Альфред, а я ведь часто вас вспоминала.

— Я тоже, — несколько опешив, отозвался Амтман.

Мария посмотрела на Гутера, но тот демонстративно вытащил часы и сделал озабоченное лицо.

— Друзья мои, — приторно заулыбался он, — я чуть не забыл, мне срочно нужно удалиться.

— То есть как это удалиться?! — удивился Амтман. — А как же мы?

— Вы тут поворкуйте, как старые друзья, а мне надо в театр. Альфред, проводишь Марию домой?

— Конечно.

Гутер встал и склонился в поцелуе над рукой Лейко, она холодно глянула на его затылок.

— Янис, опять будешь поздно?

— Прости, Мими, дела!

Гутер горячо пожал руку Амтману и без лишних слов ушёл. Альфред недоумённо посмотрел на Лейко.

— Мария, какие дела в такое время?

— Янис не может работать дома, пишет в театре.

— Да? — качнул головой Амтман. — Ну, мог бы на сегодня сделать исключение.

Лейко грустно улыбнулась.

— Альфред, давай простим Йохана, вдруг в его творческую голову пришла такая ценная идея, что её надо срочно записать?

— Ну, если так, то конечно, — Амтман глянул в сторону официанта, тот с готовностью подскочил. — Мария, приступим к десерту?

— С удовольствием, и ещё по бокалу вина.

Амтман посмотрел на официанта.

— Вы слышали?

— Сию минуту, господа.

Тем временем Гутер вышел из цветочного магазина с букетом и сел в ожидающее его такси.

— Гони к городскому театру! — громко скомандовал он, и таксомотор рванулся с места.

Гутер ворвался в гримёрную, где на диване сидела молодая красивая девушка и дула губки. Только что она поправляла свои золотистые локоны и с интересом листала журнал мод, но, заслышав быстрые шаги в коридоре, откинулась на спинку и изобразила обиду. Гутер бросился к её ногам и положил на колени букет.

— Хельга, я спешил к тебе словно ветер!

— Да? — обиженно отозвалась девушка, с интересом поглядывая на букет. — Йохан, пока ты где-то летал, я тебя опять ждала!

Гутер вскочил, скинул в сторону пальто и прильнул губами к тонкому запястью девушки.

— Ну, прости, моя прелесть, — страстно зашептал он, осыпая поцелуями руку, потом плечо в тонком шелке, изящную шею, — я мысленно от тебя даже не уходил.

Хельга встрепенулась, обняла Гутера.

— Дорогой, я тоже весь день думала о тебе!

Они посмотрели глаза в глаза и слились в поцелуе.

Мария и Амтман вышли из ресторана, мужчина принялся искать глазами экипаж или такси, но Лейко потянула его в сторону.

— Альфред, пойдёмте пешком, здесь недалеко.

Они свернули за угол, подошли к цветочному магазину, в котором недавно побывал Гутер, остановились у входа. Амтман что-то говорил, Мария сначала отрицательно качала головой, затем кивнула. Они вошли внутрь.

Через некоторое время Амтман вёл Лейко под руку, и она бережно прижимала к груди букетик из белых, розовых и красных гвоздик.

— Спасибо за цветы, Альфред.

— Мария, эти гвоздики недостойны вас.

— Нет, я обожаю скромные цветы.

— Скажите, Мария, — после некоторого молчания спросил Амтман, — вы по-прежнему дружите с Генрихом Манном?

— Да. Видимся редко, он сейчас живет в Италии, переписываемся чаще. Он мне недавно книгу новую прислал, «Маленький город» называется. Очень смешная и грустная одновременно, — они останавливаются. — А вот и мой дом. Альфред, хотите чаю? Дочку мою посмотрите.

— Нет, Мария, — Амтман грустно покачал головой, — я не могу.

— Но почему?

— Мне больно смотреть на ваше семейное счастье, — Мария внимательно посмотрела в лицо Амтмана и улыбнулась. Амтман смутился, пожал плечами. — Извините, Мария, да уж, вот так.

— Спасибо.

— За что?

— За вашу любовь, — Лейко обняла Амтмана за шею и поцеловала в губы. — Будьте, пожалуйста, счастливы, Альфред.

— Я постараюсь, — вздохнул Амтман.

В это время Гутер в расстегнутой сорочке сидел на диване и медленно потягивал из бокала коньяк. Его томный взгляд блуждал по комнатке. На его коленях, рассыпав золотистые локоны, лежала головка полураздетой Хельги.

— Йохан!

— Да, милая моя девочка.

— Ведь Марта старше Елены?

— Что? Ах, ты про пьесу. Да, старше.

— А почему же я, такая молодая, играю Марту, а не Елену?

Гутер вдруг словно пробудился и внимательным холодным взглядом оглядел Хельгу, он знал, что девушка этого взгляда заметить не могла.

— Йохан, ну почему? — Хельга запрокинула вверх лицо, Гутер едва успел изобразить на лице радушную улыбку.

— Потому, золотко моё, — сказал он нежным голосом, — что тебе еще рано плакать.

В комнате на столе стояла ночная лампа и ваза с гвоздиками. Мария в пеньюаре присела на стул и, подставив под щеку руку, любовалась на цветы. В полумраке они казались бледными цветными фонариками. В прихожей раздался приглушённый шум,

загорелся свет по контуру дверного проёма, Лейко вздохнула и поменяла руку. Появился Гутер.

— Мими, ты не спишь?! — удивлённо спросил он.

— Тише, Янис, — ответила Мария, не повернув головы, — Нора спит.

Гутер прошёл через комнату и сел на соседний стул, посмотрел на цветы.

— Альфред подарил?

— Да.

— Мими, завтра воскресенье, давайте втроем сходим в парк?

— В парк? — Мария оживилась и впервые взглянула на Гутера. — Это чудесно!

Нора будет счастлива.

Гутер взял руку Лейко и поднёс к губам, она равнодушно смотрела, как он поцеловал её, потом едва заметно улыбнулась и провела ею по его щеке.

— Пошли спать, дорогой.

Мария попыталась встать, но Гутер удержал её.

— Мими, я тут подумал, что пока не поздно, надо найти новую актрису на роль Марты. Как думаешь?

— Да, хорошая идея, только я бы подобрала артистичку поуродливее, — Лейко решительно встала и, поцеловав Гутера в затылок, направилась к спальне. — Янис, я жду тебя, — бросила она через плечо.

Гутер понял, что прощён.

В воскресенье день выдался солнечным и теплым, Гутер и Лейко медленно шли по аллеям парка, катя перед собою детскую ярко-кремовую коляску с огромными рессорами и большими колесами, в которой сладко спала полуторагодовалая Нора.

— Хорошая коляска, мягкая, — констатировал довольный Гутер.

— Скоро зима, — совершенно некстати вдруг сказала Мария, прижимаясь к локтю Гутера.

— Да, — кивнул Гутер, — конец сезона не за горами.

— В каком смысле?

— В том смысле, что премьера пройдёт и контракт, собственно говоря, будет исчерпан.

— Ой, прости, Янис, я об этом даже не подумала. Но ведь ты обязательно что-нибудь придумаешь?

— Ох, и хитра ты, любовь моя! — засмеялся Гутер. — Придумаю, непременно придумаю, я уже придумал!

— И молчишь!

— Почему молчу? Вот, говорю.

— Постой! — Мария склонилась над коляской, проверила дочку. — Тёпленькая, — довольно объявила она, — смотри, какое чудо!

— Вижу, — кивнул Гутер. — Кстати, Альфред вчера заходил?

— Нет. Я предлагала чаю попить, но он отказался, проводил и удалился, — Лейко мельком глянула на Гутера. — А почему ты спросил?

— Боюсь, он сезон доигрывать без тебя будет.

— То есть как это?

— Мы уезжаем, Мими.

— Уезжаем? Куда?

— В Берлин, к Рейнхардту! У него сейчас две сцены в Немецком театре: большая и камерная. Он написал, что без работы ни ты, ни я не останемся.

— О, Берлин! — радостно приглушённо воскликнула Мария и тихо похлопала в ладоши. — Берлин! Янис, это же так здорово!

— Да, дорогая, нам предстоят новые хлопоты.

— Ничего, Берлин — это город моей мечты!

Они переехали в Берлин в декабре 1910 года. Мария пока ещё оставалась дома, чтобы присмотреться к новой гувернантке Урсуле. Пока всё было хорошо, немногословная черноволосая женщина лет тридцати пяти с грубоватыми чертами лица оказалась заботливой воспитательницей.

Мария Лейко лежала в кровати, размышляя об этом и щурясь на лучик солнца из окна. «Кажется, сегодня прекрасная погода, можно будет подольше с дочкой погулять. Хорошо». Мария подняла колокольчик и позвонила. В спальню вошла гувернантка.

— Доброе утро, мадам.

— Спасибо, Урсула. Как там Нора?

— Девочка ещё спит, мадам.

— Значит, и я ещё полежу.

— Хорошо, мадам, тогда я передам вам письмо позже.

— Какое письмо? — Лейко заинтригованно привстала на локте.
— Посыльный принес рано утром на ваше имя.
— Урсула, — улыбнулась Мария, — какая женщина отложит письмо?! Давайте не-медленно.

Гувернантка неуклюже улыбнулась и, передав письмо, вышла. Мария откинулась на подушку и медленно вытащила открытку из конверта, прочитала. Задумчиво погрызла кончик открытки, потом вновь взялась за колокольчик. В дверях показался свежесбритый Гутер.

— О ком звонит колокол? — улыбаясь, поинтересовался он.

— Сейчас расскажу, — в спальню вошла гувернантка. — Урсула, сегодня гулять пойдете без меня.

— Слушаюсь, мадам.

— Справитесь?

— Не извольте беспокоиться, Нора чудесная девочка.

Гувернантка вышла, Гутер сел на край кровати и с интересом посмотрел на открытку в руках Лейко.

— Мими, ты отпускаешь Урсулу без присмотра?

— Да, когда-то же надо это сделать? Она вполне прилежна.

— Ну, насчет прилежности....

— Янис! — нахмурилась Мария. — Не надо даже намекать на то, что для тебя имеет значение внешность прислуги!

— Что ты, что ты! — заулыбался Гутер. — Нисколько меня это не интересует, а вот тебя...

— На что это ты намекаешь?

— Это же ты, дорогая, отбирала гувернантку?

— Ух, я тебя сейчас поколочу!

Гутер нагнулся, они обнялись и принялись целоваться. Ответную нежность Марии Гутер, видимо, принял за нечто большее, чем поцелуй, но Лейко решительно отодвинула его от себя.

— Вот так вот? — надулся Гутер.

— Янис, ты что, с ума сошёл?

— Разве мы не у себя дома? — Гутер вновь потянулся к женщине.

— Нет, дорогой, у нас дела! — отрезала та.

— Из-за этого послания?

— Именно! — Мария радостно покрутила открытку в руках. — Генрих Манн в Берлине и приглашает нас с тобой на обед.

— Да? Всю жизнь мечтал, — проворчал Гутер. — Дай почитать.

Лейко с готовностью протянула ему открытку, тот прочитал и ухмыльнулся.

— Милая, а с чего ты взяла, что приглашены мы оба? Манн только о тебе пишет.

— Ну как же иначе, — растерялась Мария, — мы же с тобой...

Гутер вдруг весело засмеялся и поцеловал руку Марии.

— Дорогая, не волнуйся, я бы всё равно в это время не смог. Ступай одна и передавай своему другу мои наилучшие пожелания, — Гутер поднялся, — а мне пора в театр.

— Янис, хочешь, я не пойду?

— Да ты что?! Это же сам Манн! Нет уж, иди и будь паинькой.

Официант открыл дверь в отдельный кабинет, Лейко вошла, дверь закрылась. За накрытым для трёх персон столом восседал Генрих Манн и читал газету. Увидев Марию, он отбросил в сторону газету, встал и поклонился. Лейко подошла и протянула руку для поцелуя, Манн бережно прикоснулся к ней губами.

— Здравствуйте, Мари, я рад вас видеть.

— Я тоже, Генрих, — Манн помог Марии присесть и уселся напротив. Лейко кивнула на лишний набор приборов. — Вы ещё кого-то ждёте?

— О нет, как можно! — Манн хитро улыбнулся. — Это на случай, если бы вы пришли с мужем.

— Он не смог, дела в театре.

— Да-да, — кивнул Манн, — наслышан, как же. Его новый спектакль наделал много шума.

— Хорошо вы сказали: шум. Не все рукоплещут, некоторые ругают, на чём свет стоит, — улыбнулась Мария.

— Пустяки, Мари! Всякий шум лучше забвения.

Раздался стук в дверь кабинета, и после короткой паузы вошёл официант. Он по-хозяйски оглядел стол, положил в тарелки закуски, налил в бокалы вино, беззвучно собрал лишние столовые приборы и, сдержанно поклонившись, удалился. Манн смотрел ему вслед и кивал, поглаживая пальцами усы.

— Каков, а? И паузу, шельмец, держать умеет, и фасон. Виртуоз! — он посмотрел на Лейко. — В каждом деле мастерство может дорасти до искусства. Не так ли, Мари? — Лейко чуть улыбнулась и неопределённо повела головой. — Ой! — спохватился Манн. — Что же это я?! — он поднял бокал. — Предлагаю выпить за нашу встречу!

— За встречу! — улыбнулась Мария.

Они сделали по глотку вина и некоторое время сосредоточенно ели.

— Прекрасная кухня, — хмыкнул Манн.

— Да, очень вкусно.

Манн отложил вилку с ножом и, открыв пачку папирос, протянул Лейко.

— Прошу.

— Спасибо, — Мария взяла папиросу, подождала, пока Манн неторопливо чиркнет спичкой.

Они закурили, Манн радушно улыбался, посматривая на женщину.

— Вы прекрасны, Мари!

— Спасибо за комплимент, Генрих.

— Комплимент? — фыркнул Манн. — Нет, это чистая правда, — он пустил в потолок струю дыма. — Мари, вы красивая, умная, и вы становитесь знаменитой актрисой. Я читал восторженные отзывы о вашей игре.

— С вашей лёгкой руки, Генрих.

В кабинет вплыл официант с подносом аппетитно пахнущих блюд. Он споровисто поменял посуду, расставил еду, разлил вино в бокалы и испарился. Манн и Лейко переглянулись и дружно засмеялись.

— О, Мари, когда я выписываю горящие глаза мадам Легро, то вижу ваши! Только такая женщина, как вы, способна быть бескорыстной и бесстрашной!

— Генрих, своими комплиментами вы меня вгоняете в краску.

— Чепуха! Вы ещё не осознаёте своей внутренней пластики, грации стройного тела. Мари, вы смотрите фильмы?

— Конечно, кто же их сегодня не смотрит?

— Кто из актеров вам нравится?

Мария задумалась.

— Пожалуй, Эрнст Райхер. Его сыщик Стюарт Уэббс с вечной трубкой неподражаем. Миа Мэй великолепна, а Хенни Портен во всех ролях хороша.

— Мари, вам надо сниматься в кино!

— Я в кино?! — изумилась Мария. — Я никогда... нет, это решительно невозможно.

— Опять стереотипы! — нахмурился Манн. — Мари, ну чем вы хуже той же Миа Мэй?

— Но я театральная актриса!

— Пустяки, одно другому не мешает. Во Франции все ведущие театральные артисты считают за честь сниматься в кино.

— Йохан об этом тоже говорил.

— Вот видите!

— Генрих, но ведь при съемках нет зрителя.

— Ха! — воскликнул Манн. — А на репетициях в театре есть? И разве зритель не живёт в вашем сознании? — Манн властно поднял руку. — И не спорьте со мною, Мари. Я устрою вам экскурсию в киноателье Оскара Местера. Он там сейчас снимает фильм «Огонь погашен» с участием Райхера и Портен.

Мария прижала от восторга руки к груди.

— Генрих, возьмите и моего Гутера, он так мечтает о кино!

— Хорошо, — Манн пожал плечами, — берите его с собой.

— Знаете, мой Гутер когда-то был знаком с Райхером. Они вместе работали у Макса Рейнхардта.

— Мир тесен, Мари, — равнодушно отозвался Манн. — Итак, завтра я заеду за вами в два пополудни, а сейчас прочь дела, давайте просто есть и пить!

— С удовольствием!

Часть 4. ВЕТРА ЭПОХИ ПЕРЕМЕН

Прошло три года. Мария Лейко играла в Новом театре, обретая всё новых и новых театральных поклонников. Дочка её подрастала, Гутер периодически ставил новые спектакли на сценах Лейпцига, Франкфурта-на-Майне, Берлина, помогал Рейнхардту. Между тем мир неумолимо менялся, накапливая в себе кумулятивный заряд будущих взрывных изменений. Германия, напитавшись собственными амбициями и французскими репарационными деньгами, гигантскими темпами наращивала свою долю в мировом промышленном производстве и вооружалась, вооружалась, ей становилось всё теснее в границах империи.

Франция, проигравшая в прошлом веке во франко-прусской войне, пережила унижение и теперь формировала школьные батальоны, они ходили строем и пели марши, газеты вопили о несправедливости и отмщении, всё чаще в парижских кофейнях звучало слово «реванш», французская литература сочилась духом национализма и патриотизма. Страна строила новые корабли, формировала дополнительные артиллерийские корпуса, создавала военную авиацию.

Летом 1914 года на квартире Лейко за столом с вином и фруктами собралась творческая компания: Гутер, Мария, Рейнхардт и Мурнау. В гостиную вошла Урсула с дочкой Марии, ей уже пять лет, она похожа на маленькую нарядную куклоку. Вся компания замолчала и дружно посмотрела на Нору, девочка, совершенно не смущаясь, присела на реверанс.

— Мадам, нам пора спать, — объявила Урсула.

— Иди сюда, моё золотко, — раскинула руки Мария.

Дочка подбежала, Лейко обняла её, поцеловала, что-то ласково шепнула ей на ушко. Девочка кивнула, отбежала назад и, обернувшись, вновь сделала реверанс.

— Спокойной ночи, господа, — нежным детским голосом сказала она.

Мужчины радостно отозвались, и их грубые голоса прозвучали полным диссонансом ангельскому голосочку. Гувернантка и Нора вышли.

— Какой чудный ребенок! — с умильным выражением на лице нарушил молчание Рейнхардт. — Давайте выпьем за её чудесное будущее.

Все подняли бокалы.

— Спасибо, Макс, — отозвалась Мария, сделав маленький глоток вина, — мы с Йоханом так любим нашу дочку! Правда, Янис?

— Что? — вышел из задумчивости Гутер. — Ах, да, конечно... И всё-таки кино — это новый вид искусства!

Рейнхардт кивнул, достал из коробки папиросу, чиркнул спичкой.

— Не знаю, Йохан, — Рейнхардт задумчиво потянул в себя дым. — Пока я согласен только на то, что постановка спектакля во многом близка к кинопроизводству и всё хорошее в театре подходит и для кино. Вы уж мне поверьте, я теперь знаю, надо лишь правильно поставить кинокамеру.

— Прости, Макс, а я, пожалуй, поддержу Йохана, — сказал Мурнау. — Есть в кино магия, некая волшебная сила, которая вот-вот вырвется наружу.

— Не надо заблуждаться, Фридрих, пока в кино есть только свет и тень, белое и чёрное, а в театре уже есть голос, цвет и музыка. И где больше места для магии?

— Нет, — упрямо качнул головой Гутер, — всё равно за кино будущее.

Рейнхардт усмехнулся.

— Йохан, тебе весной сколько было?

— Тридцать два.

— Отличный возраст для творца, а тебе Фридрих?

— Двадцать шесть, тоже весной.

— Великолепно. А мне уже сорок, так что вам, молодым, и карты в руки. Мария, вам с нами скучно?

— Что вы, Макс, кино и меня завораживает.

— Макс, — вмешался Гутер, — Мария уже три года мечтает о кино, её сам Генрих Манн на это дело благословил, а она сидит и ничего не предпринимает!

— Янис! — возмутилась Мария. — Зачем ты об этом говоришь?!

— Как зачем?! Ты создана для кино!

— Действительно, — Рейнхардт повернулся к Лейко. — Мария, в чём дело? Я своим артистам препятствий не чиню, сам кино люблю. И почему я не знаю про благословение Генриха?

Мария смущённо махнула рукой.

— Да какое там благословение! Манн устроил нам с Янисом экскурсию у Оскара Местера.

— Да? И что?

— Было интересно, — тихо ответила Мария.

— Макс, — включился опять Гутер, — он сделал кинопробы Марии и сказал, что две Хенни Портен — это чересчур.

— Так и сказал?! — Рейнхардт усмехнулся. — Старый ворчун.

— С тех пор я дал себе слово, что я сам сниму Марию и докажу всем, что она великая актриса!

— Правильно, Йохан! Давайте за это выпьем. Фридрих, обнови нам бокалы.

Мурнау привстал и принялся подливать вино. Рейнхардт, держа в руке папиросу, вдруг задумался.

— Макс! — окликнул его Мурнау.

Рейнхардт виновато улыбнулся и потянулся к бокалу.
— Вот что, Мария, — заявил вдруг Рейнхардт, поставив бокал на стол, — вы поедете со мной в Зальцбург!

— Зачем? — спросил Гутер

— 15 августа я буду делать постановку средневековой мистерии. Представляете, прямо на площади, посреди толпы людей!

— Ой, как интересно, Макс, но что я буду там делать?

— А, неважно, — махнул рукой Рейнхардт. — Будете помогать в подготовке спектакля, контролировать репетиции, да мало ли всяких дел! А потом сыграете нимфу с крыльями. Сыграете? — Мария вопросительно посмотрела на Гутера, а тот в свою очередь на Рейнхардта. — Йохан, надеюсь, ты не собираешься ревновать? — усмехнулся тот.

Гутер обречённо вздохнул.

— А разве для тебя это имеет значение? — все дружно засмеялись. Гутер повернулся к Марии и, наклонившись, поцеловал её руку. — Дорогая, я дам тебе в дорогу пистолет, стреляй не раздумывая.

— В светило европейского театра?! — деланно возмутилась Лейко, выдернула руку и, мило улыбаясь, повернулась к Рейнхардту. — Макс, не волнуйтесь, я не буду брать пистолет.

Все опять дружно засмеялись.

28 июня 1914 года наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд с супругой Софией прибыли с визитом в город Сараево — столицу автономной провинции Босния и Герцеговина. С железнодорожного вокзала они отправились на нескольких автомобилях в ратушу, и в пути на них сделали покушение — террористы кинули гранату. Шофёр одной из машин погиб, несколько человек были ранены, но Фердинанд не отменил свою речь в ратуше. После мероприятия в ратуше эрцгерцог направился в больницу, проведать раненых в покушении. Машина с высокими особами поехала по улицам Сараево, сбилась с маршрута, шофер начал разворачиваться. Надо же было так случиться, что Гаврило Принцип — один из шести террористов, которые к тому времени уже разбрелись в разные стороны, — именно в это время и именно на этой улочке покупал в местном магазинчике бутерброд. Он заметил эрцгерцога с супругой, подбежал к ним и принялся стрелять в них из револьвера.

23 июля 1914 года Австро-Венгрия обвинила королевское сербское правительство в прямой причастности к организации покушения. Сербии был предъявлен так называемый Июльский ультиматум с обязательным ответом в течение 48 часов. Из десяти пунктов ультиматума Сербия согласилась со всеми, кроме пункта пятого, который означал фактическую оккупацию.

Европейские страны, пугая друг друга, дружно начали мобилизацию, дух войны витал в воздухе, дружина взаимного недоверия, заведенная до упора, готова была распрямиться и начать кровавую жатву.

28 июля Австро-Венгерская империя объявила войну Сербии.

1 августа Германия объявила войну России, 3 августа — Франции, 4 августа германские войска вошли в Бельгию. В тот же день Англия объявила войну Германии.

1 августа германский император и король Пруссии Вильгельм II подписал указ о всеобщей воинской повинности, о чём сообщили все вечерние газеты. В тот же день Вильгельм II выступил с балкона Берлинского городского дворца — своей резиденции на острове Шпрееинзель в центре Берлина — и сказал крылатую фразу: «Я не признаю больше никаких партий, для меня теперь существуют только немцы». Эти же слова он повторит 4 августа в рейхстаге и их напечатают все газеты. Волна патриотического воодушевления захлестнёт Германию и потопит антивоенные настроения. В августе на военную службу будут мобилизованы свыше 4 миллионов немцев и призвано около 200 тысяч добровольцев.

4 августа 1914 года Мария Лейко спала в маленькой уютной гостинице столицы Герцогства Зальцбург на северо-западной границе Австро-Венгрии. Сквозь лениво колышущиеся занавески в открытое окошко с высокой скалы вместе с утренним солнышком на спящую женщину задумчиво и серьёзно смотрел монументальный замок Хоэнзальцбург. Женщине снилась Нора, её милая доченька, её золотко, и оттого она счастливо улыбалась.

В дверь постучали, Мария досадливо поморщилась, но не проснулась. Стук повторился, настойчиво, набирая громкость, Лейко открыла сонные глаза и недоуменно посмотрела на дверь.

— Кто там?

— Мадам, это портье, я послан к вам со срочным делом.

— О, боже! — Лейко сладко потянулась, продолжая безотчётно улыбаться, взгляд упал на старинные часы на комод, они показывали около семи. Улыбка сбежала с её лица. Она вскочила, накинула халат и подбежала к двери. — Послушайте, какое может быть дело в семь утра?!

— Простите, мадам, но это очень важно, меня прислала полиция.

— Полиция?! Господи, я-то им зачем? — Мария щёлкнула замком.

В дверях стоял портёе гостиницы в униформе, он поклонился.

— Доброе утро, мадам.

— Ничего себе, доброе! Вы не шутите?

— Что вы, мадам, австрийцы с властями не шутят, вас действительно ожидают два господина из полиции.

— Невероятно! — Мария недоумённо пожала плечами. — Ну, хорошо, передайте им, что я буду готова через час.

— Это невозможно, они сказали мне, что если вы не явитесь через пятнадцать минут, они пришлют за вами конвой.

— Конвой? — Лейко потрясла головой. — Ничего не понимаю, я что, арестована?

— Не могу знать, мадам, но они настроены решительно.

— Что ж, тогда я спущусь сразу, как только оденусь.

— Я передам, — портёе поклонился и собрался уходить, но Лейко его остановила.

— Погодите минутку.

Портёе остановился, а Мария отбежала вглубь комнаты, схватила кошелек с туалетного столика и так же быстро вернулась, вытащив на ходу купюру. Она протянула её портёе, тот сладким взором посмотрел на деньги, но руки спрятал за спину.

— Возьмите! — приказала Мария.

— Не смею, мадам, по чести сказать, не за что.

— А вы окажите мне услугу.

— С великой готовностью, — поклонился портёе и плавным движением забрал чашевые. — Что вам будет угодно мне поручить? Надеюсь, это не противозаконная просьба?

— Что вы, — улыбнулась Лейко, — я прошу всего лишь сообщить обо всём господину Рейнхардту.

— О, непременно, — кивнул портёе и добавил, — как только он появится.

— Он ещё не пришёл?!

Портёе развёл руками, а она бросилась одеваться, на ходу раздумывая, в чём провинилась перед Австрией?

Один из полицейских стоял у выхода из отеля, второй, словно столб, стоял в холле и внимательно смотрел на лестницу. Лейко спускалась по этой лестнице медленно и вальяжно, полностью игнорируя присутствие стражей закона. Полицейский в холле смотрел на неё, но не шелохнулся, видимо, не признав преступницей. «Интересно, — подумала Мария, проходя вплотную от него, — для чего он так пристально сторожит лестницу, если не знает меня в лицо? Может быть, мне уйти?» — спросила она себя, видя, что страж закона у выхода стоит с закрытыми глазами. Но это была безрассудная мысль, и она, описав по холлу круг, вернулась к полицейскому.

— Вы меня ждёте? — спросила она.

— Мадам Лейко? — перевёл на неё усталый взгляд бессонных глаз полицейский.

— Да, а в чём дело?

— Прошу паспорт и разрешение на въезд, — сухо потребовал он, игнорируя вопрос.

Мария протянула документы, полицейский мельком просмотрел их и положил в папку. В полицейский участок Лейко доставили в обычном экипаже, причём оба полицейских откровенно спали, опершись о свои сабли. Марии даже их стало жалко, она поняла, что стражи порядка работали всю ночь. В полицейском участке её провели в комнату для допроса. Лейко огляделась: небольшое серое помещение, на окне решётка, два стола, за одним чин полиции, за другим — малый чин, готовый к ведению протокола допроса. Чин кивнул на стул перед своим столом.

— Прошу садиться, мадам.

Лейко села, а чин передал её документы подчинённому, тот тут же заскрипел пером, внося данные на лист бумаги. Чин выжидательно посмотрел на Марию, словно предлагая высказаться, но она молчала, не отводя прямого взгляда. Чин кашлянул.

— Итак, мадам, вас зовут Мария Лейко?

— Да.

— Вы российская подданная?

— Да, а в чём дело?

— Хм, — озадаченно хмыкнул чин. — Вы ничего не знаете?

— О чём? — удивилась Мария.

— Мадам, вот уже три дня как наша империя находится в состоянии войны с Российской империей.

— Войны?!

— Неужели вы не в курсе?

— Нет, последние дни я была полностью загружена подготовкой мистерии.

— Той, что на площади? Должен вас огорчить, празднество отменили.

— Как?! Но это ужасно!

— Не до праздников теперь, мадам, — он посмотрел на своего подчинённого. — Предписание готово?

— Так точно! — угодливо заулыбался малый чин и протянул заполненный бланк и документы Марии.

Чин взял, прочитал, вздохнул.

— Мадам, согласно законам военного времени, я обязан вас задержать.

— Но я не русская! Я латышка! Я актриса берлинского Немецкого театра!

Чин удивлённо вскинул брови.

— И вы проживаете в Берлине постоянно?

— Да! И моя дочь, между прочим, родилась в Вене и имеет австрийское подданство!

Чин застыл в ступоре, такое сложное сплетение обстоятельств застало его врасплох. Его мучительные размышления отразились морщинами на лбу, впрочем, ненадолго. В комнату допросов бесцеремонно ворвался Рейнхардт и с порога чуть ли не набросился на полицейского.

— Господин полицейский, немедленно отдайте мне мою актрису!

Чин вскочил. На его лице боролись смешанные чувства, с одной стороны, наглая выходка со стороны гражданского лица, с другой стороны, вдруг он важная птица? Чин начал разведку боем.

— Господин?..

— Я Макс Рейнхардт, прибыл сюда по личному приглашению вашего герцога! Я буду на вас жаловаться лично ему!

Чин вытянулся во фронт.

— Простите, господин Рейнхардт, это меняет дело. Прошу вас, мадам, вы свободны.

Мария со вздохом облегчения встала, Чин с лёгким поклоном передал ей паспорт, разрешение на въезд и кивнул писчему, тот понимающе кивнул в ответ и демонстративно порвал протокол.

— Всего хорошего, мадам.

— Спасибо.

Чин облегчённо вздохнул, когда дверь за Марией затворилась, морщины на его лбу разгладились.

Марии очень повезло. По всей территории Австро-Венгрии интернировали поданных российской короны и массово арестовывали собственное население, известное как русины. Сначала арестованными заполняли полицейские участки и тюрьмы, а с сентября отправляли их в специальные лагеря, которые скоро прославились жестоким режимом и бесчеловечными условиями. В лагерях очень плохо кормили, не лечили, подвергали унижениям, экзекуциям и казням. За три года в лагерях умертвили или уморили более семидесяти тысяч русских и русинов. Сегодня просвещённая Европа про это вспоминать не любит.

В тот же день Мария и Рейнхардт отбыли на вокзал. Они ехали в закрытом экипаже, мрачный Рейнхардт, откинувшись в глубину, нервно курил, стряхивая пепел через открытое окно, а Лейко неотрывно смотрела на улицы Зальцбурга и повторяла, словно молитву: «Боже мой, война! Боже мой!» Мирный город переменялся: исчезли праздные прохожие со счастливыми лицами, вместо них по тротуарам торопились люди с чемоданами и узлами, откуда ни возьмись, появилось множество военнотружеников, они стояли у домов, вдоль заборов, некоторые прощались с плачущими родными.

— Макс, посмотрите, сколько солдат!

Рейнхардт выглянул в окно.

— Это мобилизованные.

— Они все пойдут на войну?!

— Куда же ещё? — Рейнхардт злым щелчком выкинул окурочек. — Нет ничего глупее войны!

— Да, верно! — Мария повернула к нему заплаканное лицо. — Зачем, зачем убивать друг друга?! Посмотрите, Макс, они все ещё живы!

— Вижу.

Экипаж проехал мимо шагающего отряда новобранцев, они были без оружия, но

в новой солдатской форме, которая смотрелась на них чужеродно, не успев слиться со своими носителями. У большинства лица были весёлые, они смеялись, махали проезжающим экипажам, Лейко оглянулась на Рейнхардта, её глаза были полны недоумения.

— Макс, они смеются!

— Да, Мари, и это удивительно, ведь они идут за смертью, своей или чужой.

У здания вокзала они увидели толпы мужчин в штатском, среди которых прохаживались двое военных, один с блокнотом, второй с полевой сумкой. Они подходили то к одному, то к другому мобилизованному, что-то спрашивали, делая записи в блокноте, и те безропотно отвечали, обречённо кивая головами.

— Этих тоже на войну, — прошептала горестно Мария.

— Ничего, эта вселенская мистерия когда-нибудь закончится, и тогда мы назло всему поставим здесь свою мистерию! Попомни мои слова, Мария.

На следующее утро Мария ворвалась в свою квартиру и чуть ли не с порога принялась обнимать и целовать свою полусонную дочку. Гутер, заросший щетиной, стоял в дверях и нервно улыбался, что-то неслышно шепча.

— Янис, — прошептала Мария, глядя на Гутера заплаканными глазами, — что же теперь будет?

— Трудные времена наступают, Мими, — хрипло отозвался Гутер.

— Меня чуть в лагерь не отправили!

— Куда?! — испуганно переспросил Гутер.

— В лагерь интернированных, мне сказали, что я русская. Как же теперь быть?

— Не волнуйся Мими, я вчера ходил в управу, мы по цензу осёдлости не подлежим аресту. Я написал заявление на нас троих на получение немецкого гражданства. Меня заверили, что вопрос будет решён быстро, тебе только надо сегодня сходить в управу, заверить заявление.

— Хорошо, — Мими аккуратно уложила Нору обратно в кроватку, та отвернулась к стене, подложив под щёку ладошку.

В комнату из-за плеча заглянула Урсула.

— Слава господи, приехала, мы тут извелись все, — скрипуче проворчала она и скрылась на кухне.

Лейко и Гутер переглянулись и приглушённо засмеялись.

В сентябре германские войска вышли на берег реки Марн, до Парижа оставалось 70 километров. Народ ликовал, ожидая нового триумфа над Францией, шумными победными реляциями звенели оркестры и бравурные передовицы в газетах. Робкие и редкие выступления, осуждающие войну, призывающие «опомниться и обратиться к миру», тонули в этом иступленном военном патриотизме. Но скоро наступило отрезвление. Поспешное наступление с катастрофическим отставанием тылов не позволило закрепиться на этих позициях. Уставшие немцы четыре дня бились с храбрыми французами и в итоге были вынуждены отступить на 80 километров назад. Блицкриг был сорван, Париж спасен, а французы назвали это «чудом на Марне». Фронт стабилизировался, окопался. К концу сентября стало ясно: молниеносной победы не будет.

В сентябре Гутер остался без работы. Рейнхардт виновато развёл руками и сказал, что как только Йохан получит гражданство, контракт на постановку спектаклей на сценах Немецкого театра можно будет возобновить. Макс благородно предложил Гутеру небольшую подработку в виде «малых ролей», но тот отказался под предлогом нежелания принести неприятности другу, а по сути, из-за гордости. Лейко утешала удручённого Гутера, а тот клялся, что всё равно найдёт возможность кормить семью, а не сидеть у неё на шее. Оба не стали обсуждать скользкий вопрос, почему Рейнхардт не уволил Марию, хотя у неё тоже был только вид на жительство.

Скоро Гутер нашёл нишу, в которой смог достичь успеха: он бегал по кинокомпаниям и предлагал писать сценарии под заказ. Особенно ему удавались детективные истории, за два месяца он закончил несколько сценариев, успех окрылил его. Вечерами он упоённо рассказывал Марии, как скоро откроет собственную кинокомпанию. Однажды Лейко предложила ему деньги на это предприятие, у неё оставались некоторые средства от наследства отца и продажи рижской квартиры, но Гутер, поразмыслив, отказался. Он сказал, что деньги Марии — это гарантия безбедного существования Норы и он не посмеет ставить благополучие дочери на кон переменной рыночной фортуны.

Поздним ноябрьским вечером Лейко вернулась после спектакля, дверь открыла Урсула. Она укоризненно оглядела хозяйку с ног до головы, взяла у неё из рук охапку цветов.

— Опять куча растительности на мою голову, — проворчала она.
 — Не ворчи, Урсула, — устало улыбнулась Мария, — лучше поздоровайся со мной.
 — Доброй ночи, мадам.
 — Доброй ночи? — удивлённо переспросила Лейко, снимая пальто, — а ты не путаешь, ведь ночь ещё не наступила?
 — Так уж недолго осталось! Вы на себя посмотрите, одни тени остались!
 — Неужели? — Лейко заглянула в зеркало. — Да уж, не бутон розы.
 — Опять до изнеможения играли?
 — Не ворчи, Урсула. Как там моя девочка?
 — Нора давно спит, мадам.
 — А что господин Гутер?
 — Весь день как одержимый пишет и пишет, из-за письменного стола не оторвёшь, на силу обедать заставила!
 — Спасибо, Урсула.

Гувернантка неловко кивнула, что означало у неё повседневный поклон, и ушла, а Лейко тихо прошла через гостиную к кабинету. Она открыла дверь и увидела Гутера, яростно строчившего пером по белому листу..

— Милый, — позвала она его вполголоса, — здравствуй, я пришла.

Гутер вскочил, словно из омута вынырнул.

— О, дорогая, здравствуй! — он выбежал из-за стола и поцеловал ей руку. — Как прошёл спектакль?

— Как всегда. Ты знаешь, Янис, я начинаю скучать.

— Я тебя понимаю. Твоё искусство начинает обрастать ремеслом?

Мария устало улыбнулась.

— Как ты хорошо сказал! — она подошла к столу, на котором лежала стопа испитых листов. — Ого! И что ты так увлечённо пишешь?

— Сценарий о знаменитом сыщике Стюарте Уэббсе.

— Подожди, но это же проект Джо Мэя?!

Гутер усмехнулся, зло прищурил глаза.

— У Мэя хозяева студии отобрали и героя, и исполнителя — Эрнста Райхера.

— Какой ужас!

— Ничего ужасного в этом не вижу! — Гутер демонстративно вернулся в кресло и взял в руки ручку. — Теперь, Мими, я делаю сценарии новых приключений Стюарта Уэббса.

— Янис, но это как-то...

— Дурно пахнет? — на лице Гутера вновь мелькнула усмешка. — Плевать, кто победитель, тот и прав! И ещё, теперь я точно знаю, что когда-нибудь буду сам снимать фильмы! Прости, Мими, я ещё поработаю.

Гутер вновь начал писать, а Мария ещё целую минуту смотрела на него. Если бы кто-то видел её со стороны, то легко смог бы прочитать в её взгляде одновременно и удивление, и разочарование и сделать закономерный вывод, что Гутер открылся Марии с неизвестной стороны и эта сторона ей не понравилась. Но сторонних наблюдателей не было, поэтому женщина кротко вздохнула и отправилась в спальню.

Весной 1915 года германские войска успешно теснили российские войска по многим направлениям. В апреле они вошли в Курляндию, в начале мая взяли Либаву, нацелившись оттуда на Ригу.

Латыши восприняли немецкие войска новым нашествием, и тысячи добровольцев хлынули в российскую армию. Именно из них вскоре сформируют особые национальные части, впоследствии известные как «латышские стрелки».

Несмотря на успехи на фронтах, о которых громогласно трубили германские газеты, было ясно, что разбить царскую армию невозможно, так как она обладала неисчерпаемым людским ресурсом. Единственным возможным выходом была возможность «испортить» этот ресурс. Поэтому немецкий генеральный штаб принял проект международного авантюриста Александра Парвуса по резкой активизации революционной деятельности внутри России и выделил на это солидные суммы. Они решили ударить империю в её сердце — в самодержавие. Революционеров, живущих в то время в Берлине, резко оставили в покое, перестав отлавливать словно зайцев, более того, выпустили на свободу ранее интернированных. Из неведомых источников у революционеров появились деньги, типографии, оружие, и это в воюющей стране!

Осенним вечером 1915 года к Немецкому театру подъехал крытый экипаж, из него вышел Гутер и принялся неспешно прогуливаться, посматривая на входные двери. Скоро из них появилась Мария, Гутер подбежал к ней и, подставив руку, проводил к экипажу.

Лейко устало откинулась на мягком сидении.

— Дорогая, ты сегодня без цветов?

— Янис, в зале стало меньше мужчин.

— Что, дамы не дарят тебе цветов?

— Дарят, но я их отправляю в госпиталь.

— Немецким солдатам?

— Просто солдатам.

— Ты молодец, Мими, воспринимаешь любого вояку как просто солдата, а я не могу.

— Почему?

— Немецкие войска с весны стоят под Ригой.

Лейко тяжело вздохнула и надолго замолчала, посматривая через окошко на улицы Берлина.

— Ты знаешь, Янис, у меня от этого всего сердце разрывается, ведь я люблю Германию, но моя маленькая несчастная Латвия не заслужила большой войны.

— Войны никто не заслуживает, — усмехнулся Гутер. — А знаешь, почему немцы до сих пор не в Риге? — Мария вопросительно посмотрела на Гутера. — Потому, что несколько батальонов латышских добровольцев сражаются словно львы. Российские генералы считают латышей лучшими воинами в русской армии.

— Янис, откуда ты это знаешь? — с беспокойством в голосе спросила Мария. Гутер не ответил. — Янис, не смей отмалчиваться!

— Мими, ну какая разница?

— Янис, ты опять общался с русскими социал-демократами?!

Гутер поморщился.

— Зря я тебе это сказал, знал ведь, что будешь нервничать.

— Янис, я их боюсь.

— Не усложняй, Мими, ну встретил кое-кого в «Метрополе» случайно и только.

— Ох, Янис, я надеюсь на твоё благоразумие.

— Не волнуйся, Мими, я уже наигрался в революцию.

— Кстати, а почему они не в лагерях для интернированных лиц?

— Сам удивляюсь, — Гутер пожал плечами. — Они свободно живут в Берлине, встречаются, печатают газеты и прокламации. По-моему, германское правительство их прикрывает.

— Фу, как нехорошо.

— Ну, мы с тобой недалеко ушли.

— Неправда! Не надо так думать, а то станешь циником.

— А что, это хорошая идея, — Гутер улыбнулся и поцеловал Марию руку.

Тем же днём, несколько ранее до этого в кафе «Метрополь» за одним из столиков Яков Петерс пил кофе, а рядом с ним на краешке стула сидел Гутер. Он выглядел напряжённым и нервно перебирал пальцами.

— Не надо нервничать, Йоханес, — звучал ровный голос Петерса, — не хочешь, и не надо. Революция выбирает тех, кому она может довериться, и, видимо, теперь ты не из их числа.

— Яков, я бы не хотел расставаться так вот... — Гутер замаялся.

— Как? — усмехнулся Петерс.

— Так, чтобы ты и товарищи презирали меня. Я хочу, чтобы ты понял — я человек искусства, мой мир — это кино и театр, я не могу...

— Хорошо, я тебе даю слово, что не испытываю презрения, — Петерс посмотрел на часы. — Извини, Йоханес, у меня дела.

— Спасибо, — Гутер встал со стула. — Прощай, Яков.

— Прощай, Йоханес.

Гутер выбежал из зала. Петерс, выждав полминуты, тоже встал и пошёл следом. Встав возле двери в туалетную комнату, он в зеркало наблюдал, как Гутер торопливо оделся и выскочил на улицу. Петерс подошёл к окну холла и успел увидеть бредущую прочь понурюю фигуру бывшего соратника с развевающимися полами не застёгнутого пальто. Петерс достал часы и вернулся к своему столику. Не успел он расположиться в кресле, как рядом прозвучал мелодичный женский голос.

— Вы позволите присесть?

Возле столика стояла худенькая миловидная женщина с копной рыжих волос. Петерс вскочил.

— О, Луиза, извините, не заметил, — Петерс помог девушке присесть.

— Немудрено, вы глаз не сводили с того молодого человека. Кто это, если не секрет?

— Это, Луиза, тот самый невероятный случай, когда в Берлине можно вдруг встре-

тить старого знакомого из Риги.

— Хорошо, что он не тот... — она многозначительно замолчала.

— Что, — усмехнулся Петерс, — не понравился?

Луиза сморщила личико и покачала головой.

— Нет, маленький, полненький, глазки бегают.

— Ну, не надо быть такой несправедливой, ведь это сейчас в Берлине заметная фигура среди театралов: режиссёр, сценарист. Я давно его имя в газетах замечаю.

— Ну и пусть, — Луиза махнула ручкой, — сердцу не прикажешь.

— Вы привередливы, Луиза, — усмехнулся Петерс.

— Ещё бы, не каждый день замуж выхожу. Кстати, где жених?

В этот момент в зал вошёл Ян Тилтс и направился в их сторону.

— Вон он, — кивнул Петерс.

— О-о, этот годится, — плотоядно облизнулась Луиза.

Тилтс подошёл к столику и склонил голову в поклоне.

— Здравствуйте, господа.

— Здравствуй, Ян, — кивнул Петерс. — Луиза, это наш долгожданный друг Ян Тилтс, — Луиза так откровенно рассматривала Тилтса, что тот смутился, и это вызвало у неё довольную улыбку. Петерс, заметив эту сценку, усмехнулся. — Ян, позволь тебе представить, — Петерс галантно повёл рукой в сторону женщины, — Луиза Жуль.

Молодая женщина кивнула и протянула руку в перчатке.

— Очень приятно, — Ян наклонился, изобразил поцелуй и сел за столик.

— Ну, вот и отлично, — констатировал Петерс, — а теперь, товарищи, перейдём сразу к делу, время не терпит. Ян, как твоё задание?

— Плохо. Война спутала все карты, в когда-то свободной Франции теперь всеобщая патриотическая истерика и шпиономания. Совершенно невозможно работать. Я с трудом перебрался в Германию окольными путями.

— Ну, и как впечатления от Германии? — усмехнулся Петерс.

— Удивительные! Твоя справка с тремя печатями действует как охранный грамота!

Как такое возможно, Яков?

— Это неправильный вопрос, Ян, — строго сказал Петерс. — Из тех, которые не требуют ответа. Помнишь?

— Да, — кивнул Тилтс.

— Кстати, не забудь эту справочку вовремя сжечь! — ответить Тилтс не успел, в зале появился официант с кофе и пирожными и направился в их сторону, все умолкли. — Ян, а ты возмужал, — сказал Петерс, когда официант удалился. Тилтс смущённо пожал плечами. — Луиза, — спросил Петерс, — как тебе наш Ян?

— Солидный, — улыбнулась женщина, пододвигая к себе чашку.

Тилтс, задумавшись, на шутку Луизы не отреагировал, и она обиженно поджала губки.

— Яков! — спросил вдруг Тилтс. — Как же люди могли допустить эту мировую бойню?!

— Это не люди, Ян, а оскал империалистического зверя. Мы, большевики, считаем, что эта, как ты сказал, мировая бойня даёт возможность политической победы социализма в одной из воюющих стран.

Тилтс недоуменно посмотрел на Петерса.

— Что, Ян, цинично? — ядовито усмехнулась Луиза.

— Луиза! — строго посмотрел на женщину Петерс. — Революция — это не цинизм, а победа любой ценой!

— Разве есть разница? — недоумённо спросил Тилтс.

— Конечно. Циник — это эгоист, а революционер — бескорыстный борец за интересы миллионов трудящихся. Улавливаете разницу?! — Петерс посмотрел на часы. — Короче, Ян, во Франции всё сворачиваешь и переезжаешь в США.

— Куда?!

— В Америку. Там сейчас главные деньги, вот и добудь их для революции.

— Но легализация...

— Никаких «но», вот тебе жена. Она гражданка США. Оформляйте брак, и вперёд, а я возвращаюсь в Лондон.

— Здравствуй, милый, — ехидно улыбнулась Луиза.

— Что ж, — Тилтс развёл руками, — здравствуй, дорогая.

Прошло несколько дней. После очередного спектакля Мария перед зеркалом стирала с лица грим. В дверь постучали, Лейко вздохнула и отложила кусочек ваты в сторону.

— Войдите.

Дверь открылась, вошёл Тилтс с огромным букетом.

— Мария, здравствуй, — дрожащим от волнения голосом сказал он. Мария встала, присмотрелась.

— Боже мой! — она приложила руки к груди. — Ян, неужели это ты?!

— Я, Мария, — Тилтс протянул ей букет. — Это тебе, моя королева.

— Ах ты, мой милый рыцарь, — улыбнулась Мария, принимая букет и любуясь цветами. — Какой чудесный букет! Иди сюда, — Тилтс приблизился и получил от Марии поцелует в щёку. Ян застыл, словно его заморозили, а Лейко вновь принялась разглядывать букет. — Да уж, давно такого не видела, даже не знала, что в Берлине ещё делают такое.

— Мария, деньги всегда исполняют желания.

— Только не все.

— Да, — кивнул Тилтс, — не все.

— Ох, Ян, как ты возмужал! Настоящий успешный мужчина! Я так рада тебя видеть! — Мария отложила в сторону букет. — Ян, подай мне пальто, мы срочно отправляемся ко мне домой! И Янис будет рад.

— Сомневаюсь, — грустно усмехнулся Тилтс. — Кроме того, Мария, я спешу, про- сти.

— Ты опять уезжаешь далеко и надолго?

— Да, и поэтому хочу сделать тебе подарок.

— Книгу? — Лейко улыбнулась. — Ту, про революционеров, я читала и плакала.

— Нет, не книгу, — он вынул из внутреннего кармана коробочку, открыл. В свете лампочки многоцветно сверкнуло бриллиантовое кольцо. Мария ахнула и шагнула назад. — Мария, прошу тебя! — он встал на одно колено и протянул ей коробочку. Мария после некоторого замешательства взяла кольцо и, повернувшись к зеркалу, приложила его к груди. Сзади подошёл Тилтс. — Ты так красива! — Мария молчала. Она видела в зеркале, как Тилтс медленно приблизился губами к её шее, но не отстранилась. Он нежно дотронулся губами до её кожи. — Господи, как же я тебя люблю!

Мария повернулась и погладила его по щеке, Тилтс закрыл глаза.

— Бедный мой Ланселот, когда же я тебя увижу вновь?

Тилтс поймал руку и впился в неё поцелуем. Мария ласково улыбалась.

— Я приду, когда Йохан уйдёт из твоего сердца, Мария.

— А если не уйдёт?

— Тогда, — Тилтс глубоко вздохнул и обречённо покачал головой. — Тогда я навсегда останусь бедным Ланселотом.

Лейко вновь погладила его по щеке.

— Ян, проводи меня до экипажа.

Мария приехала домой грустная и счастливая одновременно, нежная привязанность Яна была такой целомудренной, что была достойна пера поэта. В квартире она первым делом остановилась у большого зеркала в спальне, любуясь на подарок. Сзади послышались шаги Гутера.

— Добрый вечер, дорогая, — Лейко молчала, словно замороженная сверкающими бриллиантами. — Что молчим? — он подошёл ближе. — Ого! Откуда такая роскошь?

— Тилтс сегодня после спектакля заходил.

— Понятно. Он всё ещё влюблён в тебя?

— А ты как думаешь?

— А я о нём не думаю.

— Правильно, ты обо мне думай. И о Норе.

Гутер приблизился вплотную, обнял Марию и поцеловал в шею, в то же место, что целовал Тилтс. Мария закрыла глаза и откинула в неге голову на плечо Гутера, его поцелуи стали страстными.

К началу войны кино в Германии было невероятно популярным, в стране насчитывалось около 2000 кинотеатров. Военные ведомства Германии быстро оценили силу идеологического воздействия на население и категорически потребовали от деятелей массовой культуры героизации немецкого солдата, подкрепив свои требования мощными финансовыми потоками, что вызвало бум кинопромышленности, новые кинокомпании стали расти как грибы.

Йоханес Гутер яростно искал здесь своё место.

Теперь Гутер уходил из дома рано утром. Он обходил крупнейшие киностудии, выбивая гонорары за исполненные сценарные заказы и ища новые, но главной его целью был проект новой студии.

В гостиную, где Гутер пил кофе и просматривал газеты, вошла Мария.

— Мими, что так рано?

— Доброе утро, дорогой.

— Ой, прости, — Гутер поднял горящие глаза на Марию, — здравствуй, милая.

— Янис, ты несколько растерян.

— Верно, и есть отчего! — Гутер вскочил из-за стола. — Понимаешь, Мими, теперь, когда победные марши больше не актуальны, пришло моё время!

Мария укоризненно покачала головой и приложила палец к губам. Гутер всплеснул руками, опустился на стул и поманил Лейко к себе. Она подошла, села напротив.

— Мими! — заговорил Гутер возбуждённым полушёпотом. — Уже газеты пишут, что кинотеатры катастрофически пустеют! Народу до икоты надоела военная пропаганда, теперь он хочет зрелищ и сказок. И я дам ему их!

— Неужто нашёл финансирование для киностудии?

— Кажется, да, но боюсь сглазить, — Гутер поцеловал руку Марии. — Мне пора.

— Янис, ты стал таким нервным? Посмотри на себя: похудел, глаза горят.

— Пустяки, Мими, лучше пожелай мне удачи!

— Желаю, Янис, — улыбнулась Мария.

— Зря улыбаешься, дорогая, ты ещё будешь моей прямой!

— Ох, Янис, ты действительно в это веришь?

— Ты же сказала мне когда-то: «Верь мне», — вот я и верю.

Гутер встал.

— Вообще-то, дорогой, — сказала Лейко, смотря на него снизу вверх, — тогда я имела в виду кое-что другое

— Да? — внезапно холодно и отстранённо посмотрел на неё Гутер. — Прости, милая, но мне действительно некогда.

Он быстро вышел из комнаты, а Мария ещё долго задумчиво смотрела ему вслед.

В гостиную из кухни заглянула Урсула

— Можно?

— Заходи, Урсула.

— Я насчет продуктов.

— Насчет чего? — непонимающе посмотрела на гувернантку Лейко.

— Так ведь проблемы с едой, мадам. Как ввели талоны, так такие очереди в магазинах, ужас! По два-три часа стоять надо, а дочка ваша под присмотром должна быть.

— Ах, ты об этом? — улыбнулась Мария. — Не волнуйся, Урсула, я внесла тебя в список, ты будешь отоваривать талоны в магазине при театре.

— Ох, хорошо как! — гувернантка заулыбалась и встала. — Так я сейчас и схожу?

— Да-да, я с Норой пока побуду. И ты не волнуйся, мы голодать не будем, мой банк в Дании предложил присылать мне вместо процентов по вкладу продукты: консервы, чай, кофе, крупы. Я согласилась.

— О, великий боже! Это ж просто чудо!

Гувернантка, что-то радостно бормоча себе под нос, поспешила из гостиной, а Мария вновь перевела отстранённый взгляд на дверь прихожей, за которой скрылся Гутер.

Гутер нервничал и посматривал на часы. Это дома он хорохорился и демонстрировал оптимизм, а здесь, в очередной приёмной очередного босса от киноиндустрии, он почти кожей ощущал собственную ничтожность и беспомощность. Да, за ним были удачные сценарии, несколько громких театральных постановок, о которых мало кто помнил, кое-какие связи среди ведущих театральных деятелей Германии, но времена изменились, теперь и великие думают о собственном выживании. Гутер старался как можно реже поминать, что он латыш, и перестал разубеждать, когда его называли прибалтийским немцем, порою он и сам переставал понимать, кем он был и кем он стал.

Дверь приёмной отворилась, и вошла высокая гибкая жгучая брюнетка с ярко-красными пухлыми губками, Гутер невольно вскочил, пораженный её ослепительной красотой. Брюнетка свысока оглядела немногочисленную публику, остановилась на Гутере и вдруг направилась прямо к нему.

— Скажите, почему вы встали при моём появлении? — напористо спросила она, едва приблизившись.

— Потому, что вы появились, — парировал Гутер.

— Этого достаточно, вы считаете? — спросила женщина, склонив головку набок.

— Для меня — более чем.

Брюнетка протянула руку.

— Мирдза Шмитцен.

— Очень приятно, — Гутер склонился над её рукой в поцелуе. — Йохан Гутер, к вашим услугам.

— О, это вы работали в театре Макса Рейнхардта?!

— Да, имел честь.

— А что здесь? — Мирдза показала взглядом на папку в левой руке Гутера.

— Проект новой киностудии.

— Да? Очень интересно. Давайте!

— Что? — не понял Гутер.

— Никуда не уходите, Йохан, — Мирдза выдернула у него из-под руки папку и, не оглядываясь, пересекла приёмную.

Все присутствующие зачарованно смотрели, как она плывёт по помещению, как открывает дверь босса, как пускает короткую улыбку Гутеру и как исчезает в заветном кабинете. После этого любопытные взгляды переместились на Гутера, он, несколько смущённый подобным вниманием, опустился на диван. Неожиданно рядом с ним возникла до этого неприступная секретарша. Йоханес удивлённо посмотрел на неё и встал.

— Господин Гутер?

— Да.

— Налить вам кофе?

— Мне? Да, спасибо, — кивнул Гутер и, понизив голос, спросил: — Простите, а кто была эта женщина?

Секретарша ядовито улыбнулась:

— Мирдза — дочка хозяина.

В это время зазвонил телефон, секретарша поспешила к своему столу, а Гутер без сил опустился на диван.

В феврале 1916 года началось неудавшееся наступление немецких войск под Верденом. Два месяца в боевые действия с обеих сторон бросались всё новые и новые части, и в конце лета немцы перешли к обороне, а в октябре французские войска выбили их на старые позиции. В «верденской мясорубке» погибло 600 тысяч немцев и 350 тысяч французов.

Военные неудачи Германии усугубились неурожаем картофеля. В Берлине и других городах то и дело вспыхивали голодные бунты, люди от отчаянья и безысходности громили магазины, а потом их отлавливали полицейские и многих отправляли на фронт, приговаривая: «В окопах хорошо кормят».

В феврале 1917 года Мария Лейко была далека от этих и последующих событий, ей хватало и своей личной трагедии: Гутер уходил от неё. Он предал любовь, прожитые вместе годы и вот теперь стоял в прихожей квартиры с чемоданом у ног и смущённо мял в руках шляпу. Мария смотрела на него спокойно, почти буднично, ничем не выказывая горящий огонь обиды в душе.

— Мими, — спросил Гутер, не поднимая глаз, — я могу приходить к дочери?

— Конечно, Йохан, — ответила Мария ровным голосом.

Гутер поднял на неё глаза:

— Странно слышать из твоих уст — Йохан.

— Но ведь это твоё имя?

— Да, но я привык слышать Янис.

— Всё в жизни не вечно, и наши имена тоже, Мими и Янис остаются в прошлом.

Это ведь справедливо, Йохан?

— Да, — кивнул Гутер и надел шляпу, — всё верно... Мария, — он взял в руку чемодан, грустно посмотрел на бывшую теперь подругу жизни. — Мария, ты будешь сниматься в моих фильмах?

— А как же Мирдза?

Гутер помотал головой.

— Мирдза тебе не чета, в ней нет твоей экспрессии и пластики.

— А что в ней есть: молодость, богатый и влиятельный папа?

Гутер ответил не сразу, он словно что-то рассматривал внутри себя.

— Да, — кивнул он, — всё это есть, и я... я словно в омут попал, как муха в паутину.

— Хорошо, Йохан, — согласилась Мария, — я буду у тебя сниматься.

Гутер жалобно взглянул на неё и вышел, входная дверь затворилась за ним, мягко щёлкнув замком, стало удивительно тихо, так тихо, что с лестницы были слышны шаги Гутера. Или ей показалось? Лейко, обливаясь слезами, медленно сползла по стене вниз, приговаривая: «Прощай, Янис». Перед её мысленным взором предстал её райский сад, в котором померкло солнце и яростный ветер срывал с ветвей листья.

Прошёл месяц, Урсула открыла дверь перед Максом Рейнхардтом, тот стремительно вошёл, скинул пальто на руки гувернантки.

— Где она?

— Господин Рейнхардт, в гостиной хозяйка, — сбивчиво отозвалась Урсула, не сво-

дя с него жалобного взгляда.

— Урсула, ты вот что, сделай чашку чаю. Сахару побольше положи!

Рейнхардт ворвался в гостиную. Лейко полулежала на диване и смотрела на него странным блуждающим взглядом, было видно, что ей нелегко сфокусироваться. Рейнхардт быстро прошел к дивану и сел на стул, сняв с него пепельницу с окурками. Он хотел уже поставить её на пол, но, пригнувшись, поднёс поближе к носу. Поморщился, качнул головой.

— А вот это совершенно напрасно! — Рейнхардт поставил пепельницу под стул. —

Мария, это не лекарство — это яд.

— Макс, — отозвалась Лейко слабым голосом, — а если мне и нужен яд?

— Чушь! Ты талант, а не брошенная жена.

— Я не была женой.

— Тем более! Всё, собирайся, поедem в Мюнхен.

— Зачем?

— Я тебя отправляю на гастроли в Мюнхенский камерный театр.

— Макс, — Мария сделала попытку приподняться, — ты такой добрый... — она повертела головой. — Чёрт, где же папиросы?!

— Мария!

— Что? — Мария беспомощно улыбнулась, чуть сдвинув голову вбок. — Макс, ты посмотри на меня, какой театр? Я тону... пузыри пускаю... да где же мои папиросы?

Рейнхардт вытащил из-под подушки пачку, понюхал.

— Эти?

— Ой, как хорошо! — Лейко протянула руку.

— Нет! — отрезал Рейнхардт и скомкал руками пачку. — Такое курение отменяется! Ты поедешь в Мюнхен!

— Ты злой, Макс, — бессильно махнула рукой Лейко.

— Очень может быть, Мария, но есть человек добрый и он живёт в Мюнхене.

— Да? И кто же этот добряк?

— Генрих Манн. Я с ним недавно встречался, и он спрашивал о тебе.

— Да?! — Мария вдруг совершенно легко села и поправила волосы. — Когда едем?

Мария не понимала, почему её так встряхнуло имя Генриха Манна, ведь никогда между ними не было ничего, кроме взаимной дружеской симпатии. Даже переписка за последние годы прекратилась. Генрих Манн был известным писателем, Мария была уверена, что он забыл о ней, а вот Рейнхардт сказал, что не забыл. Ей вновь стало легче от этой мысли, она облокотилась на столик и тихо улыбалась, поглядывая на толпу, снующую по перрону. В купе вошел Рейнхардт с кучей газет в руке.

— О, Мария, ты улыбаешься?

— Улыбаюсь? — переспросила Лейко, продолжая смотреть в окно. — А я и не заметила.

— Это хорошо, — Макс сел напротив и рассыпал на диване газеты. — Я попросил принести чай. Будешь чай?

— С удовольствием, — через некоторое время поезд вздрогнул и медленно тронулся, тихо звякнули ложечки в чашках. Рейнхардт оторвался от очередной газеты и посмотрел в окно. — Поехали, — сказала Мария и посмотрела на Рейнхардта. — Макс, никогда не думала, что вы так увлечены прессой. Что пишут?

— Увлечён? — он усмехнулся. — Я просто пытаюсь понять, что происходит на фронтах на самом деле, — Рейнхардт стукнул тыльной стороной ладони по газете. — Вот здесь написано, что германские войска успешно завершили отход на «линию Гинденбурга». Каково это: «успешно»?!

— Вы считаете, что всё хуже?

— Гораздо хуже! — Рейнхардт кивнул на окно. — Смотри, Мария, вон она — правда.

Поезд медленно двигался вдоль маленькой городской станции, перрон которой был сплошь забит ранеными. Люди в грязно-бурых бинтах провожали вагон усталыми глазами.

— Боже мой, — тихо произнесла Лейко. — Какой ужас!

— Это, Мария, — хмуро отозвался Рейнхардт, — конец мистерии.

— Как там моя бедная Латвия? — еле слышно прошептала Мария по-латышски.

Как и рассчитывал Рейнхардт, игра в театре быстро привела Марию Лейко в чувство, впрочем, не без активного участия Генриха Манна. Он окружил женщину нежным вниманием, и его старания не остались безответными. И стоит ли нам осуждать свободную женщину, которую недавно бросил муж? И такой ли уж грех — поддаться обаянию самого Генриха Манна? Их нежную дружбу вряд ли можно было назвать ро-

маном, но страсти в этих отношениях хватало.

Быстро пролетели два месяца, Лейко засобиравалась домой, к своей любимой дочурке. Солнечным июньским утром они стояли возле вагона, Генрих нежно держал руку Марии и время от времени грациозно подносил её к своим губам.

— Генрих, прекрати, а то я заплачу.

— О, Мари, я буду так страстно скучать!

— Я тоже, Генрих.

— Так, может быть, в Мюнхен переедешь? — Манн прижал руку Марии к груди.

— Я уверен, Мюнхенский камерный возьмет тебя в труппу.

— Нет, Генрих, нам не надо долго быть рядом.

— Как ты права! — вздохнул Манн. — Ты мудрая женщина, Мари!

Манн вновь поцеловал руку женщины.

— Генрих, дорогой, наша дружба не мешает тебе быть хорошим семьянином, ведь так?

— Ух! — брови Манна удивленно полезли наверх. — Как замечательно ты сказала, просто чудесно! Какой тонкий разворот, я обязательно...

Манна прервал тройной паровозный гудок.

— Прости, Генрих, — Мария медленно высвободила свою руку, — но мне пора.

— Мари, но почему именно сегодня?! — капризно надул губы Манн.

— Потому, что я соскучилась по дочери и ещё меня ждут первые съёмки в фильме.

— Гутер? — ревниво нахмурился Манн.

Мария с грустной улыбкой погладила Манна по щеке.

— Это всего лишь новая работа, Генрих. Прощай, дорогой друг.

— Почему прощай, Мари?!

— На всякий случай.

Лейко вошла в тамбур вагона, коротко оглянулась и на мгновение исчезла, замелькав потом в окна вагонного коридора. Поезд тронулся. Манн провожал его взглядом, теребя рукой клинышек своей полуседой бородки, потом вдруг дёрнул головой, улыбнулся и достал из пачки папиросу. Пустив колечко дыма вслед последнему вагону, он повернулся и, насвистывая, зашагал к выходу с перрона.

Утром следующего дня Лейко уже сидела на диване в своей квартире с семилетней дочкой Норой на коленях. Они крепко прижались друг к другу. Урсула умиленно смотрела на них, время от времени смахивая слезу. Мария тихо пела по-латышски:

*Спи, усни, мой медвежонок,
Мой косматый, косолапый.
Батяка твой ушел за медом,
Мать пошла лущить овес.
Скоро батяка будет с медом,
Мать — с овсяным кисельком.*

Нора заснула, сладко посапывая носиком, Мария посмотрела на Урсулу, и из её глаз ручьём покатались слезы. Через минуту обе женщины плакали вместе.

Дверь в просторный кабинет Гутера была открыта настежь, оттуда в приёмную медленно выползло облако табачного дыма и доносился голос хозяина кабинета. Мария тихо проскользнула внутрь и села на ближайший стул. На креслах, диванах и стульях сидели человек двадцать мужчин и женщин и настолько внимательно слушали речь Гутера, что Мария невольно восхитилась им.

— Господа, — говорил он убеждённо и строго, — хочу вам напомнить, что все здесь присутствующие обладают рядом льгот, начиная от специальных пайков и заканчивая освобождением от воинской повинности, — по рядам проскочил лёгкий переголосок, Гутер сделал паузу и нахмурился, шёпот прекратился, лишь кое-где защёлкали зажигалки, и к потолку поднялись новые порции дыма. — Я понимаю, господа, что вам это не очень приятно слышать, но я вынужден об этом говорить в тяжёлое для Германии время. Раз уж мы оказались бойцами фронта творческого, то должны относиться к своим обязанностям так же страстно и жертвенно, как настоящие солдаты! Экспрессия нашего фильма должна вызвать катарсис у зрителя, выдернуть его из повседневности и вернуть его к финалу отдохнувшим и наполненным новыми душевными силами. Пусть никто не заблуждается видимым легкомыслием приключенческого сюжета, а почаще вспоминает, что заказ на него сделан государственной кинокомпанией УФА, следовательно, мы занимаемся важным и ответственным делом. Это всё, что я хотел сказать, все свободны, готовьтесь к съёмке.

Народ облегчённо загомнил, задвигал стульями и потянулся к выходу. Гутер под-

писал стопку бумаг, передал их бухгалтеру, и тот торопливо вышел, мельком глянув на оставшуюся сидеть Лейко. Мария поморщилась и красноречиво помахала ладонью, гоня от себя табачный дым.

— Йохан, ты потеряешь здоровье!

— Спасибо за заботу, — усмехнулся он и прикурил очередную папиросу. — Удивлён, что ты забрела на мой брифинг. Что-то случилось?

— Нет, Йохан, всё хорошо. Давно хотела сказать спасибо за то, что пригласил сниматься.

— Я ведь обещал, Мария.

— Да, я помню, — Лейко встала, — но я зашла ещё сказать, что дочка по тебе скучает, ждёт.

— Я приду, очень скоро приду! — Гутер вскочил. — Ты скажи Норе, что у меня сейчас много работы, не хватает времени...

— Прости, Йохан, — прервала его Лейко, — но это я ей уже говорила, теперь я просто скажу, что передала тебе её просьбу, а уж ты сам разбирайся со своим временем.

Лейко развернулась и быстро вышла из кабинета, хлопнув дверью. Гутер сел в кресло и зло кинул ей вслед карандаш. Пока он летел, дверь вновь открылась, и на пороге показалась Мирдза, карандаш подкатился к её ногам. Гутер испуганно вскочил.

— Ого! — воскликнула она и слегка поддела карандаш кончиком туфля. — И как это понимать, милый?

— Прости, дорогая, карандаш просто упал.

— Ну, конечно! — язвительно усмехнулась Мирдза. — Прости, но я невольно слышала ваш разговор и возмущена, как эта не немка смеет так разговаривать!

— Мирдза! — Гутер быстро вышел из-за стола и, подскочив к жене, поцеловал её руку, — ну при чём здесь это? Я же тоже не вполне...

— В тебе, милый, есть немецкая кровь, и ты не должен забывать об этом!

— Мирдза, я и о дочери не должен забывать, согласись.

— Да, не должен, — неожиданно легко согласилась Мирдза, — а теперь собирайся, мы едем обедать с папой.

— Что?! У меня же съёмка!

— Йохан! — строго посмотрела на него жена.

— Да, — послушно кивнул Гутер, сразу как-то сникнув, — дай мне одну минуту.

Огромный съёмочный павильон киностудии залился солнцем, ворвавшимся сквозь многочисленные пыльные квадратные окошки. В ярких лучах пыль медленно поплыла яркими искорками, делая бутафорские скалы внизу сказочными. Чуть в стороне от этого нагромождения фанерных камней стояла кинокамера, возле которой Гутер и несколько человек что-то бурно обсуждали, время от времени прикладываясь к видеокаселю. Из-за скал вышла Мария в полупрозрачной тунике с характерным для немого кино гримом. Гутер заметил Лейко и, махнув на своих собеседников рукой, побежал ей навстречу. Из-за спины Марии показался высокий накачанный актер в греческом шлеме, набедренной повязке и с мечом на боку, заметив спешащего к ним режиссёра, выжидательно остановился.

— Мария, — торопливо заговорил Гутер, — это последний эпизод...

Лейко слушала бывшего мужа отстранённо и думала, что Гутер опять пополнил, залысины появились, причёска не в порядке: кудри во все стороны торчат. Нет, этот человек уже не Янис, он лишь похож на него. Вот и глаза... в них появился странный прищур... ах, из кармана торчит дужка очков, значит, зрение садится...

— Мария, ау! — вернул её к действительности требовательный голос Гутера. — Ты где?!

— Уже здесь, Йохан, извини.

Гутер сердито нахмурился, потом опять махнул рукой.

— Запоминай: ты должна пробежать вот здесь, между камнями, — он показал рукой на дорожку между камнями. — В это время наверху загремит, и ты должна испугаться.

Мария вдруг пригнулась, вскинув вверх свои красивые лебединые руки, и со страхом и мольбой посмотрела навстречу солнечным лучам. Потом она выпрямилась и посмотрела на оторопевшего Гутера.

— Так?

— Великолепно! — очнулся он. — Да, да, это именно то, что нужно. После этого появится Тантал и спасёт тебя, — Гутер в запале хлопнул рослого актера по плечу, и у него на гриме отпечатался след ладони. — Чёрт! — Гутер оглянулся на ассистента, стоящего неподалёку. — Срочно позовите гримёра!

День склонился к закату, когда последние кадры фильма были отсняты, актёров от-

правили в гримёрные смывать гримы и забирать свои вещи, их участие в этом проекте закончилось. Мария сложила свои принадлежности в сумку и зашла в кабинет Гутера. Привычно сев в кресло, закинула ногу на ногу и достала папиросу. Гутер заморожено наблюдал, как она обняла губами папиросу, как чиркнула спичкой и, закуриив, пустила в потолок струйку дыма. Только после этого она перевела на него взгляд. Гутер встрепенулся и бестолково начал перекидывать на столе бумаги. Схватил папиросную коробку, снова бросил. Лейко молчала, её лицо не выражало нетерпения или интереса к его суете, она просто курила. Гутер замер и поднял на неё мрачный взгляд.

— Мария, тебе чек или наличные? — глухо спросил он.

— Наличные.

Гутер кивнул.

— Я так и думал, — он открыл толстую тетрадь с графами, перевернул её в сторону Лейко.

Мария потушила папиросу, вальяжно прошла к столу и выжидательно остановилась. Гутер протянул ей толстый конверт с деньгами, Мария улыбнулась, взяла конверт, опустила его в сумочку, затем грациозно склонилась над тетрадью и поставила роспись в указанной пальцем Гутера строчке.

— Приятно было поработать с тобой, Йохан. До свидания.

— Подожди, — остановил её Гутер. Лейко обернулась. — Как там Нора?

Лейко пожала плечами.

— Зайди, узнай сам. Я тебе не помеха, завтра возвращаюсь в Мюнхен.

— Надолго?

— Ещё на пару месяцев, потом вернусь к Рейнхардту.

— К Максусу? — еле слышно переспросил Гутер. — Да, хорошее было время...

— Йохан, ты что, переутомился? Что за мрачное настроение? У тебя готов первый фильм, празднуй. Я, например, почти счастлива.

Гутер вдруг резко вскочил с кресла, едва не опрокинув его, опёрся костяшками пальцев о столешницу и яростно выдал:

— Это не мой фильм, и студия не моя! Это всё, и даже я сам, принадлежит тестю! И Мирдза, и её папаша цинично используют меня...

Мария подняла руку, Гутер тут же замолчал и бессильно рухнул обратно в кресло.

— Прости, Йохан, — сказала Мария, — но ты — уже не моя боль. Будет работа — сообщу.

Мария развернулась и, не оглядываясь, ушла из кабинета, не замечая направленный в её спину растерянный и злой взгляд Гутера.

В начале октября 1918 года Генрих Манн сопровождал Марию в Берлин. По этому случаю сам Макс Рейнхардт приехал встречать их на Берлинский вокзал. Манн вышел из вагона и, повесив трость на локоть, элегантно подал руку Марии. В этот момент к ним подошёл Рейнхардт, а следом подлетел носильщик и принялся складывать чемоданы на тележку. Рейнхардт поцеловал Лейко в щёку и крепко пожал руку Манну.

— Здравствуйте, друзья мои!

— Макс, — усмехнулся в усы Манн, — ты рискуешь вкусить гнев моей ревности!

— Генрих, прекрати немедленно! — одёрнула его Мария.

— Ну, почему, — улыбнулся Рейнхардт, — Генрих прав, но я готов рискнуть.

— Да ну вас!

— Мари, извини, мы же шутим! — Манн вопросительно взглянул на Рейнхардта, тот с готовностью кивнул.

— Конечно.

— Тогда, старый друг, позволь вручить тебе с рук на руки моё сокровище.

— Генрих! — уже сердито прервала Манна Лейко.

— А что, Мари, — Манн наклонился и поцеловал её руку, — разве ты не свободная женщина?

— Генрих, — тихо сказала Мария, — я тебе сейчас ухо откушу!

Манн ничего не сказал, но так хищно сверкнул глазами, что Лейко смутилась.

— Генрих! — пришёл ей на помощь Рейнхардт. — Ты, как всегда, невыносим. Всё, считай, что я сокровище принял. Ты надолго в Берлин?

— Дня на три. Надо уладить некоторые формальности с издательством.

Лейко вдруг увидела, как их вещи неуклонно отдаляются от них.

— Мужчины, ах, наши вещи уже поехали!

Они принялись догонять носильщика.

— И какие у нас планы? — спросил Рейнхардт на ходу, семена за своими рослыми спутниками.

— Ко мне домой, — ответила Лейко. — Там нас ждёт пир.

— Обожаю пиры и оргии, — хмыкнул Манн.

Они догнали свои вещи на стоянке такси и уже готовились уехать, когда к Марии вдруг подбежала худенькая девушка.

— Простите меня великодушно, — спросила она, — вы Мария Лейко?

— Да, — Мария удивлённо посмотрела на девушку.

— Будьте любезны автограф? — спросила девушка и протянула афишку фильма Гутера «Алмазный клад» с фотографией Лейко.

Мария машинально взяла афишку и растерянно взглянула на Манна, тот широко улыбнулся и достал из внутреннего кармана самописную ручку.

— Мари, прошу, вот инструмент.

Вечером Рейнхардт, Манн и Лейко уютно расположились за накрытым столом в её квартире. Они уже изрядно выпили и закусили и теперь чинно попивали кофе.

— Мария, у тебя чудесный кофе! — восхищался Рейнхардт, причмокивая от удовольствия.

— Это из новогодней посылки из Дании, Макс.

— Всё ещё шлют?!

— Шлют.

— Надо же, — хмуро проговорил Манн, — Германия еле дышит, а датчане её всё ещё кормят.

— Генрих, не надо так мрачно, — Лейко положила ладонь на его руку и улыбнулась в сторону Рейнхардта.

— Да, Генрих, давай сменим тему, — понимающе кивнул он.

Генрих наклонился и поцеловал руку Марии.

— Мари, прости, я пьяный осёл! — Манн взял бутылку и разлил по бокалам вино. — Поговорим о тебе, — Манн поставил бутылку и поднял свой бокал. — Давайте выпьем за Марию Лейко — звезду киноэкрана!

Манн сделал большой глоток и выжидательно посмотрел на остальных.

— Генрих! — покраснела Мария. — Я не буду за это пить!

— А я выпью, — улыбнулся Рейнхардт.

— Молодец, Макс! — кивнул Манн и умоляюще посмотрел на Лейко. — Мари, ну, прошу, сделай глоточек?

— Ну тебя! — засмеялась Мария и пригубила вина.

— Кстати, дорогая, — заговорил Рейнхардт, меняя тему разговора, — твоя девочка становится всё краше.

— Да, верно! — подхватил Манн. — Она будет сногшибательной красавицей!

— Ох, Генрих, — вздохнула Лейко, — я и сама вижу и молюсь, чтобы она не влюбилась в театр.

— Почему же, Мари?

— Потому, Генрих, что он крадет жизнь.

— Глупости! — вступился за театр Рейнхардт. — Театр даёт жизнь!

— Извини, Макс, здесь я с тобой не соглашусь, — возразил Манн. — На собственном опыте знаю, творчество забирает наши жизни, отнимая их у близких.

— Генрих, — грустно улыбнулась Мария, — один ты меня понимаешь.

Рейнхардт вдруг как-то сник и грустно обвёл присутствующих глазами.

— Извините друзья, но пока жизни забирает война.

— Да, — Лейко тоже погрустнела, — и самое ужасное, что мы сжились с ней.

Манн поднёс ко рту бокал с вином и начал пить, смешно двигая бровями и слегка покачивая головой.

— Ничего, будет и мир! — сказал он пафосно, стукнув пустым бокалом о стол. — Человеческая порода порочна, но душа иногда так ярко светит!

Все задумчиво замолчали.

— Макс, — первой нарушила паузу Мария, — как там Фридрих?

— Да, слава господу, жив пока, — улыбнулся Рейнхардт. — Наш Мурнау пишет, что летает, воюет с французскими летчиками. Два раза ранен, один раз сбили, но всё ещё в строю.

— Первыми погибают добровольцы, — хмуро вставил Манн.

— Ты к чему это, Генрих? — удивился Рейнхардт.

— Сам не знаю, Макс, возможно, мне жаль французозов, на которых навалилась наша темная германская сила.

— Почему же темная? — тихо спросила Мария.

— Потому что цвет черный, — Манн нагнулся, громыхнув стулом и звякнув стеклом, достал из корзины новую бутылку, посмотрел на этикетку, удовлетворённо хмыкнул. — Ну, кто со мной?

— Наливай всем, — кивнула Мария.

К осени 1918 года Германия потеряла более миллиона солдат. Революция, на которую поставил германский генштаб, чтобы поразить царскую Россию, словно проказа, перекинулась сначала на немецкую армию в Крыму и на Украине, потом доползла до заводов Рура, а затем выплеснулась на улицы городов. Начало ноября ознаменовалось повальным захватом власти социал-демократами и созданием Советов в Берлине, Брауншвейге, Бреслау, Мюнхене, Баварии, Бремене, Ростокке, Шверине, Дрездене, Лейпциге.

8 ноября 1918 года в Компьенский лес во Франции прибыла делегация германского генералитета на переговоры о перемирии. Главнокомандующий союзными войсками маршал Франции Фердинанд Фош принял их холодно и предложил очень тяжёлые для Германии условия. Только ранним утром 11 ноября 1918 года в железнодорожном вагоне в 5 часов 12 минут соглашение о перемирии было подписано. Немцы были вынуждены согласиться со всеми пунктами.

После отречения императора Вильгельма II новое германское правительство принялось зачищать политическое поле Германии, искореняя всё, что могло угрожать их власти. Из офицеров-фронтовиков формировались особые карательные подразделения с полномочиями неограниченного применения оружия, по улицам полилась кровь. В январе 1919 года немецкая революция была подавлена.

Студеным декабрьским днём 1918 года по заснеженной берлинской улице в веренице потрепанных грузовых фургончиков и растрёпанных автомобильчиков двигалось большое легковое авто с блестящими лакированными боками. Редкие прохожие, вжимая головы в воротники, бежали по тропинкам между сугробами на тротуарах, им ни к чему смотреть по сторонам, их лица мёрзли от стужи и хмурились от забот, лишь пухлый полицейский на перекрёстке долго провожал лимузин взглядом. Автомобиль свернул и остановился перед массивным зданием, над подъездом которого большими буквами было написано: «Киностудия «Центаврфильм», владелец Йохан Гутер». Из лимузина выскочил водитель, обежал машину, открыл заднюю дверь и помог выйти Марии Лейко. Она поправила шикарную шубу, неспешно и невозмутимо прочитала вывеску и пошла к дверям.

Йохан Гутер стоял у окна своего кабинета и с высоты второго этажа наблюдал за приездом бывшей жены. В отличие от неё, на его лице мелькала целая гамма всевозможных эмоций, он с трудом взял себя в руки и изобразил дежурную улыбку. Дверь открылась, вошла Мария, Гутер поспешил навстречу, подставляя руки под небрежно скинутую шубу. Лейко осталась в шикарном наряде с бриллиантовым колье на шее.

— Здравствуй, Мария.

— Добрый день, Йохан, — Лейко кивнула и прошла к креслу у стола.

Гутер повесил шубу на вешалку и теперь из угла смотрел на красивую шею Лейко, на которой в электрическом свете особенно волшебным сверкало колье. Женщина чувствовала, что её рассматривают, но никак не реагировала на это, спокойно достала из сумочки папиросу и застыла с нею в руке, красиво облокотившись о поверхность полированного стола. Гутер спохватился и, вытащив из кармана зажигалку, бросился к Марии.

—носишь? — спросил он, кивнув на колье.

— Ношу, — Лейко ответила ровно и равнодушно.

Гутер обогнул стол и сел напротив.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он.

— Профессия обязывает, — без улыбки отозвалась Лейко.

— Это твоя машина?

— Нет, конечно, арендую, когда нужно. Теперь на улицах небезопасно. Йохан, давай ближе к делу.

— Я открыл свою киностудию.

— Вижу, поздравляю.

— Спасибо, — кивнул Гутер. — Мария, я начинаю съёмки фильма «Женщина в клетке» и предлагаю тебе главную роль.

— О чём фильм?

— Фильм? — Гутер пожал плечами. — Как всегда: похищение с приключениями и счастливым концом.

— Я согласна. Пришлю к тебе своего агента, он обговорит условия.

Мария потушила папиросу и встала, Гутер тоже вскочил.

— Ты уже уходишь?

— Да, Йохан, мне пора в театр.

— Мария, а ты знаешь, я ведь развелся?

— Знаю, — кивнула Лейко и направилась к вешалке.

По пути она сама себе удивилась: бывший муж не вызвал у неё ни горечи, ни но-

стальгии, ни злорадства, но она тут же прогнала эти мысли, потом обдумает, наедине, тем более что Гутер уже обогнал её и теперь стоял с шубой в руках, пристально вглядываясь в её лицо.

— Ты словно снежная королева, — тихо сказал он, помогая надевать шубу.

— Спасибо, Йохан, — ответила Лейко, игнорируя его последние слова. Гутер зло нахмурился.

— А о том, что Латвия объявила независимость, ты слышала?! — с нажимом спросил он.

Мария замерла, потом резко повернулась к Гутеру.

— Это правда?! Когда?

— Да, ещё 18 ноября, а вчера, кстати, Советская Россия первой признала независимость Латвии.

— Боже, какое счастье!

— Мария, может быть, отметим это дело? Мы ведь латыши с тобой.

— Да? — Мария холодно посмотрела на него. — Последние годы мне казалось, что ты забыл об этом.

— Мария, а ты?

Вопрос был задан не в отместку, тихим голосом, Лейко поняла, что для Гутера этот вопрос не праздный.

— Извини, — сказала она мирно, — мне не следовало это говорить. За приглашение спасибо, но не могу, а вот ты, Йохан, зашёл бы к Норе, она тебя очень ждёт.

— Да, да, конечно, — натянуто улыбнулся Гутер, — непременно сегодня же заеду.

— Отлично, я предупрежу Урсулу.

В лимузине Лейко сидела в мрачном расположении духа. Теперь, когда она была одна, она с трудом сдерживала слёзы, тоска навалилась на неё неожиданно и душно, прогоняя прочь бывшее равнодушие, словно наказывая за него. Она закрыла глаза, но под веками жёлтыми пятнами закружились сухие листья, беззвучно падая в темноту. Лейко всхлипнула, но тут же взяла себя в руки и промокнула глаза платочком. Она ни о чём не жалела и твёрдо знала, что никогда не сможет простить предательства.

За окном машины проплывали горы мусора, сугробы, кучки оборванных солдат, худые распутные женщины, мужчины с алчно-развратными глазами и инвалиды, просящие милостыню на каждом перекрестке.

В январе-апреле 1919 года революцию в Германии окончательно удавили, оставив на улицах хмурых безработных рабочих, вороватых юнцов, демобилизованных солдат и огромное количество проституток. Слово в параллельном мире, на тех же улицах мелькали нувориши, присосавшиеся к тощему бюджету республики и просаживающие свои шальные деньги в азартном угаре греха и излишеств.

Чем тяжелее жилось, тем больше хотелось сказки, эротика наскучила, народ потянулся на традиционные киносеансы, с приключениями, убийствами, мистическими тайнами и фантазиями. Повысился спрос на артистов, способных не красиво раздеться, а глубоко сыграть своего героя, и здесь Мария Лейко оказалась незаменимой, её природная пластика и выразительное лицо неизменно возвышали сюжеты до уровня искусства. Так что, несмотря на послевоенный хаос и финансовую разруху, киноактриса Лейко пользовалась спросом и хорошо оплачивалась. В 1918 году она сыграла в четырёх фильмах, в 1919 — в шести. Пик её карьеры придётся на 1921 год, в котором она снимется в двенадцати фильмах. И ещё она продолжала играть в театре. Возможно, Марию ожидало бы поистине звёздное будущее, но оно не состоялось, уйдя в прошлое вместе с немым кинематографом.

Перемирие, подписанное 11 ноября 1918 года, было номинальным, всем сторонам было ясно, что Германия проиграла. В январе 1919 года страны-победительницы приступили к переговорам о заключительном мирном договоре. Шесть месяцев длились закулисные интриги и дипломатические баталии. 28 июня 1919 года в зеркальном зале Версальского дворца в Париже мирный договор был подписан.

Общая сумма репараций составила 226 миллиардов золотых марок, что в пересчете на золото составляло почти сто тысяч тонн драгоценного металла. Германия должна была платить по 5,3 миллиарда золотых марок в течение 42 лет. Дополнительно Германия должна была ежегодно отдавать победителям 12 процентов своего экспорта. И это при том, что годовой доход проигравшей войну Германии не дотягивал до 3 миллиардов золотых марок. После длительных подсчетов и согласований победители снизили сумму репараций до 132 миллиардов золотых марок или по 3,1 миллиардов марок в год.

В случае отказа от этих условий, войска стран-победительниц могли без предупреждения оккупировать Германию полностью или частично.

Но это было не всё. К немцам предъявили и территориальные претензии. По Вер-

сальскому договору от Германии кусками отторгли 13 процентов территории с населением около шести миллионов человек (примерно десять процентов). Германия лишилась 75 процентов железной руды и цинка, 20 процентов угля, 20 процентов выплавки чугуна. В счет оплаты репараций было конфисковано 5 тысяч паровозов, 150 тысяч вагонов, 140 тысяч молочных коров.

И это было ещё не всё. По договору обязательная военная служба упразднялась, а все вооружённые силы Германии не могли превышать численности в сто тысяч человек, включая четыре тысячи офицеров. Запрещалось строить танки, военные самолёты, крупнокалиберную артиллерию, крупнотоннажные корабли и подводные лодки.

Фердинанд Фош, маршал Франции и недавний главнокомандующий союзными войсками, ознакомившись с договором, заявил: «Это не мир, это перемирие лет на двадцать». Как в воду глядел.

К концу апреля 1919 года Фрунзе разгромил войска Колчака, Красная армия, вобравшая в себя десятки тысяч царских офицеров, всё успешнее отбивалась от наседавших контрреволюционных войск и прямой интервенции, чувствовалось, что перелом наступит скоро, и... молодое советское правительство всё ещё надеялось на мировой революционный пожар и пыталось раздуть тлеющие угли.

Тёплым европейским апрельским утром в парижском кафе респектабельный и благополучный господин читал газету. Это был Тилтс. Из-за его спины вынырнула стройная женщина и присела за столик.

— Здравствуй, дорогой, — мило улыбаясь, заявила она, умело пряча в глазах усмешку.

Тилтс вежливо улыбнулся в ответ.

— Доброе утро, Луиза, — ответил он, складывая газету.

Из дверей кафе вынырнул официант с подносом. Пока он накрывал перед Луизой лёгкий завтрак, женщина украдкой огляделась, убедившись, что соседи сидят далеко, едва официант удалился, она наклонилась к Тилтсу.

— Всё в порядке, деньги переданы. Завтра же в портах Тулона и Бреста начнётся забастовка.

— Отлично! — кивнул Тилтс. — Мировую революцию это не вызовет, но, надеюсь, страх перед её призраком заставит союзников убраться из Крыма и Одессы.

— Точно! — Луиза улыбнулась и наконец-то обратила внимание на свежую булочку и исходящую паром чашечку. Она с наслаждением втянула в себя аромат кофе, и вдруг словно облачко набежало на её милое личико. Луиза помрачнела и тяжело вздохнула. — Боже, как я люблю Францию, и как же я терпеть не могу Америку!

— Что делать, милая, — усмехнулся Тилтс, — а ехать всё равно придётся.

— Да уж, придётся, — смиренно кивнула Луиза.

Примерно в эти же дни в Петрограде Петерс проводил расширенное совещание с работниками ЧК. Он был недоволен работой местных чекистов.

— Я как чрезвычайный комиссар, — требовал Петерс, — требую немедленной активизации действий по ликвидации контрреволюционных гнезд в городе!

Петерс сделал паузу и строго посмотрел на присутствующих.

— Товарищ чрезвычайный комиссар, — сказал один из чекистов, — но в городе огромное количество бывших буржуев и офицеров, мы просто не успеваем.

— К тому же, — раздался голос другого чекиста, — мы много времени теряем на составление списков и их проверку.

— Товарищи! — чуть повысил голос Петерс, в комнате сразу же стало тихо. — Я ваши трудности знаю, но на юге Врангель, на севере белофинны, на востоке недобитый Колчак, с запада прёт Юденич, он уже в Пскове! А у вас тут заговорщики по улицам чуть ли не строем разгуливают! Так и революцию профукаете! Нет у нас с вами ни времени, ни оправданий! — Петерс достал из ящика стола толстый книжный том и увесисто бухнул его на стол. — Вот вам список! Это телефонная книга 1916 года. Проверить всех от А до Я! Провести обыски. Подозрительных арестовывать. Когда будут сидеть, тогда будет время с ними разбираться. Только предупреждаю: расстрелы — в крайнем случае! На Украине чекисты тысячами расстреливали, а стало только хуже. Даже диктатура должна быть справедливой. Это ясно?

— Да, ясно, поняли, — дружно отозвались воодушевлённые чекисты.

— Тогда вперёд!

Солнечным майским утром 1919 года Йоханес Гутер сидел за столиком уличного кафе и в молчаливой угрюмой задумчивости отпивал шнапс из стопки. К нему подошёл Макс Рейнхардт.

— Ого! С утра шнапс?!

Гутер сделал попытку встать, но махнул рукой и опустил обратно.

- Спасибо, что пришли, Макс.
- Мы же старые друзья, Йохан, — кивнул Рейнхардт, присаживаясь напротив.
- Да уж, были времена... — печально качнул головой Гутер. — Макс, выпьете что-нибудь?
- Нет, только кофе.

Рейнхардт приподнял руку, и к нему подскочил официант.

- Желаете завтрак?
- Только кофе.

Официант убежал, а Рейнхардт повернулся к Гутеру.

- Ну, Йохан, выкладывай, что стряслось?
- Макс, моя киностудия сгорела.
- Пожар? — удивился Рейнхардт.
- Какой пожар?! Банкрот я!

Рейнхардт усмехнулся, но ничего сказать не успел, появился официант с маленьким подносом. Он бережно поставил перед ним чашку кофе и подал счет.

- Прошу вас, господин!

Рейнхардт расплатился, официант благостно заулыбался и удалился.

- Вот видишь, Йохан, как времена изменились, — горестно сказал Рейнхардт, глядя вслед официанту, — деньги уже вперёд просят. — Рейнхардт сделал крохотный глоток из чашки и поморщился. — Какой отвратительный кофе! — он взглянул на Гутера.
- Йохан, я сочувствую, но разве вся Германия — не банкрот?
- Меня это мало утешает, — вздохнул Гутер и приложился к шнапсу.
- Не хандри! — твёрдо сказал Рейнхардт. — Твой талант при тебе, остальное ерунда. Завтра отвезу тебя к Эриху Померу.
- К владельцу кинокомпании Децла?
- К нему. Дела у Эриха сейчас в гору идут и тематика твоя: мистика и приключения.
- Спасибо, Макс! — выражение лица у Гутера стало таким, словно он немедленно готов пасть на колени и приложиться к руке благодетеля. Рейнхардт даже чуть отпрянул.
- Пустяки, Йохан, Эрих о тебе слышан, так что мне было не сложно организовать этот визит, — Рейнхардт поднял чашку.

Гутер смахнул слезу с угла глаза и вновь приподнял стопку.

- Спасибо, Макс, ты возвращаешь мне смысл жизни!
- Не за что, — Рейнхардт сделал крохотный глоток, поставил чашку. — Йохан, а ты, говорят, развёлся?
- Уже устарело, — Гутер усмехнулся. — Я опять женился.
- Ну, ты скор! — он допил кофе. — Ты уж будь добр, завтра в десять у меня, и будь, пожалуйста, в норме.
- Само собой, Макс, будь уверен.

Рейнхардт встал и протянул руку, Гутер вскочил и энергично затряс её. Рейнхардт криво улыбнулся и, вырвавшись из потной хватки приятеля, незаметно промокнул ладонь салфеткой.

- Кстати, Йохан, ты извини, это, конечно, не моё дело, но зря ты от Марии ушёл.
- Я знаю, — махнул рукой Гутер и повернулся в сторону официанта. — Официант, ещё шнапса!

В мае 1919 года в небольшом театральном зале проходила встреча наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского с очередным театральным коллективом. Луначарский сидел за столом на сцене и шептался с Евгением Багратионовичем Вахтанговым. В метре от стола располагалась трибуна с облупившимися боками, внутри которой стоял молодой человек с большим бантом на шее и выжидательно смотрел то на начальство, то на своих коллег — молодых артистов, занимавших два первых ряда в зрительном зале и кое-где шепотом что-то яростно доказывающих друг другу. Наконец начальники кивнули друг другу, и Вахтангов постучал карандашом по столу. Шум стих. Вахтангов посмотрел на молодого человека с бантом:

- Спасибо, — человек с бантом кивнул и, высоко подняв голову, пошёл к своему месту в зале. — Товарищи! — повысив голос, объявил Вахтангов. — Предоставляю слово наркому просвещения товарищу Луначарскому для подведения итогов нашего театрального диспута.

Раздались бурные аплодисменты.

Луначарский прошёл к трибуне и поднял руку.

- Я рад приветствовать коллектив Московской драматической студии под руководством товарища Вахтангова.

Стихшие аплодисменты вспыхнули с новой силой.

— Спасибо, — благодарно склонил голову Луначарский, стало тихо. — Я буду краток. Очень интересная была дискуссия. Я признателен товарищам, горячо отстаивающим первенство формы в театре, но не согласен с ними. Поясню, почему. Тут совершенно справедливо называли дореволюционный театр упадочным, но это вовсе не означает, что всё, что исходит из классического театрального реализма, надо категорически отбросить в прошлое. Кто-то скажет: не нужно Большого, Камерного, Художественного театров, создадим революционный коммунистический самый настоящий театр. Но тогда скажут, что мы затянули всех в один мундир, что у нас выработался трафарет, что мы стали монотонны, и нам скажут это совершенно правильно, потому что одноцветный театр есть признак мертвечины. И что же останется, товарищи? Плакатный театр, в котором главное трюки, акробатика, маски, фарс? Нет, товарищи, революция требует большего, она выводит пролетарскую культуру на путь возрождения великих традиций русского искусства на социалистической основе, — раздались дружные аплодисменты, Луначарский налил в стакан воды, сделал несколько глотков и продолжил: — Тут кое-кто ссылался на постановку товарища Мейерхольда в Музыкальном театре по пьесе Маяковского «Мистерия Буйф». Да, это замечательный истинно революционный спектакль, но это вовсе не значит, что это единственный путь развития театра. Нельзя забывать о театральной классике! Островский, Гоголь, Чехов были и остаются шедеврами революции духа.

По окончании диспута, присутствующие потянулись к выходу. Вахтангов и Луначарский спустились со сцены и наткнулись на поджидавшего их худощавого молодого человека с намечающейся залысиной, пронзительными глазами и двумя глубокими вертикальными бороздками между густыми бровями.

— Чего тебе, Освальд? — поинтересовался Вахтангов.

— Евгений Багратионович, разрешите обратиться к товарищу Луначарскому?

— Ну что, Евгений Багратионович, разрешаете? — улыбнулся Луначарский.

— Разрешаю.

— Итак, товарищ, я вас слушаю.

— Анатолий Васильевич, я латыш. Сейчас в Москве много латышей. Мы бы хотели открыть наш национальный театр. И название уже придумали: «Скатувэ», что означает сцена.

— Хм, интересная идея, — кивнул Луначарский, — а что планируете играть?

— Латышскую и русскую драматургию, мировую классику.

Луначарский вопросительно посмотрел на Вахтангова.

— Я в курсе, Анатолий Васильевич, не возражаю и поддерживаю.

— Вот что, товарищ... как ваша фамилия?

— Глазунов, Освальд Фёдорович.

Луначарский открыл блокнот.

— А по-латышски?

— Глазниекс Освалдс.

Луначарский сделал пометку в блокноте.

— Итак, товарищ Глазунов, жду вас завтра в 9.30 в Пролеткульте. До свидания.

Луначарский в беседе с Глазниеком отметил высокий вклад латышей в дело революции и заверил, что поможет в организации национального театра. В июне 1919 года на Страстном бульваре в доме 8 появилась вывеска на русском и латышском языках: «Театр-студия «Скатувэ». Каждое утро Глазниекс подъезжал сюда на извозчике, важно шёл к дверям и они гостеприимно распахивались, являя улице угодливо улыбающегося служителя.

— Доброго утречка, Освальд Фёдорович! — кланялся служитель.

— Здравствуй, Михальч, — снисходительно кивал Глазниекс и проходил под сводами своих театральных владений.

Что вовсе не умаляет его театрального таланта, а лишь доказывает, что мечты иногда сбываются. С ноября 1919 года «Скатувэ» начал регулярные спектакли и быстро приобрёл у московского зрителя успех, а уж латышская община свой театр просто боготворила.

Редким вечером на излёте сентября 1919 года Мария Лейко сама уложила десятилетнюю Нору спать. Сегодня у неё не было ни съёмок, ни спектакля, и она села разбирать накопившуюся почту. В гостиную зашла Урсула, протянула Марии конверт.

— Вот ещё письмо, сегодня пришло.

— От кого? — спросила она, вскрывая очередной конверт.

— Не знаю, не посмотрела я.

Лейко взяла у Урсулы письмо и озадаченно покачала головой: отправителем значилась Аустра Озолиня-Краузе — дама весьма известная в мире искусств. Мария слышала, что Озолиня недавно приехала в Германию по дипломатической линии, но никогда с ней не пересекалась. Вот уж от кого она не ожидала послания... Лейко вытащила из конверта лист с отпечатанным текстом на латышском языке и с официальным бланком. Урсула заглянула через плечо и сморщилась.

— Непонятно написано!

— Конечно, — засмеялась Мария, — это же латышский язык!

— Зачем это?

— Я же латышка!

— Ах, да, вы говорили, — равнодушно пожала плечами Урсула. — И что пишут?

— О, пишут очень важное: меня приглашают играть в Национальном театре Латвии, — Лейко ностальгически улыбнулась. — Там директор мой давний друг и учитель Алексис Миерлаук.

— Латвия?! — всплеснула руками Урсула. — Какой ужас, это ж Россия!

— Урсула, теперь Латвия не Россия, она свободна страна.

— Может, оно и так, только там война! Кто ж на войну в гости ездит?! К тому же съёмки у вас.

С лица Лейко сбежала мечтательная улыбка, мысленно она уже видела себя в Риге, но простые слова Урсулы вернули её в реальность.

— К сожалению, Урсула, ты права, — Мария грустно кивнула и медленно отложила письмо в сторону, отдельно от остальных писем. — Может быть, позже? — прошептали её губы.

Студёным декабрьским днём 1919 года в кабинет директора Немецкого театра Макса Рейнхардта вошла Мария Лейко и застыла в дверях. Напротив Рейнхардта в кресле сидел военный, он, взглянув на Марию, заулыбался и встал. Долговязый, тощий, в поношенном, чуть коротковатом офицерском френче без погон, в потёртых кожаных брюках когда-то коричневого цвета и высоких, явно не зимних ботинках. На вешалке у двери висела линялая кожаная куртка с меховым подбоем.

— Фридрих! — Лейко сняла шубу и, не глядя, кинула её на ближайший стул. — Можно я тебя поцелую?

Мурнау смущённо улыбнулся и развёл руками. Мария подбежала и дважды поцеловала Мурнау в щёки. Рейнхардт вышел из-за стола, осторожно протиснулся мимо раскалённой печурки, на которой стоял чайник, пыхтящий паром.

— Молодец, Мария, как раз к чаю пришла.

— Чай? Это замечательно! — Лейко отступила на шаг, любуясь Мурнау. — Фридрих, как я рада, что война отпустила тебя назад.

— Да, — кивнул тот, — она многих забрала, — он улыбнулся. — Мария, а ты всё так же хороша.

— А ты ещё больше похудел... и в глазах что-то...

— Пустота там, Мария.

— Ничего, — включился в разговор Рейнхардт, расставляя на столе чашки, — театр и кино любую пустоту заполняют.

— Какое счастье, что ты жив! — Мария вздохнула и промокнула платочком слезу.

— О, он не просто жив, — отозвался Рейнхардт, гремя блюдцами, — Фридрих уже дебютировал как кинорежиссёр и дебютировал неплохо.

— Ты давно вернулся?!

— Пару месяцев, но в Берлин вот только что.

Лейко присела напротив Мурнау и, взяв его за руки, усадила обратно в кресло.

— Всё в военной форме ходишь?

— Привык, да и нелегко сейчас на мой рост подобрать стоящее пальто...

— Ничего, мы ему шубу завтра подберём! — Рейнхардт гостеприимно указал на чашки с чаем. — Прошу, господа, чай готов.

Они расселись, Лейко с некоторым удивлением рассматривала Мурнау, тот перехватил её взгляд.

— Удивляешься, что я режиссурой занялся?

— Да, не ожидала.

— Я и сам не ожидал, а в конце семнадцатого как в плен попал, спектакли стал в лагере ставить.

— И тебе разрешали?!

— Ну да, швейцарцы добрые, начальство на наши спектакли даже своих жён водило.

— Швейцарцы? — удивился Рейнхардт. — Они же в нейтралитете!

— Ну да, — улыбнулся Мурнау, — только я как-то заблудился в тумане, залетел

на их территорию, так у них для таких, как я, заблудших, в городке Андерматт в горах лагерь сделан. Вот там от безделья и занялся любительской режиссурой.

— Не надо скромничать! — погрозил ему пальцем Рейнхардт. — Ты, Мария, ему не верь, что «любительской»! Мы тут разговаривали, у него столько новых идей.

— Ой, Фридрих, я так рада за тебя.

— Пусть про новый фильм расскажет.

— Фридрих, расскажи!

— Да чего там, пока только общие задумки. Фильм будет называться «Сатана».

— Ого! — удивлённо воскликнула Лейко.

— Да, именно так! — увлечённо продолжал Мурнау. — В фильме главный герой дьявол, который правил и правит на Земле, изнуряя человечество пороками, войнами и революциями. Я хочу фильм сделать из трёх частей, разнесённых во времени, и везде сатана будет править: в древнем Египте, во Франции во времена кровавой революции и в Германии, куда он явится из России в 1917 году.

— А?! Каков замысел! — воскликнул Рейнхардт.

— Необычно, но жутко.

— Да, и именно это в фильме должно быть: страх и отрезвление. Мария, будешь у меня сниматься?

— Фридрих, конечно! Ты ещё спрашиваешь.

— Отлично! — довольно заулыбался Рейнхардт. — Хватит воду пить, пошли в «Метрополь», я уже столик заказал.

В 1918-1919 годах волна экспрессионизма накрыла немецкое искусство могучим валом. В основе экспрессионистской драматургии лежали глобальные события: войны, катастрофы, революции, на фоне которых ярко высвечивалась трагичная искорка человеческой жизни. Эти пьесы использовали порыв, крик, гротеск, обличение, шокирующие образы, игры света и тени, невероятные костюмы и вызывающий грим. Вызов традициям был во всём, даже в афишах. Так политическая драма Вальтера Гагенклевера «Люди» на афише описывалась кратким слоганом: «Время — сегодня. Место — мир».

Экспрессионизм стал логичной реакцией израненного народа, прошедшего кровавые битвы, газовые атаки, голод и лишения. На этом фоне классические спектакли воспринимались как недопустимо легкомысленные и тщеславно равнодушные. Максус Рейнхардту пришлось считаться с новыми веяниями и новыми авторами.

Мария Лейко стала реже играть в театре, зато это позволило ей чаще сниматься в кино.

В апреле 1921 года Лейко вновь приехала в Мюнхен. Так уж получалось, что она чаще ездила к Генриху, чем он к ней. Она не обижалась, у Манна было большое семейство, а она свободна. Последний год Мария жила, словно листок на ветру, подчиняясь своим безобидным женским прихотям и особо не задумываясь на морально-нравственные аспекты. Их многолетняя дружба с Генрихом Манном была необременительной для обоих. Очередные несколько дней счастья пролетели как одно дыхание, и вот уже прощальный ужин, но Лейко не испытывала сожаления, внутри царило благостное умиротворение.

— Милая моя Мари! Как жаль, что уже сегодня вечером ты вновь покинешь меня под паровозный свисток и струи горячего пара. Они уже давно для меня ассоциируются с тобой.

Манн наклонился и поцеловал руку Марии. Лейко нежно погладила его по волосам, потом склонила голову и шепнула ему прямо в уши:

— Мой дорогой Генрих, ты же знаешь, что наши короткие встречи тем и хороши, что они короткие.

Манн осторожно распрямился и внимательно посмотрел на женщину. Он, как всегда, выглядел элегантно в своём двубортном костюме с жилеткой, хрустящей от белизны сорочкой и чёрной бабочкой. Его борода всё больше наполнялась сединой. Лейко улыбнулась и провела пальцами по ней.

— Как идёт время, — грустно сказала она.

Манн перехватил пальцы Марии, поцеловал и прижал к своей щеке.

— Да, Мари, время самая безжалостная субстанция человеческого бытия. Наши параллельные жизни лишь иногда соприкасаются, и от этой геометрической невозможности мы оба вспыхиваем ярчайшим светом! Мари, наверное, я не очень хороший человек, но когда я рядом с тобой — моим светлым ангелом, я чувствую себя добродетельным, — внезапно за окном раздался грохот десятков подошв, идущих в строю. — Ну вот, опять эти оголтелые антисемиты!

— О ком ты говоришь, Генрих?

— О них, — Манн кивнул на окно, — полюбуйся.

Лейко обернулась и увидела, как вышагивали за широким оконным стеклом крепкие парни в одинаковой форме. В середине строя шёл знаменосец с чёрно-бело-красным знаменем. Лица суровые, решительные. Мария не сразу осознала, что ей страшно от этих лиц.

— Кто это? — прошептала она.

— Штурмовики Эрхардта, добровольцы из нашей распущенной армии и новобранцы, ещё не нюхавшие пороха.

— То есть это солдаты?

— Не совсем, — усмехнулся Манн, — прежде всего они националисты. Мой брат Томас считает, что они будущее Германии.

— А ты? — спросила Лейко, почему-то затаив дыхание.

— А я их боюсь, — Манн отхлебнул изрядный глоток вина. — Это они сначала германскую социал-демократию в крови утопили, а потом в марте прошлого года у вас в Берлине путч устроили! Теперь вот ходят колоннами.

— Генрих, прости, я далека от политики и...

— Поехали, Мари, приобщу. Ты должна это знать.

Они вышли из такси на окраине города там, где серый цвет стен приобретает мрачно-закопчённый оттенок. Мария тоскливо посмотрела вслед отъезжающему такси. Манн заметил её состояние и улыбнулся.

— Не бойся, Мари, здесь за порядком особо следят.

— Почему? — спросила Лейко, продолжая украдкой озираться вокруг и перехватывать взгляды подозрительных личностей поодаль. Впрочем, агрессии они не проявляли.

— Пойдём, дорогая, сейчас всё поймешь.

Через полумрак арки они прошли во двор и сразу же услышали гомон сотен подвыпивших голосов.

— Генрих, что это за дыра? — прошептала Мария, прижавшись к Манну.

— Немецкая пивная, — кратко ответил он и потянул женщину за собой. — Смелее, Мари, нас ждёт приключение.

Они вошли в небольшой зал с круглыми столиками на четверых и с редкими посетителями. Ничего особенного, всё как во всяком немецком кафе, но почему воздух гудит от могоучего шума множества людских голосов? Мария инстинктивно дёрнулась назад, к выходу, но Манн крепче обхватил её кисть и потянул дальше, как раз в ту сторону, откуда накатывали волны шума. Мария сделала несколько шагов и сразу всё поняла. Она увидела перед собой огромное помещение, с высоченным потолком и дальней стеной, теряющейся в плотном табачном дыму. Туда вела широкая деревянная лестница, начинающаяся у стены, к которой вело ограждение с витыми балясинами.

— Сядем здесь! — сказал ей громко Манн и указал на столик возле перил.

Лейко машинально присела на стул, не в силах оторвать взгляда от огромного полуподвального зала. У неё появилось ощущение, что она сидит на балконе какого-то народного театра, а внизу партер, сцена... На границе клубящегося оконного света и мрака её взгляд наткнулся на возвышение, на котором какой-то прилично одетый господин широко разевал рот и размахивал руками, но из-за голосов сотен людей, его слышно не было. Люди сидели вокруг за огромными длинными столами и совершенно не обращали на оратора внимания. Между столами молниями метались официанты с очередными порциями пива.

У их столика появилась расторопная официантка, бухнула перед ними две запотевшие кружки с пенистой шапкой и побежала дальше. Мария сделала усилие и посмотрела на улыбающегося Манна. Слегка наморщив носик, Лейко достала из сумочки салфетку, протёрла перед собой стол и многозначительно предъявила её своему спутнику. На салфетке были грязные полосы.

— Генрих, куда ты меня привёл?! Это же вертеп!

— Точно, вертеп и есть, — широко улыбаясь, ответил Манн и отхлебнул изрядную порцию напитка, — зато здесь самое вкусное в Мюнхене пиво. Попробуй.

Лейко подозрительно посмотрела на бокал, потом на Манна.

— Давай-давай, — подбодрил он её, — женщина сделала глоток и тут же изумлённо посмотрела на Манна. — Что, вкусно?

— Очень! — Лейко припала к бокалу.

Манн уже успел осушить свою кружку и теперь лукаво посматривал на неё. Лейко поставила свой изрядно опустевший бокал на стол.

— Генрих, хватит ухмыляться, говори, что здесь ещё интересного, кроме пива?

— Сию минуту! — Манн принял серьёзный вид, приготовился говорить, но тут его бокал вспорхнул вверх к рукам официантки, а вместо него появился новый. Мария улыбнулась, но, заметив задумчивость своего любезного друга, поняла, что тот не рас-

положен шутить. Манн заговорил.

— Понимаешь, Мари, я ненавижу войну и бюрократов, её развязавших. Они погубили Германию! — он поднял бокал и сделал глоток. — Уф, хорошо! Так вот, Мари, когда в ноябре 18-го года кайзер сбежал в Голландию и социал-демократы провозгласили республику, я целый месяц был счастлив. Я вместе со всеми ходил по улицам, орал на митингах. Я обожал гуманиста Эрнста Толлера, но германских коммунистов смели отряды злых и безжалостных штурмовиков, и город притих. И в недрах этой тишины родилась ненависть. Она растеклась по городу, грозя выплеснуться за его приделы.

— Как страшно ты говоришь, Генрих, ты меня пугаешь.

— Не бойся, пока ещё не страшно.... О, нам повезло! Именно его я и хотел тебе показать. Смотри, Мари, что сейчас будет.

Лейко оглянулась, на возвышение поднялся худой субъект с прилипшей ко лбу челкой волос и скрещёнными за спиной руками. Он молчал, медленно оглядывая огромный зал, и под его взглядом умолкали голоса, в пивной становилось все тише. Субъект начал говорить, сначала тихо, Мария не могла расслышать его слов, но уже через несколько фраз голос оратора накалился и заполнил собой огромный зал.

Субъект вдруг выдернул из-за спины руку с книгой, на обложке которой отчётливо виднелся крест.

— Это Ветхий завет, — донёсся его громкий крик. — Кто оставил нам его?! Кто? — вопрошал субъект, яростно потрясая книгой. — Бог! Он нам его оставил! А что здесь написано?! — Субъект ткнул пальцем в книгу и громко без запинки продекламировал: «И я настрою египтянина против египтянина, и они будут драться — брат против брата, и каждый — против своего соседа, город против города, царство против царства», — субъект замолчал и горящим взором окинул притихших людей. — Братья мои, так кто же Германию предал и унизил?! Кто отнял у нас куски исконной германской земли, кто лишил нас части нашего немецкого народа? — субъект кричал, невероятным образом перекрывая зарождающийся гул толпы. — Предатели, которые прежде под писали ненужный Германии мир с большевистской Россией, а потом капитулировали перед Францией и Англией! Христос наш бог, а не иудейский! Он смотрит на Германию с небес, благословляя её на возрождение! — он вдруг вскинул вверх правую руку с зажатым кулаком, шум, как по команде, стих. — Германцы, возродимся! — оглушительно закричал субъект, и зал взорвался оглушительным рёвом.

Люди вскакивали с мест, размахивали кружками, обнимались и яростно орали, доносились слова: «Позор, предатели, величие, честь».

Лейко изумлённо смотрела на невиданное действие. Манн склонился к ней и крикнул.

— Чем тебе не театр, Мари!

— Да, — прошептала она, — это невероятно, — она посмотрела на Манна. — Генрих, я хочу уйти.

— Да, — кивнул Манн, посмотрел на часы и положил на стол деньги. — Пойдём, дорогая, пора.

Они выскочили из горланящей пивной, проскочили гулкой мрачно-влажный двор и, облегчённо вздохнув, вышли на улицу. К ним сразу подкатилось такси, на котором они сюда приехали. Позже, уже прогуливаясь по парку, наслаждаясь покоем и тишиной, Манн объяснил Марии, что он сначала просил водителя подождать их, но тот отказался стоять в этом районе, и тогда они условились на точное время.

— Генрих, я до сих пор в ужасе! Кто этот человек с безумными огнём в глазах?

— Адольф Гитлер, — хмуро отозвался Манн. — Томас мне тоже говорил, что у него огонь в глазах.

— Томас, твой брат одобряет этого человека?

— Да! Он считает его гением национального духа.

— Как? — Лейко остановилась, пытаясь осмыслить этот образ. Подумав, она задумчиво посмотрела в глаза Манну. — Генрих, твой брат такой талантливый писатель, разве он не видит безумия и ненависти?

— Мы говорили с ним об этом, пока мне не удалось убедить его в пагубности национализма.

— Знаешь, я зимой снималась у Мурнау в фильме «Сатана», так вот то, что я сегодня увидела, это словно продолжение этого фильма. Только это уже не театр.

— Верно, — кивнул Манн. — Это совсем не театр.

Мария улыбнулась и поцеловала Манна в щёку.

— Генрих, давай не будем больше об этом?

— Давай, — хищно шевельнул усами Манн и положил свои ладони на плечи Марии. Он хотел её поцеловать, но она мягко освободилась.

— Генрих, неудобно.

— Так ведь нет никого! Мари, я хочу тебе поцеловать!

— Подожди, — улыбнулась Лейко, но Манн был непреклонен, он обнял её, и они надолго слились в поцелуе, а потом просто стояли, не решаясь оторваться друг от друга.

— Кстати, — шепнул Марии Манн, — я смотрел этот фильм. Ты была великолепна!

— Генрих, ты смотрел фильм?! — воскликнула удивлённо Лейко. — Ты же не любишь кинематограф!

— Милая Мари, я смотрю все фильмы с твоим участием.

— Но у меня есть совсем маленькие роли.

— Это неважно, главное, что я вижу тебя. К тому же иногда малая роль сложнее главной.

— Это правда, — вздохнула Лейко и зябко повела плечами. — Может быть, пойдём дальше?

— Господи, как же ты хороша! — прошептал Манн.

Он вновь прильнул к её губам, она прикрыла глаза. Когда они оторвались друг от друга, то едва перевели дух.

— Генрих, мы же не дети! — засмеялась Мария, поправляя шляпку.

— Вот именно, Мари! — Манн наклонился и снова нежно поцеловал её в губы. — Ты невероятная женщина и актриса, ты прелесть!

— Ох, как мне это напоминает о прощании, — вздохнула Лейко.

Манн вынул из кармашка часы и огорчённо покачал головой.

— Да, время неумолимо, нам пора двигаться к вокзалу, — Лейко кивнула и взяла Манна под руку, но тот придержал её, поставив перед собой. — Подожди, дорогая, у меня тут возникла мысль, я должен тебе её сообщить.

— Важная? — улыбнулась Мария.

— Очень! — без тени улыбки кивнул Манн. — Сегодня я окончательно решил, что если к власти придут те из пивной, я уеду из Германии. Мари, дай мне обещание, что тоже уедешь, если такое несчастье вдруг случится с Германией.

— Обещаю! — после короткой паузы сказала Мария.

— Умница! — нежно прошептал Манн и поцеловал ей руку.

Ранним летним утром 1921 года во внутренний двор московской гостиницы «Метрополь» въехал автомобиль и остановился вплотную у одного из подъездов. Из авто высокочел подтянутый военный и, пристально оглядевшись, открыл заднюю дверцу.

— Чисто, Феликс Эдмундович!

Дзержинский вышел и быстро скрылся за дверями подъезда. Пройдя по пустынным коридорам гостиницы, в которой виднелись только фигуры молчаливых военных, он поднялся на лифте, где в качестве лифтера тоже был чекист, и вышел на четвёртом этаже. Далее он пошёл один, посматривая на номера на дверях.

В одном из роскошных номеров за столом, с пыхтящим самоваром и прочими атрибутами к чаю, сидел Петерс и листал толстую папку с бумагами. Увидев вошедшего Дзержинского, он вскочил.

— Доброе утро, Феликс Эдмундович!

— Доброе утро, Яков Христофорович.

Дзержинский сел на соседнее кресло и посмотрел на часы.

— Ещё семь минут, — он поднял утомлённый взгляд на Петерса.

— Феликс Эдмундович, вы опять всю ночь работали!

— А вы, товарищ Петерс, — усмехнулся Дзержинский, — где ночевали?

— На диване своего кабинета, — улыбнулся Петерс. — Четыре часа сладкого сна, чувствую себя помолодевшим.

— Замечательно, тогда вернёмся к делам. Как дела с немцами?

— Пока всё по плану. Летом ждем немецкую торговую делегацию. Уже есть договоренность с фирмой «Юнкерс» о поставке нам новейших самолетов.

— Об этом я в курсе, что с секретностью?

— Плохо с секретностью! Через польскую агентуру в Дефензиве мы получили информацию, что британская разведка знает о переговорах. Более того, они уверены, что еще в марте прошлого года мы и Веймарская республика заключили договор о военно-промышленном сотрудничестве.

— Хм. Знают и молчат?

— Молчат.

— Что ж, это весьма знаменательно.

Дзержинский посмотрел на часы, и тут же раздался стук в дверь. Он кивнул.

— Точность — это хорошо, — сказал он и посмотрел на вскочившего Петерса. — Идите встречайте.

В комнату вошёл Тилтс в дорогом костюме и американской шляпе, в руках большой саквояж. Из-за его спины выглянул Петерс.

– Проходи, Ян, знакомься, это Феликс Эдмундович.
Дзержинский встал и протянул руку, Тилтс пожал её.

– Для меня великая честь, Феликс Эдмундович.

– Очень приятно, Ян Матисович. Чаю?

– С удовольствием. Я тут к чаю кое-что принёс.

Тилтс поставил на стол саквояж, открыл и достал из него бутылку виски, колбасу, пирожные.

– Пир? – улыбнулся Дзержинский, – Не откажусь. Только без спиртного.

Тилтс смущённо опустил бутылку на пол.

– Ничего, Ян, не смущайся, – заулыбался Петерс, – американское виски не пропадёт.

Тилтс понимающе кивнул и пододвинул к Дзержинскому саквояж.

– Всё остальное тоже для вас.

– Что здесь? – спросил Дзержинский.

– Валюта, – Тилтс вынул газету.

– Да? – Дзержинский привстал и заглянул в саквояж, он почти доверху был наполнен пачками долларов. Дзержинский засмеялся и сел на место. – Что ж, и от этого не откажемся. Принимайте, товарищ Петерс, а вы, товарищ Тилтс, присаживайтесь. Сейчас нам Яков Христофорович чаю организует, – через некоторое время они с удовольствием пили чай, Дзержинский, откусив пирожное, блаженно сощурился. – Да уж, вкусно, – сказал он и вздохнул. – Пока такие десерты только для Чичерина делают.

– Ничего, Феликс Эдмундович, – улыбнулся Петерс, – придёт время, пирожных на всех хватит.

– Да, но пока и хлеба не хватает, – Дзержинский перевёл взгляд на Яна. – Товарищ Тилтс, я читал ваши отчёты. Бесценная информация, особенно по составу делегации Американской администрации помощи. Я настоял на встрече, чтобы послушать ваше личное мнение. Как вы считаете, стоило нам допускать в республику эту вашу организацию?

– Конечно, Феликс Эдмундович! Хотя там и рассадник шпионов, но ведь они реально спасают тысячи жизней.

– Так вы сотрудник этой организации?

– Нет, Феликс Эдмундович, я представитель одного частного благотворительного фонда, который вложил большие деньги...

– Понятно, – кивнул Дзержинский.

– Хорошая крыша, – сказал Петерс.

– Да, только, видимо, не так просто её было построить?

– Да уж, Феликс Эдмундович, – усмехнулся Тилтс, – это вы хорошо заметили: «построить». Мне пришлось потрясти многих толстосумов, чтобы подвигнуть их на участие в этом деле. Капиталисты не любят расставаться со своими деньгами.

– И как же вам удалось?

– Пришлось попотеть. Я предложил им настолько изощрённую систему обхода налогов, что они не устояли и даже надавили на конгрессменов, чтобы те поддержали Гувера.

– Спасибо вам, товарищ, Тилтс, – сказал Дзержинский, – голод в России это печальная реальность.

– Спасибо буржуям, – буркнул Петерс, – сколько денег в белые армии вбухали!

– Не ворчите, Яков Христофорович, даже младенец в этот мир приходит с болью и кровью, что уж говорить о государстве трудящихся? Ничего, молодая Советская республика крепнет, мы не сдадим того, что завоёвано, – Дзержинский глотнул чаю. – Кстати, Ян, что ваши коллеги американцы думают о новой России?

Тилтс ядовито усмехнулся.

– Носятся со своим протестантским оптимизмом и считают весь мир своим задним двором.

– Образно, – улыбнулся Дзержинский. – Что они думают о Германии?

– Тут всё серьёзно, – усмешка с лица Тилтса исчезла. – В бизнес-кругах ходят разговоры, что скоро в Германию пойдут огромные инвестиции.

– Вот как? А как же союзники?

– Американцы прагматичный народ, плевать им на всё, если пахнет большими деньгами.

– Это хорошо, – кивнул Дзержинский. – Ян, как вы считаете, можно привлечь американские деньги в Советскую республику?

– Уверен, Феликс Эдмундович, что можно. В США сейчас спад в экономике, в стране много свободных денег, они ищут новые рынки.

– Европа в разрухе, – опять проворчал Петерс, – а американцы жируют.

— Яков, чужая война всегда выгодна.

— Да, верно, — Дзержинский задумался. — Вы, Ян, очень большое дело делаете для молодой пролетарской республики. Ваш саквояж — это хороший подарок, ваша информация ещё более дорогой подарок, но этого мало.

— Феликс Эдмундович, так я готов всё, что в моих силах...

— Я знаю, — прервал его Дзержинский и задумался, — Тилтс вопросительно взглянул на Петерса, но тот не сводил взгляда со своего шефа. — Вам, товарищ Тилтс, — продолжил после паузы Дзержинский, — на ближайшие годы я ставлю особую задачу: организацию системы влияния на финансово-экономическую политику США в отношении РСФСР.

У Петерса округлились глаза.

— Феликс Эдмундович, — Тилтс выглядел растерянным, — но это вряд ли мне по силам.

— Не пугайтесь, Ян, — улыбнулся Дзержинский, — меня интересует промышленная сфера, в которой вы, кажется, вполне себя комфортно чувствуете, не так ли?

— Да, я имею несколько довольно крупных пакетов акций...

— Я не об этом, — прервал его Дзержинский. — С вашей помощью, Ян, мы должны помочь нашим дипломатам в будущих переговорах, подсказать, кто с американской стороны лояльно относится к возможному сотрудничеству, а кто является отъявленным врагом. Советской власти будут нужны не только деньги, но и технологии, и специалисты, и взять всё это можно только на Западе.

— Теперь я понял, — облегчённо вздохнул Тилтс, — это я смогу, Феликс Эдмундович!

— Вот и отлично, — Дзержинский глянул на часы и встал. — Мне пора товарищи, вы тут обсудите все детали с товарищем Петерсом.

Дзержинский пожал вскочившим из-за стола Петерсу и Тилтсу руки и быстрым шагом вышел. Хлопнула дверь. Петерс повернулся к давнему другу и соратнику и раскрыл объятья.

— Давай хоть обнимемся, наконец!

Они обнялись.

— Яков, как же я рад тебя видеть!

— И я! Слушай, Ян, а давай-ка сюда своё виски!

Летом 1921 года знаменитый Макс Рейнхардт уходил из Немецкого театра. Из-за всеобщего безденежья театр финансово объединили с несколькими другими берлинскими театрами, и Рейнхардт был вынужден браться за любые проекты вне театра, чтобы элементарно выжить. О новых постановках в его масштабном духе пока пришлось забыть, и вот он уходил. Странно, что этого маститого деятеля кино и театра никто из власти предрежащих не остановил.

Скоро он вернётся, но тогда он этого не знал и радушно давал прощальный ужин своим друзьям. Он собрал их в банкетном зале ресторана, не объявив причины, и все, чувствуя интригу, с нетерпением ждали, когда же мэтр раскроет её.

Рейнхардт оглядел собравшихся гостей, постучал ножиком о бокал. Все устремили на него свои нетерпеливые взгляды.

— Друзья, — начал торжественно Рейнхардт, — теперь, когда все собрались, я могу объявить повод нашей нынешней встречи: я покидаю Немецкий театр.

Над столом повисла тяжёлая тишина, с лиц сбежали улыбки.

— Ну, друзья мои, — засмеялся Рейнхардт, — я же не умер! К чему такие скорбные лица?! Видит бог, я хотел сделать хороший театр, но Германии уже не нужен «Гамлет» или «Смерть Цезаря». Теперь в моде политические агитки, а не искусство.

— Макс, как же мы без вас?! — тихо спросила Мария Лейко, но все её услышали.

— Макс, это нечестно! — возмущённо выкрикнул Мурнау.

— Да! — поддержал его Гутер. — Мы решительно протестуем!

Остальные гости поддержали возмущённые возгласы, но Рейнхардт примеряюще поднял вверх руки, наступила тишина.

— Спасибо, друзья мои, за поддержку и ваше возмущение, но вопрос уже решён. Сразу ответу на неизбежный вопрос: вернусь ли я? Вернусь. Если позовут и если я буду уверен, что вновь нужен германскому искусству. А пока, — он поднял наполненный бокал, — давайте выпьем за его возрождение.

Все вновь загомонили, вверх взнеслись бокалы с вином. Торжественная трапеза потекла своим чередом. Некоторые из гостей подходили к Рейнхардту и говорили ему что-то своё, сокровенное, Макс улыбался, благодарно кивал. Подошёл и Гутер и, когда начал говорить, едва не прослезился.

— Макс, мне будет одиноко без тебя.

— Ничего, — шепнул ему Рейнхардт, — соскучишься, приезжай в гости.

— А куда?

— Я тебе пришлю адрес.

Рейнхардт сам чокнулся с Гутером, словно провожая его на своё место, тот поплёл грустно назад, наткнувшись на равнодушные глаза Марии. Она не отвела взгляд, а он вдруг почему-то отвёл и от всего этого разозлился на самого себя. Между тем раздался зычный, актёрски поставленный голос Рейнхардта.

— Господа, многие спрашивают, чем я теперь буду заниматься, поэтому сразу и ответчу. Во-первых, поеду в Австрию и проживу с моей милой Хеленой в собственном замке Леопольдскрон. Хелена уже там, приводит его в порядок. Во-вторых, у меня есть замечательный проект! Я буду в Зальцбурге ставить спектакль «Каждый» Гофманстала, — Рейнхардт повернулся к Лейко. — Помнишь, Мария, в августе 1914-го я тебе сказал, что придет время и я ещё сделаю мистерию на площади? И вот это время пришло! Выпьем же за успех каждого из нас!

Ответом послужили бурные и восторженные возгласы гостей, среди которых грустно хмурился Гутер.

Мария Лейко теперь много и успешно снималась. Она бралась за самые второстепенные роли, в каждой из них играла с полной отдачей и не могла пройти незамеченной зрителем. График съёмок был сумасшедший.

В один из октябрьских дней 1921 года в павильоне киностудии идёт съёмка фильма «Лицемерие морали». Декорации — обстановка обычной комнаты среднего достатка. На диване сидит Джон и, опустив голову, слушает гневную речь своей тётки Турид. В комнату вбегает Анна в исполнении Лейко и застывает на месте. При виде её Джон вскакивает, подбегает к девушке, берёт её ладони в свои. Тётя упирает в бока руки и строго смотрит на них. Вот она начинает строго говорить, сопровождая слова красноречивым жестом, указывающим на дверь, Джон покорно покидает комнату. Тётя вдруг в один миг становится милой и добродушной, она подходит к Анне, обхватывает её за плечи и что-то ласково говорит ей. Осторожно проводит к дивану, они вместе опускаются на него. Тётя продолжает увещевания. Анна слушает, опустив голову, потом поднимает глаза полные слёз и кивает.

— Стоп! Снято, — из-за киноаппаратуры высовывается довольный Джо Мэй. — Мария, ты молодец, с первого дубля... Сегодня все молодцы!

Мария улыбается и машет рукой.

— Джо, до завтра, я побежала, у меня сегодня ещё одна съёмка.

— У кого?

— У Эвальда Дюпона.

Мария шлёт воздушный поцелуй и убегает из студии. Через некоторое время она в шикарном шубе появляется на улице и ныряет в распахнутую дверь автомобиля.

В эти годы Мария хорошо зарабатывала и могла многое себе позволить, но по врождённой прибалтийской бережливости большую часть полученных денег переводила в датские кроны и отправляла на свой счет в Копенгаген. Не было у неё никакого особого предчувствия немецкой финансовой катастрофы, просто её папа верил в незыблемость датских банков, а Мария верила папе.

Война истощила Германию, а наложенные репарации подвели её к краю пропасти. С фронтов в Германию вернулись 7 миллионов озлобленных солдат, правительство, перепуганное большевистской революцией, спешно устраивало их на работу, хотя съжившийся рынок объективно не мог переварить столько рабочей силы. Правительство выплачивало зарплаты бывшим солдатам, включив печатный станок и запустив спираль инфляции. Двухлетний рост экономики захлебнулся в 1921 году, когда новое правительство Йозефа Вирта принялось исполнять предписания победителей, выжимая из Германии последние соки. Летом 1922 года начался финансовый обвал, курс марки упал до 420 марок за доллар, что по сравнению с 1920 годом составляло десятикратное падение, а по сравнению с 1914 годом — стократное. К осени 1922 года за доллар давали уже 4500 марок. Правительство Вирта сменилось правительством Вильгельма Куно, но катастрофа продолжалась, в январе 1923 года за доллар давали уже 18 тысяч марок. Страны-победительницы игнорировали экономический кошмар Германии и продолжали требовать выполнения графика выплат репараций. Из-за нарушения этого графика в январе 1923 года французские и бельгийские войска вошли на территорию Рурского района и объявили о конфискации шахт, угля, железных дорог, золота. К концу января 1923 года доллар стоил 49 тысяч марок, к июлю — 760 тысяч, а к 8 августа почти пять миллионов. Дальнейшее падение было столь стремительным, что с трудом можно себе представить: в сентябре 50 миллионов марок за доллар, в начале октября 450 миллионов марок, в середине октября 5 миллиардов, к концу октября 40 миллиардов, в начале ноября — 400 миллиардов, в середине ноября 4 триллиона.

Деньги не успевали печатать, часть старых купюр обновлялись специальными штампами, добавляя необходимое количество нулей. Рейхсбанк выпустил самую крупную банкноту в 100 триллионов марок, но на неё можно было купить только несколько буханок хлеба. Зарплаты работников выдавались каждый день, но все равно обесценивались в течение нескольких часов, повсеместно вспыхивали голодные бунты. Деньги теряли смысл, возродился натуральный обмен, даже в кино можно было сходить за полкило картошки или пару брикетов угля. Загнанные в тупик города и территории принялись выпускать собственные деньги, в финансах воцарился хаос.

На этом фоне национализм ширился среди немцев, словно чума. Известный писатель первой половины 20-го века Стефан Цвейг в своей последней книге «Вчерашний день, воспоминания европейца» написал по этому поводу: «Ничто не сделало немецкий народ... таким ожесточенным, таким яростно ненавидящим и таким подготовленным для Гитлера, как инфляция».

Среди всех этих бурь жизнь Марии Лейко протекала необременительно и насыщенно, она вращалась в обществе людей творческих и, как правило, успешных. Бывали интереснейшие встречи. Вот сегодня утром Бернгардт Райх, с которым она не раз играла у Макса Рейнхардта, познакомил её с Анной Лацис. Анна тоже латышка, поэтому они очень скоро решили сбежать куда-нибудь в тихое место и поболтать. Они уселись в полупустом кафе и заговорили на латышском. Лейко вдруг ощутила, как стеснялось по родной речи.

- Господи, как хорошо вспомнить свой родной язык!
- И мне, — кивнула Лацис, аппетитно откусывая пирожное.
- И тебе? Ты же только что приехала.
- Угу, из Москвы.
- Ой, расскажи, как там?
- Я в театральной студии Комиссаржевского занималась. В постановках Мейерхольда участвовала. Кстати, в Москве латышский театр открылся, Скатувэ называется.
- Надо же! А кто режиссёр?
- Освальд Глазникс, для русских — Освальд Федорович Глазунов.
- Что-то я про него слышала.
- Будешь в Москве, познакомлю.
- Спасибо, я про Москву как-то не думала.
- А зря, сейчас туда многие едут. У вас тут в Европе, как я погляжу, всё гниёт и разваливается, пролетарское искусство — это будущее человечества.
- А зачем же ты, — хитро прищурилась Мария, — приехала в школу Рейнхардта?
- Меня направили учиться. Жалко, что его самого нет. Ну, ничего, я тут уже присмотрела... Ты про Бертольта Брехта слышала?
- Конечно. Я видела его пьесу в Мюнхене, «Барабаны в ночи» называется. Он теперь её к постановке в Немецком театре готовит.
- Сходим?
- Непременно, Анна.
- А Райх нас познакомит, он с ним дружит.
- Вообще-то меня уже представляли ему... впрочем, с удовольствием.

Последний год Манн всё реже приезжал в Берлин, а Лейко из-за графика съёмок никак не могла вырваться в Мюнхен. Их когда-то бурная переписка стала редкой. Дело было не в Марии, ей нравилось писать Манну, но по сложившейся у них традиции письма писались по очереди, а Генрих всё тянул и тянул с ответом на её последнее письмо. Мария скучала и чувствовала себя брошенной. Это ощущение приводило её в ярость, которая лишь усиливалась от осознания невозможности избавиться от него.

И вот Манн приехал, как всегда неожиданный, шумный, пахнувший роскошным седым знанием смысла человеческого существования. Он позвонил с Берлинского вокзала и заявил, что сегодня вечером они идут на «Федру» в исполнении труппы русского Камерного театра Таирова.

- Генрих, — робко возразила Лейко, — а ты не подумал, что у меня могут быть свои планы на этот вечер?
- Так ты не идёшь со мной? — хитро хмыкнул Манн.
- Иду! — еле сдерживая раздражение, отозвалась Мария, ненавидя себя за то, что не смогла отказать.

Томным летним вечером 1923 года они оба вышли из театра. Генрих принялся шарить вокруг глазами, а Лейко, впечатленная невероятной игрой Таировской труппы, всё ещё мысленно оставалась в зале.

- О! — воскликнул Манн, приметив уютное местечко. — Вот здесь мы и поужинаем.

Манн привёл Лейко в небольшой ресторанчик, усадил за столик, а она всё ещё пребывала в некоем сомнамбулическом состоянии. Очнулась Мария, когда официант захопнул рядом с её лицом блокнот и отвесил Манну поклон.

— Сию минуту! — выдохнул из себя официант и испарился.

— Генрих, я не хочу есть.

— А я хочу.

Из ниоткуда появился официант с вином и бокалами на подносе, ловко расставил их на столике и положил на стол счёт.

— Господа, прошу оплатить заказ, — вежливо попросил он.

Эта фраза никого не удивила, она давно уже прочно вошла в обиход подобных заведений. Лейко посмотрела на сумму и положила на стол половину денег, Манн с ней не спорил, когда-то давно она поставила категорическое условие, что будет оплачивать половину их общих трат. Поначалу Манна это забавляло, он непрестанно шутил по этому поводу, но потом привык. Манн достал из внутреннего кармана кипу банкнот и протянул официанту, и когда тот с благодарностью удалился, проворчал: «Скоро с собой деньги на телеге придётся возить». Лейко удивлённо посмотрела на него.

— Генрих, ты расстроен?

— Я? — улыбнулся Манн. — Ни в коем случае! — он приподнял бокал с вином, — давай выпьем, Мари!

— За что, дорогой? — улыбнулась Лейко. После невероятного спектакля её ярость улетучилась, словно дым.

— За тебя, конечно.

Манн осушил полбокала, Мария слегка пригубила.

— Нет, Генрих, — покачала головой Лейко, — тебя явно что-то беспокоит.

— Меня?! — усмехнулся Манн. — Разве что мелкие пустяки, милая! — он склонился и поцеловал её руку. — А вот тебя волнует явно что-то посерьёзнее, не расскажешь?

— Генрих, я до сих пор в шоке! — Мария не заметила ни иронии, ни горечи в голосе Манна. — Какая пластика, какая отточённость движений!

— Костюмы хорошие, — мрачно кивнул Манн и допил вино.

— Генрих, неужели тебе не понравилось?

— Почему же, — Манн достал папиросу, — красиво, — он прикурил и продолжил:

— Глубины только нет. Я подтекст люблю, а у Таирова... гротеск.

— Генрих! — воскликнула Лейко. — Как ты можешь? Спектакль Таирова вершина театральности!

— Возможно... Ты знаешь, Мари, я подготовил сборник статей под общим названием «Диктатура разума». Так вот, главная моя мысль — не может быть над человеком иной диктатуры, кроме диктатуры разума. А у Таирова — диктатура формы... — Лейко изумлённо посмотрела на Манна, тот перехватил её взгляд. — Я что-то сказал не так, милая?

— Ты?! Генрих, как ты так можешь, походя выплеснуть гениальную фразу и тут же невозмутимо поесть салат?!

— Так ведь вкусно!

— Вечно ты шутишь!

— Мари, — Манн долил в бокалы вино. — Бог с ним, с театром. Главное, я так счастлив тебя видеть!

— Да? А мне показалось, ты забыл меня.

— Тебе показалось, дорогая.

Но Лейко было уже не остановить, ей вдруг захотелось ущипнуть Генриха, сделать ему больно, чтобы он вскрикнул, потому что впервые он был не весь рядом с нею, часть его витала где-то там, куда ей не было доступа.

— А как же твоя жена, Генрих, её ведь тоже зовут Мария?

Манн досадливо поморщился.

— Ну вот, ты всё испортила! Ты что, испытываешь муки совести?

— Нет.

— Вот и хорошо, — облегчённо вздохнул Манн, — это так правильно, уметь договариваться с совестью.

Ответить Мария не успела, показался официант с аппетитно пахнущими блюдами, у Генриха алчно блеснули глаза, и она поняла, задушевные разговоры уже не к месту.

После ужина Генрих Манн впервые в жизни ночевал у Лейко в квартире, до этого он всегда останавливался в гостинице. Под предлогом того, что курит ночью, Манн попросил постелить ему в гостевой комнате и после страстных объятий ушёл туда, коротко помотав головой на предложение Марии остаться. Потом она долго ещё слышала, как скрипит старое плетёное кресло-качалка.

Это было их последнее свидание. Мария так и не успела толком обдумать, что же произошло между ними и произошло ли, безжалостный вопрос: «Это конец?» — она

так и не решилась себе задать. Потом прошли дни, недели, острота недосказанности растаяла, и она терпеливо ожидала тот праздник, который всегда приносил с собой Манн, простив ему свою былую ярость. Теперь она не чувствовала себя брошенной и на душе у неё был покой и умиротворение.

К концу лета Лейко получила новый сценарий фильма с рабочим названием «Сокровища Гезине Якобсен» и осталась дома, чтобы ничто не мешало спокойно его прочитать. Неожиданно в гостиную вбежала радостная 14-летняя Нора, её дочь. Обычно она не мешала, когда мать работала.

— Мама, папа пришёл!

— Ну, замечательно, только кричать зачем? Я же работаю. Собирайся, и идите гулять.

— Папа хочет с тобой поговорить.

— Да? — Лейко с досадой закрыла сценарий. — А тебя парламентом заслал?

— Да, — простодушно кивнула дочь.

— Ну, зови, — вздохнула Мария и встала.

Она положила сценарий на стол и, проходя мимо зеркала, заглянула в него, привычным жестом поправив волосы. Вошёл Гутер. Она глянула на своего бывшего кумира, ради которого так переменила свою жизнь, и поняла, что ни о чём не жалеет, но и никого не жалеет, в душе вдруг стало колко и холодно.

— Здравствуй, Мария, — поклонился Гутер. — Как поживаешь?

— Здравствуй, Йохан. У меня всё хорошо. Прости, Йохан, не приглашаю присесть, у меня много работы.

Взгляд Гутера попал на сценарий.

— Новый фильм?

— Очередной. Как твои дела?

— Снимаю пока мало. Мечтаю в Риге открыть киностудию. И ещё хочу снимать звуковое кино.

— Да? — удивилась Лейко. — Смело, желаю успеха, — возникла пауза. Мария ждала, что Гутер уйдёт, а он всё ещё переминался с ноги на ногу. — Как там поживает театральный бомонд, что нового? — неожиданно для самой себя спросила она.

— О, новостей много, — обрадовался Гутер, словно утопающий, которому кинули спасательный круг. — Аста Нильсен вышла замуж за Григория Хмару.

— Это русский актёр из Качаловской труппы? — удивилась Лейко.

— Да, а ещё Арбенина уехала в Лондон.

— Стела?! Она же недавно вернулась из Ревеля! Мы с ней вместе снимались...

Гутер развёл руками.

— Вот... — сказал он, — так.

Было видно, что он пришёл сказать для него что-то важное, но никак не решался.

— Гутер, хватит мяться! Говори уже, с чем пришёл! — рассердилась Лейко

— Прости, — вздрогнул он. — Ты извини, Мария, я недавно был на спектакле, — Гутер сделал паузу, но Мария только молча хмурилась, не желая больше ему помогать, пришлось продолжать самому. — Я видел тебя там вместе с Генрихом Манном.

— И что с того?

— Ну, не знаю...

— Йохан, если это всё, то тебе пора, Нора ждёт.

— Да, пора, — Гутер выглядел растерянным и расстроенным.

— До свидания, Йохан, — сказала она, едва заметно указав подбородком на дверь, и повернулась к столу.

— Мария, подожди! — он достал из кармана конверт. — Вот, возьми.

— Что это? — спросила Лейко, спрятав руки за спиной.

— Это мне Амтман написал. Почитай, он там о рижских театрах рассказывает и о тебе спрашивает. Напиши ему сама.

— Ах, Альфред? — облегчённо вздохнула Лейко и взяла письмо. — Спасибо.

— Ну, вот, собственно, и всё... Хотя... может быть, сходим на какой-нибудь спектакль русского Художественного театра? Все очень хвалят.

— Спасибо, Йохан, я уже была.

— До свидания.

— Да, — кивнула Лейко, доставая письмо из конверта.

Около одиннадцати утра 9 ноября 1923 года Генрих Манн в кафе читал газету, как вдруг за окнами донеслись крики и скандирование сотен мужских глоток, их приближение сопровождалось дробным топотом строевого шага. Сначала за окнами мелькнули знакомые профили Гитлера и Людендорфа, а следом пошли шеренги штурмовиков. Многие из них были вооружены. Манн опустил газету и заморожено уставился в окно, из-за спины донеслось подавленное: «Боже мой!» Шеренги закончились. Манн

отодвинул пустую чашку и, сунув газету в карман, вышел на улицу. Там он встал на тротуаре и, опершись на трость, долго смотрел вслед ушедшим шеренгам. Лицо его было мрачно. Через какое-то время из центра донеслись хлёсткие звуки выстрелов, их интенсивность неудержимо росла, и вдруг всё стихло. Из кафе выскочила женщина, истошно крикнула: «Боже, опять, война!» — и побежала прочь, а Манн зло стукнул тростью по мостовой и тихо сказал: «Пока ещё нет».

После триумфальных постановок своих пьес и прежде всего на сцене Немецкого театра, которым после короткого перерыва вновь руководил Рейнхардт, Брехт стал знаменитым и осенью 1924 года покинул Мюнхен, переехав в Берлин. Он снял подходящую квартиру и готовился принять свою жену с маленьким ребёнком, но до этого решил устроить праздник в кругу новых друзей и знакомых. Получив приглашение, Мария сказала Брехту, что Генрих Манн очень ценит его творчество и будет в восторге пообщаться с ним лично. Молодой драматург, конечно же, загорелся и, получив от Макса Рейнхардта адрес, лично отправил Манну телеграмму.

Мария с замиранием сердца узнала об этом, у неё появился шанс ещё раз встретиться с Генрихом.

Брехт праздновал в кафе «Метрополь», среди присутствующих были многие близкие друзья и знакомые Марии Лейко: Макс Рейнхардт, Генрих Манн, Анна Лацис, Фридрих Мурнау, Йохан Гутер, Эрвин Пискатор. Когда очередь тоста перешла к Генриху Манну, тот встал и, подняв перед собой бокал с вином, сказал:

— Господа, я искренне рад успеху своего коллеги. Вы не представляете, какой фурор произвела его пьеса «Жизнь Эдварда» в Мюнхене! Давайте выпьем за его неизбежный успех в Берлине и во всём мире!

Все бурно и шумно поддержали тост. Рейнхардт поднял руку, наступила тишина.

— Друзья мои! В этот праздничный вечер хочу сделать важное объявление: Бертольд Брехт назначен сегодня драматургом Немецкого театра!

Присутствующие зашумели ещё более бурно. Анна Лацис, сидящая рядом с Лейко, чокнулась с её бокалом.

— По русской традиции?

— Хорошо, — улыбнулась Лейко.

Они сделали по глотку вина.

— Я так рада была быть твоей подругой, — вдруг с грустной улыбкой тихо сказала Анна.

— Почему была? — удивилась Лейко.

— Я скоро возвращаюсь в Россию... — закончить фразу она не успела, её перебил Манн, сидящий напротив.

— Что-что? Кто тут в Россию собирается?

— Я, — с некоторым испугом отозвалась Лацис, ей показалось, что с нею заговорил небожитель.

— Вот что, мадам, передайте Ленину, что он великий человек и октябрьская революция великое событие!

Анна растерялась.

— Так ведь Владимир Ильич умер в январе этого года...

— Да? — удивился Манн. — Очень жаль! Всё равно он великий, и я статью по этому поводу напишу. Обещаю. Мария, ты свидетель!

— Хорошо, Генрих, — засмеялась Лейко, потом тихо добавила: — Может, ты пропустишь один тост?

Манн ухмыльнулся.

— Захмелел, да? Ничего... — он вдруг замолкнул, перехватив мрачный взгляд сидящего неподалёку Гутера. — Йохан, ты великий кинорежиссер и не смеешь грустить, — Манн повернулся к Мурнау, ткнул в него полупустым бокалом: — И ты, Фридрих, великий! — он повёл бокал в сторону Рейнхардта и прищурился, словно прицеливался: — И ты, Макс, великий! — Манн взглянул на Брехта, громко поставил на стол бокал, так что вино плеснулось на скатерть, и погрозил ему пальцем: — Ты, Бертольд, очень великий! Господа! — крикнул Манн и подхватил свой бокал. — Здесь все мы уже въехали в историю. Виват!

Выходка Манна всех развеселила, все засмеялись, потянули вверх бокалы с вином, а Манн вдруг поставил свой, даже не прикоснувшись к нему губами. Лейко это заметила.

— Генрих! — она наклонилась к нему. — Ну, а ты почему загрузил? Ты ведь тоже великий!

— Я знаю, — кивнул Манн. — Я великий, только теперь бедный.

— Что случилось, Генрих?!

— А ничего, просто мои наследные капиталы тихо истаяли в банке.

— Ты не перевёл капитал в рейхсмарки?!
 — Мари, когда я спохватился, нечего уже было переводить... Вот, теперь буду искать работу, семейство надо кормить.
 — Генрих, можно я дам тебе денег?
 — Милая Мари, ты ангел, а я у ангелов не занимаю... Выкручусь, — кто-то за столом вновь громко потребовал выпить, Манн откинулся на стул и задрал вверх свой бокал: — Правильно! Виват! — закричал он громко.
 Больше он не смотрел в её сторону, а ночевать поехал к Рейнхардту, даже не попрощавшись со своим ангелом.

Мария Лейко стала меньше сниматься, зато у неё появилось много характерных ролей в театре. Она играла не только в Берлине, но и в Латвии, куда её постоянно приглашал Амтман. Всё чаще Мария проводила ночи в поезде, курсирующем между Берлином и Ригой. Впервые в новом для себя гастрольном качестве она прибыла в Ригу осенью 1925 года.

Поезд подошёл к вокзалу Риги. Мария Лейко так жадно смотрела на проплывающие мимо огни родного города, что спохватилась уже перед самым перроном. Она накинула изящное пальто с меховым воротником, подхватила сумочку и вдруг увидела на столике папку, на которой было написано: «Латвийский Национальный театр. Комедия А. Упита «Купальщица Сусанна». Вагон качнулся, Мария ойкнула и торопливо засунула папку в карман чемодана. Едва она показала в тамбуре, вспыхнули вспышки фотографов, Лейко невольно зажмурилась. Распугивая нахальных репортёров, к ней на помощь бросились двое галантных мужчин, один из них сорокалетний, в самом расцвете мужской красоты, Альфред Амтман и заметно постаревший Алексис Миерлаук, ему уже почти шестьдесят. Лейко опёрлась об их ладони и счастливо засмеялась.

— Дорогие мои друзья! — воскликнула она радостно и обняла их.
 — Мария, — первым отозвался Амтман, — наконец-то Рига тебя дождалась!
 — А ты? — лукаво посмотрела на него Лейко, отодвинувшись на шаг.
 — Мария, — ответил за своего растерянного друга Алексис Миерлаук, — наш Альфред женился.
 — Алексис! — с досадой сказал Амтман. — Ну при чём тут женитьба?!
 — Как при чём?! — Мария заулыбалась. — Альфред, это же замечательно! Дети есть?
 — Да, сынишка Яник.
 — О, я поздравляю! — Мария взяла мужчин под руки. — Ну, что, старые друзья, куда направимся?
 — Я думаю, — весомо начал Миерлаук, — вечер ещё не поздний и мы можем зайти...
 — В театр! — договорила за него Лейко.
 — Решено, едем в театр! — твёрдо сказал Амтман.
 Они опять засмеялись и двинулись вдоль перрона, а за ними семенил носильщик с чемоданом.

Поздним студёным февральским вечером 1926 года Петерс изучал последнее донесение Тилтса. Из расшифрованного текста следовало, что ставка на немцев, которую делали некоторые ответственные товарищи в руководстве ВЦИК и РККА, скорее всего, тщётна. Петерс вновь поднёс к глазам лист бумаги и принялся внимательно читать, неслышно проговаривая каждое слово губами: «Яков, здравствуй. В соответствии с заданием организовал длительную командировку в Германию. Есть предварительная информация. После ввода рейхсмарки деньги из США идут в Германию миллиардами, в основном в химическую и тяжёлую промышленность. После пересмотра условий репарационных выплат немцы уже второй год исправно платят победителям. Мои американские источники из госдепа уверяют, что англичане и французы теперь закрывают глаза на все нарушения Версальского договора и утверждают, что немцы начали производство запрещённой военной техники и вооружения не только в своих шведских филиалах, но и в самой Германии. Если эта информация верна, то строить свои военные заводы в СССР немцы не будут. Что касается инвестиций в СССР, то дела пока плохи. Моих американских коллег вложение средств и технологий в виде концессий не интересует, все говорят о повышенных рисках при непонятных уровнях доходов. Однако из частных разговоров со многими промышленниками вижу интерес к СССР как к новому большому рынку. Думаю, если именно сейчас советская дипломатия перейдёт на контакт с конкретными производителями автомобильной и тракторной техники, можно достигнуть успеха. Надо поиграть на их противоречиях с конкурентами и предложить частичную предоплату, и я уверен, они пойдут на сотрудничество, а мы сможем выбрать лучших. Альфред».

Петерс вложил донесение в папку, на которой от руки чернилами было написано «Альфред» и стоял штамп из четырёх цифр, и задумался. Время было позднее, но он знал, что Менжинский, новый шеф ОГПУ, допоздна засиживается на рабочем месте.

Он снял трубку телефона.

— Вячеслав Рудольфович, это Петерс, здравствуйте!.. Есть важная информация от Альфреда... Да, как раз к переговорам... Через минуту буду!

Усталая после вечернего спектакля Мария Лейко вошла в гостиную и села на стул у двери, не снимая шубы. Из комнаты выглянула Урсула, укоризненно покачала головой и направилась к хозяйке.

— Опять без сил?! — сердито спросила она, помогая снять шубу.

— Да, — Мария беспомощно улыбнулась. — Не ругай меня, Урсула, мне так сегодня аплодировали!

— Да?! И где цветы?

— Там, в прихожей, несколько букетов, остальные отправят в больницы и приюты.

— Нужны им больно ваши веники, — проворчала Урсула, — лучше хлеба им отпавьте.

Служанка вышла из комнаты, продолжая что-то бубнить, стало тихо. Мария потянулась и откинулась на спинку, она была почти счастлива тем, как сегодня играла. Её блуждающий взгляд остановился на белом пятне на столе. Конверт?! Лейко вскочила, забыв об усталости. Письмо было от Манна. Она торопливо вскрыла конверт. «Милый ангел мой, Мари, — писал он, — здравствуй! Последние месяцы я так занят, что даже письмо написать некогда. Я всё-таки выкрутился: наконец-то получил приличную работу. Теперь я заведующий отделением литературы прусской Академии искусств. Платят сносно, моя семья вздохнула. Ну, а по вечерам и ночам пишу, пишу... Где мои беззаботные денечки, свободные от денежных проблем? Эх, жизнь... Но я не падаю духом. Надеюсь, это письмо тебя не расстроит, ведь мы же когда-нибудь ещё увидимся?»

Мария как-то вдруг сразу сникла и опустила на стул, опустив бессильно руку с письмом. Она долго сидела неподвижно, потом вновь перечитала письмо и вдруг яростно скомкала его и бросила в угол комнаты. Лицо женщины исказила усмешка, но дерзкая злость в глазах сразу омылась слезами. Они катились вниз, оставляя за собой остатки туши и этим превращая печаль в скорбь.

— Это вряд ли, — много раз шептали её губы.

Лейко не стала отвечать на это письмо. Неожиданно для самой себя её печаль так и не перешла в депрессию, видимо, внутренне она уже предвидела расставание и подсознательно смирилась с ним, слёзы лишь объявили разуму об этом. Она быстро пришла в себя, ведь первый её «муж» — театр — оставался при ней. Лейко стала ещё больше работать, и вскоре репетиции, спектакли, частые поездки в Ригу стёрли из памяти Манна — любовника, оставив светлые воспоминания о Генрихе — друге.

Часть 5. БАБЬЕ ЛЕТО

Весна 1926 года оказалась ранней и тёплой, уже в начале апреля пооткрывались уличные кафешки, народ массово гулял по улицам, радуясь солнышку и экономическому возрождению, всем хотелось жить, дышать и верить в светлое будущее, многие годы застланное свинцовыми тучами.

Мария Лейко в костюме Насти из спектакля Горького «На дне» опустилась в кресло перед зеркалом в персонально выделенной ей гримерной в театре Фольксбюне (Народный театр). Она критически осмотрела себя, поправила волосы и вздохнула.

— Ну вот, Мими, ты уже играешь не Наташу, а Настю. Впрочем, она тоже пока молоденькая...

Для Лейко основным местом служения искусству по-прежнему оставался Немецкий театр, но она, кроме съёмок в фильмах, с удовольствием играла в других театрах, если приглашали. Рейнхардт всегда был благосклонен к ней и ни разу не препятствовал её исканиям. Пискатор, друживший с ним, давно грозился поработать с Марией и вот пригласил на роль в спектакле «На дне». Лейко сразу согласилась, но призналась Рейнхардту, что немного побаивается безбрежной творческой фантазии Пискатора. Тот часто весьма вольно обходился с известными пьесами, переносил их из прошлого в настоящее, дописывая или меняя сюжет, включая в действие то революцию, то бунтующий народ. Макс выслушал её и рассмеялся. «Не волнуйся, Мари, не посмеет! — сказал он ей, — Брехт рассказал Пискатору, что Стефан Цвейг встречался с Горьким в Италии, и тот выразил хмурое неудовольствие любыми правками своих пьес».

Размышления Марии прервал стук в дверь и голос: «Госпожа Лейко, репетиция через минуту!» Мария встала и улыбнулась своему отражению, к которому никак нельзя

было отнести прожитые 38 лет.

На сцене на реквизиторское бревно уселись рядышком Наташа (Анна Лацис) и Настя (Мария Лейко). В сцене пьесы должны участвовать Лука и Барон, но вместо них их реплики произносил Эрвин Пискатор. Он стоял перед сценой, опираясь на неё локтями.

— Девочки, готовы? — Анна и Мария кивнули. — Начали! — скомандовал Пискатор.

Настя (Лейко), закрыв глаза и качая головой в такт словам, певуче начала говорить:

— Вот приходит он ночью в сад, в беседку, как мы уговорились... а уж я его давно жду и дрожу от страха и горя. Он тоже дрожит весь и белый как мел, а в руках у него леворверт...

Наташа (Лацис) включается в беседу, делая вид, что грызёт семечки:

— Ишь! Видно, правду говорят, что студенты — отчаянные...

— И говорит он мне страшным голосом, — нетерпеливо обрывает её Настя. — Драгоценная моя любовь...

Включается Пискатор, громко объявляя сначала героя, а затем уже произнося его реплику:

— Бубнов! — после короткой паузы. — Хо-хо! Драгоценная? — и через паузу: — Барон!.. погоди! Не любо — не слушай, а врать не мешай... Дальше!

— Ненаглядная, говорит, моя любовь! — охотно продолжает Настя: — Родители, говорит, согласия своего не дают, чтобы я венчался с тобой... и грозят меня навеки проклясть за любовь к тебе. Ну и должен, говорит, я от этого лишиться себя жизни... А леворверт у него — огромный и заряжен десятью пулями... Прощай, говорит, любимая подруга моего сердца! — решил я бесповоротно... жить без тебя — никак не могу. И отвечала я ему: незабвенный друг мой... Рауль...

— Бубнов! — объявляет Пискатор. — Чего-о? Как? Краул?

И следом реплика Барона:

— Настька! Да ведь... ведь прошлый раз — Гастон был!

— Молчите... несчастные! — Настя вскочила, гневно сверкая глазами. — Ах... бродячие собаки! Разве... разве вы можете понимать... любовь? Настоящую любовь? А у меня — была она... настоящая! — Мария обернулась к Пискатору и медленно подняла на него руку с перстом указующим. — Ты! Ничтожный!.. Образованный ты человек... говоришь — лежа кофей пил...

Пискатор иронию Лейко не принимает, довольно улыбается и кивает в такт её чеканным фразам, а когда она закончила, одобрительно поднял кулак типа «рот-фронт».

— Отлично! Теперь можно и баронов пригласить...

В конце апреля того же года Лейко вышла из театра в вечернюю прохладу и остановилась на ступеньках. Она была уставшей, но почти счастливой, сегодня ей как-то особенно хорошо игралось, легко и певуче. Внезапно из глубины улицы к ней подскочил элегантно одетый мужчина, закрывающий своё лицо букетом. Он встал перед ней на одно колено и пафосно сказал смутно знакомым голосом:

— Королева, разрешите войти в ваше сердце!

Мария от такого нахальства потеряла дар речи, и лишь давние воспоминания медленно всплывали из глубин памяти. Неужели... не ошиблась ли?

— Так как же насчет вашего сердца? — проявил настойчивость мужчина.

— Голос у вас приятный, просите дальше.

— Не смею.

— Да покажите, наконец, свое лицо, чёрт побери! — Ян Тилтс, а это был он, отодвинул букет в сторону. — Ян! — радостно вскрикнула Мария. Тилтс пружинисто вскочил и нежно поцеловал её руку. — Ян, — тихо засмеялась Лейко, — как же ты вовремя пришёл за моим сердцем! — Тилтс подхватил Лейко под руку и повёл к ожидающему его такси. — И куда же ты меня похищаешь? — улыбнулась Мария, готовясь сесть в авто.

— Пока только на ужин. Ты не против?

— Против хорошего ужина?! Нет, конечно!

Тилтс привёз Лейко в ресторан отеля «Адлон», самый шикарный в Берлине и очень дорогой. Столик для них был уже заказан. Мария зачарованно огляделась, несмотря на многолетнее проживание в Берлине, здесь она никогда не была и такой роскоши не видела. Она перевела удивлённый взгляд на Тилтса.

— Ян, ты что, Рокфеллер?

— Нет, — усмехнулся Тилтс, — но это позволить себе могу. Так что мы сейчас с тобой славно кутнём.

По его жесту к столику подскочил вышколенный официант, но Лейко встала.

— Ян, я целиком полагаюсь на твой вкус, а пока позволь мне ненадолго удалиться.

Вместо дамской комнаты Мария остановилась в холле и стала наблюдать за Тилтсом. Тот внимательно изучал меню, нисколько не смущаясь стоящего навтыжку официанта. Мария усмехнулась, Тилтс изменился! Где тот страстный, романтичный, вечно смущающийся юноша, очарованный революцией и влюблённый в неё, молодую и ветреную? Лейко вытащила из сумочки папиросу, к ней подскочил служащий с зажигалкой. Мария прикурила и спросила, где она может позвонить. Он проводил её к мраморному столику, укромно стоящему в сторонке рядом с небольшим мягко журчащим фонтаном. Здесь стоял изящный телефон и пепельница. Трубку взяла Урсула.

— Урсула, Нора дома?

— Дома, только что пришла. Её молодой человек провожал.

— Ну, что ж, 17 лет, пора уже.

— Симпатичный, иностранец, одет прилично.

— Да? Очень интересно, завтра поподробнее расскажешь.

— Почему завтра?

— Потому что я приеду завтра!

Мария бросила трубку на рычаги телефона и потушила папиросу.

После изысканного ужина они поднялись в шикарный многокомнатный номер Тилтса, и вот уже за окном глубокая ночь, голова Лейко лежит на руке Тилтса. Марии хорошо, так хорошо, что она не помнит, было ли в её жизни нечто подобное?

— Ян, — прошептала она, — и что ты теперь будешь делать с моим сердцем?

— Обождать — ответил Тилтс и поцеловал женщину в губы.

— Нехорошо, — отдышавшись, продолжила Лейко. — Ты ведь женат.

— Мария, пусть это тебя не волнует.

— А меня и не волнует.

Лето пролетело стремительной ослепительно-белой лентой счастья. Наступил дождливый и промозглый сентябрь, явно холоднее обычного. Тилтс и Лейко стояли возле мягкого вагона на перроне и прощались. Нет, это был не конец их знакомству, но он приближался, Мария это чувствовала и гнала прочь эти ощущения, однако здесь, на вокзале, они неудержимо заполнили её сердце, она всхлипнула и уткнулась в воротник Тилтса.

— Мария, что случилось? — он обнял её. — К чему эти слёзы?

— Они не для сейчас, — сказала Лейко, улынулась и, отодвинувшись, промокнула щеки платочком.

— Мария, нет человека на земле, любящего тебя сильнее, чем я.

— Я знаю, Ян, — Лейко нежно провела рукой по его щеке, Тилтс зажмурился.

— Я так хочу быть рядом с тобой всегда, — тихо сказал он.

— И что тебе мешает?

— Всё! Вся моя жизнь построена в стороне от тебя. Это причиняет мне невыносимые страдания.

— Ян, мне пора... а по поводу страданий... каждая секунда рядом с тобой стоит всей моей предыдущей жизни.

Мария поцеловала Яна и повернулась к вагону.

— Мария! — остановил её Тилтс. — Чуть не забыл, — он протянул ей небольшой бумажный пакет, перевязанный бечевкой. — Пожалуйста, передай это моему приятелю в Риге.

— А как я его узнаю? — спросила Мария, принимая пакет.

— Он придёт к тебе в театр и передаст привет от Якова.

— Хорошо, пусть приходит.

— Там бутылка виски и сигары. Такой подарок сложно отправить по почте.

— Хорошо, хорошо, не волнуйся.

Мария уже из тамбура вагона помахала ему рукой.

Через несколько дней вечером в свою гримёрную в Латвийском театре драмы вошла разгорячённая с сияющими глазами Лейко, и следом Альфред Амтман с охапкой цветов. Оба в сценических костюмах, из-за двери слышны отдаленные звуки аплодисментов и крики браво. Мария села в кресло и со счастливой улыбкой откинулась на спинку. Амтман огляделся и, заметив в дальнем углу свободный стул, положил на него цветы.

— Ну и успех! — он покачал головой. — Тебя на руках готовы носить!

— Альфред, я так счастлива! У меня чувство, что ещё чуть-чуть и я растворюсь в театре.

— Сегодня не надо, Мария.

Он подошёл вплотную и, наклонившись, поцеловал её руку.

— Почему же не сегодня, Альфред? — мило улыбаясь, спросила Лейко.

— Потому что сегодня ты ужинаешь у меня дома, — Мария удивленно посмотрела на него. — Это праздничный ужин по поводу успешной премьеры. Ты не сможешь опять отказаться.

— Да уж, не смогу, — Мария покачала головой и вновь улыбнулась.

— Мария, хочешь, я приглашу Гутера?

— Гутера?!

— Да, он сейчас в Риге. Подыскивает помещение под киностудию.

— Нет, пожалуйста, не надо.

— Но Йоханес так хотел увидеться с тобой.

— Прости, Альфред, но я не хочу видеться с Гутером.

— Хорошо, будь по-твоему, — в это время раздался стук в дверь, Амтман и Лейко недоумённо переглядываются. — Войдите! — громко отозвался Амтман.

Дверь открылась, вошёл незнакомый мужчина, дорого и со вкусом одетый, но какой-то мелкий с невыразительно-блёклым лицом, весь его вид был несколько нелепым. Лейко от этих мыслей едва не прыснула смехом.

— Добрый вечер, господа, — мужчина снял шляпу, — простите, если помешал.

— С кем имею честь? — спросил Амтман.

— Урманс Перконс. Я к Госпоже Лейко по личному делу.

Амтман пожал плечами и посмотрел на часы.

— Мария, так я через полчаса захожу?

— Да, я буду готова.

Амтман вышел, а Лейко выжидательно посмотрела на незнакомца.

— Простите, мадам, — тот смущённо покрутил шляпу в руках, — я долго вас не задержу, я только хотел передать привет от Якова.

— Ах, да! — Мария радостно заулыбалась и встала с кресла. — Где это тут у меня? — она вытащила из-за кресла бумажный пакет и протянула его Перконсу. — Вот, пожалуйста, это вам.

Приятель Тилтса рассыпался в любезностях и, несколько раз откланявшись и удавившись спиной о косяк двери, ушёл. Лейко изумленно смотрела вслед.

«Какой смешной, надо непременно рассказать Яну!» — подумала она и попыталась вспомнить лицо Перконса, но странным образом в памяти всплывала только его несуразная фигура, а лицо оставалось размытым пятном. Мария пожалала плечами и начала смывать грим.

Через три дня в Москве в своём кабинете Петерс развернул бумажный пакет от Тилтса, вытащил из него бутылку виски и коробку сигар. Петерс отставил бутылку виски в сторону, высыпал на плотную бумагу из-под пакета все сигары. На некоторых из них были надеты цветные бумажные колечки. Их Петерс отложил в сторону, а остальные положил обратно в ящичек. Теперь он принялся осторожно потрошить сигары с колечками и вытаскивать из каждой тонкие скрученные листочки. Вытащив все тайные послания, он бережно расправил их и, сложив стопочкой, вложил в плотный коричневый конверт, заклеил его и расписался на стыке. После этого Петерс аккуратно свернул бумагу с останками сигар и нажал кнопку вызова. В двери возник дежурный. Петерс встал и подозвал его поближе.

— Это, — он протянул свёрнутую жгутом бумагу, — на сжигание, а это, — Петерс подал конверт, — на расшифровку.

— Есть! — козырнул дежурный.

Поздно вечером Петерсу принесли распечатку расшифрованного донесения. Петерс читал его и словно слышал голос своего друга, с которым так давно не виделся: «Несмотря на подписание Женевского протокола о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, Англия, Франция и США продолжают его производство и складирование готовых боеприпасов. В этой связи они, будучи осведомлены о совместной работе Германии и СССР в этом направлении, не собираются предпринимать никаких санкций или дипломатических демаршей».

— Ох, молодец Ян! — Петерс одобрительно покачал головой. — Как это вовремя!

Он принялся читать дальше: «Ниже описываю источники получения этой информации и оценку степени их достоверности. Кроме того, привожу конкретные цифры по финансированию военных программ Германии американскими кредитами». Петерс внимательно всё изучает, делая время от времени пометки на отдельном листочке. Дойдя до конца донесения, Петерс заулыбался и покачал головой. Там было написано: «Прилагаю данные по доступным счетам со свободными средствами в США, Англии и Германии. С революционным приветом, Альфред».

— Ян в своём ампула, — тихо произнёс Петерс, — не даёт помереть разведке от бедности.

Он забрал папку агента, бутылку, коробку с сигарами и вышел из кабинета.

— Вячеслав Рудольфович, разрешите?

— Входите, Яков Христофорович.

Петерс поставил подарки от Тилтса на стол и подал распечатку донесения Менжинскому. Тот кивнул на стул и углубился в чтение. Прочитав, задумчиво снял пенсне, потёр глаза.

— Яков Христофорович, молодец, что утра не стал дожидаться. Я сейчас же поеду к Сталину, он лично курирует переговоры по химии. И деньги для оперативной работы — это замечательно. Вашего сотрудника будем представлять к награде. Передайте ему благодарность, — Петерс встал, но Менжинский его остановил. — Товарищ Петерс, минутку, — Менжинский снял трубку телефона. — Ян Карлович? Срочно ко мне, — Менжинский положил трубку и посмотрел на застывшего перед ним Петерса. — Яков Христофорович, поедете со мной. На всякий случай. И Берзина тоже возьму.

Осенью 1926 года Макс Рейнхардт, сидя в кресле, читал газету. В большой пепельнице дымилась забытая сигара, рядом стояла недопитая чашка с кофе. Кто-то постучал в дверь.

— Да! — громко буркнул Рейнхардт, не отрывая глаз от газеты. В кабинет вошла Лейко. — Мария? — он отложил газету на стол. — Заходи, садись, кофе хочешь?

— Нет, спасибо, я спросить.

— Спрашивай.

— Макс, это правда, что Мурнау уехал в Голливуд?!

— Мурнау? — Рейнхардт пожал плечами. — Да, Фридрих уехал, ему сделали выгодное предложение. Кстати, жалел, что с тобой не попрощался.

— Я в Риге была.

— Да, да, я ему сказал... — Рейнхардт вдруг с силой хлопнул ладонью по газете. — Нет, ты представляешь, нацисты молодежную организацию открыли!

— Что?

— Гитлерюгенд называется... Мария, а ты что такая потерянная?

— Макс, меня перестали приглашать на киносъёмки!

— Хм, дорогая моя, что ж тут удивительного — кино любит молодость.

— Макс!

— Что Макс?! Мы же друзья, значит, говорим друг другу только правду. Так ведь?

— Так, — грустно кивнула Лейко.

— Не грусти, Мария, — ободряюще улыбнулся Рейнхардт, — у тебя переходный возраст.

— В каком смысле?

— В таком: ты от смазливых девочек уже ушла, а до характерных дам ещё не дошла. Будут тебе ещё роли. К тому же новая эра начинается — кино со звуком.

— Я со звуком сниматься не буду.

— Почему же? — удивился Рейнхардт.

— Боюсь.

— Странно, ведь на сцене ты не боишься говорить?

— Перед сценой зритель...

— Мария, прекрати хандрить! Ну-ка, поехали в ресторан, пообедаем.

— Нет, Макс, — Мария томно улыбнулась, — обед у меня уже занят.

— Мария! — всплеснул руками Рейнхардт, — да ты никак влюбилась?!

— До потери пульса...

Ближе к зиме, когда гулять по городу стало холодно, Лейко, наконец-то, познакомилась с молодым человеком своей дочери. Его звали Сулико Чечевая, он был грузином и работал в советском торгпредстве. Красивый, скромный, приветливый, с безупречным немецким языком, он Марии сразу понравился. Сулико всё чаще бывал у них в доме и стал совсем своим.

Вот и в это воскресенье он присутствовал на домашнем обеде. Впервые за круглым столом в гостининой собрались вместе самые близкие Марии люди: Нора, Сулико и Тилтс. Периодически появлялась Урсула, молчаливо меняя блюда. Урсула испытывала к Сулико странные чувства, он ей нравился как человек, но он не был немцем! Она как-то объявила об этом Марии, но та рассмеялась и сказала, что и она сама, и её дочь не немцы. «Вы, — поджав губы, объявила Урсула, — другое дело, вы мне как родные».

Нора за столом вела себя игриво и независимо.

— Ян, — с лёгкой ехидцей обратилась она к Тилтсу, — скажите, а вы женаты?

— Нора!

— Мама, а что здесь такого?

— Да, действительно, — улыбнулся Тилтс, — ничего здесь такого нет. Да, я женат.
 — А где ваша жена?
 — В Америке.
 — Понятно.
 — Ничего вам, Нора, не понятно.
 — Почему же?
 — Вы ещё слишком молоды. Я вашу маму всю жизнь люблю.
 — Ян! — Лейко вдруг покраснела.
 — Так вы и папу моего знаете?
 — Конечно, — кивнул Тилтс. — В молодости мы с ним дружили.
 — Нора, прекрати допрос, — рассердилась Лейко. — Лучше представь своего кавалера.

Нора нежно посмотрела на зардевшегося краской молодого человека и сказала:
 — Его зовут Сулико, он грузин из Советского Союза.
 — Вы из СССР?! — изумился Тилтс.
 — Да, — кивнул Сулико, — я работаю в советском торгпредстве.
 — Удивительно! — Тилтс покачал головой. — Да как же вы познакомились?
 — На курсах русского языка, — ответил Сулико, — я там иногда преподаю.
 — Ян, — включилась в разговор Лейко, — моя дочь в этом году вдруг страстно пожелала изучать русский язык.
 — Да, пожелала. Вот ты же, мама, знаешь русский?
 — Знала. Теперь подзабыла, нет практики.
 — Ой, а давайте говорить на русском?!
 — Простите, Нора, — сказал Тилтс, — но я думаю, не стоит этого делать.
 — Почему же? — в это время вошла Урсула с подносом и, деловито собрав тарелки, расставила новые. Все замолчали. — И почему же? — спросила Нора, когда Урсула вышла.

— Нора, — обратилась к дочери Мария с мольбой в голосе, — я теперь плохо понимаю по-русски, а говорю ещё хуже.
 — И я тоже, — кивнул Тилтс. — Представляете, Нора, во что превратится наше общение?

Нора прыснула.
 — Да уж, видимо, действительно не стоит. Да, милый? — повернулась она к Сулико.
 — Да, конечно, Нора, не стоит, — бедный грузин опять зарделся густой краской.
 — Господа, — решил помочь смущённому грузину Тилтс, — давайте выпьем за хозяйку этого дома.
 — За мамочку, виват!

Сегодня, как и многие ночи до этого, Лейко ночевала в номере Тилтса в отеле «Адлон». Она уже знала, что Яну вскоре придётся уехать обратно в Америку, и поэтому хотела быть рядом с ним каждую свободную минуту. К счастью, в отличие от неё, Тилтс работал по весьма свободному графику, он часто сопровождал её в недалёких гастрольных поездках, любил бывать в театре на её репетициях, и Мария пила эти солнечные глотки любви, пытаясь наполнить ими себя и свою будущую тоску. Она знала, что тоска будет, что каждая ночь неумолимо приближает её.

Лейко крепко обнимала своего любимого и сладко спала. Тилтс приподнял голову, полюбовался Марией и, нежно поцеловав обнимающую его руку, выскользнул из кровати. Накинув халат, он оглянулся и внимательно всмотрелся в лицо любимой женщины. Спит. Он удовлетворённо кивнул и тихо вышел из спальни. Тилтс прошёл в кабинет, уселся за письменный стол, здесь всё уже было им заранее приготовлено. Чуть в стороне стоял небольшой радиоприёмник, рядом книга. Ян раскрыл книгу и принялся за шифровку. Один за другим ложились в сторонку тонкие листочки с рядами цифр. В гостиной мелодично и ненавязчиво часы пробили три часа ночи. Тилтс прислушался, всё тихо, потянулся и зевнул. Он бы и рад пойти спать, но дело ещё не кончено. Ян придвинул к себе радиоприёмник, небольшой отвёрткой открутил его заднюю крышку и, вынув наружу, ножом с тонким лезвием осторожно разделил её на две половинки. Взяв листочки с шифровкой, Тилтс разложил их на одной части стенки, тонкой кисточкой намазал её края клеем и накрыл второй половинкой. Положив сверху толстенный справочник, Ян отнёс книгу с ключом для шифровки в книжный шкаф и, вернувшись за стол, облегчённо вздохнул, основное было сделано. Тилтс вставил склеенную стенку обратно в пазы радиоприёмника и закрутил винтики. Всё. Он отодвинул радиоприёмник в сторону, но потом, подумав, отнёс его на журнальный столик в гостиной. Вернувшись, скомкал черновики, сложил их в пепельнице, неспешно вытащил из коробки папиросу, чиркнул спичкой и сначала зажёл скомканные листоч-

ки, а потом уже прикурил папиросу. Тилтс пристально смотрел на крохотные язычки огня и задумчиво курил. Он много дней уже думал, может ли он предложить Марии поехать с ним в Америку, и никак не мог принять решение. Ян знал, что она даже не думает об этом, предполагая, что у него настоящая семья, а не ширма для шпионской легализации, и она никогда не предложит сама поехать с ним. Вот если он сам... Как же он должен поступить: как порядочный любящий мужчина или как профессиональный разведчик? Тилтс потушил папиросу и вздохнул, на самом деле он уже давно знал ответ, долг служения, безусловно, был превыше личного чувства. Ян встал и, прихватив пельменицу, грустно поплёлся в туалет смывать следы ночных бдений.

Проснулся он поздно, и первое, что увидел, открыв глаза, это любящий взгляд Марии. Она была одета, причёсана и откровенно любовалась им. Тилтс взобрался спиной на подушку.

— Доброе утро, дорогой!

— Угу, — Тилтс зевнул. — Мария, ты так смотришь на меня, что смущаешь.

— Да? — улыбнулась Лейко. — А разве я тебе не говорила, что люблю тебя до дрожи сердца?

— Говорила, — еле слышно сказал Ян, утопая в этих глазах и чувствуя себя последним подлецом и идиотом.

— Тогда что же ты смущаешься?

— Иди сюда! — вместо ответа сказал Тилтс и, ухватив Лейко за руку, потянул в постель.

— Ой, Ян, что ты, я же уже...

Они окончательно «проснулись» к обеду. Его накрыли им в номере в гостиной, и теперь, отослав прочь официанта, они с аппетитом пировали.

— Как же быстро идёт время! — вздохнула Мария, любуясь, с каким энтузиазмом Тилтс отрезал очередной кусок жареной свинины. — Только что было утро, и вот, мне уже скоро уезжать.

— Не согласен! — заметил Ян, перестав жевать. — Мы ещё вместе поужинаем!

— Ян, — махнула на него Лейко. — Какой ужин после такого обеда?! Ты что, смеёшься?

— Ничуть! — Тилтс зарычал. — Сейчас я доем мясо и докажу тебе, что ужин будет желанным.

— Ян!

— Что, Ян?

— Скажи лучше, ты проводишь меня на поезд?

— Конечно, милая, как всегда.

— Спасибо.

— Мария, это же так утомительно, ездить туда-сюда на поезде!

— Ничего, всё равно здесь я почти не снимаюсь, играю лишь в двух спектаклях, а в Риге я чувствую себя звездой.

— Так и переезжай туда.

— Ты думаешь?

— Конечно! — Тилтс промокнул губы салфеткой. — Здесь в Германии, как бы это помягче сказать...

— Опасно?

— Нет, — он покачал головой. — Пока нет, но будет опасно и душно.

— Душно?

— Да, для людей искусства.

Мария задумалась.

— Ты не первый, кто говорит мне об этом.

— Вот видишь.

— Ян, а как же ты? Как я буду жить без тебя?

— Мария, — Тилтс накрыл ладонью руку Марии, — твой Ланселот навсегда верен тебе.

— Я знаю, — Лейко всхлипнула и смахнула с ресниц слезу, — но ведь ты всё равно уедешь?

— Уеду, дорогая. Через полгода.

— Как же замечательно, — заулыбалась Лейко, — у меня впереди ещё полгода счастья!

Тилтс встал из-за стола и медленно опустился на колени перед Лейко.

— Мария, прости меня!

— За что, любимый?

— Не могу сказать, ты лишь поверь, что когда-нибудь я приду к тебе навеки. Верешь?

— Верю! — Лейко наклонилась и поцеловала Яна. Он положил голову на её колени,

она, поглаживая его волосы, тихо напевала по-латышски:

*Спи, усни, мой медвежонок,
Мой косматый, косолапый.
Батька твой ушел за медом,
Мать пошла лущить овес.
Скоро батька будет с медом,
Мать — с овсяным кисельком.*

Тилтс резко встал и подхватил Марию на руки.

За окнами уже смеркалось, когда они уселись у журнального столика пить кофе. Блуждающий взгляд Марии попал на приёмник.

— Ой, какая прелесть! В Риге все с ума посходили, гоняются за радиоприёмниками.

— Кстати, Мария, — спросил Тилтс, — ты не захватишь его для Перконса, он встретит тебя на вокзале?

— Конечно, дорогой. Перконс такой учтивый, хотя и смешной, я рада услужить ему.

— Спасибо.

Через некоторое время Петерс рассматривая этот радиоприёмник, уважительно кивал головой, советской промышленности до таких изделий было ещё далеко. Он вздохнул и, поставив аппарат на стол, взялся за отвёртку. Сняв заднюю стенку, он ножом для бумаг расщепил её на две тонкие половинки и вынул стопку тонких листков с цифрами. Петерс уложил их в конверт и, предварительно спрятав внизу радиоприёмник, вызвал дежурного.

К вечеру ему принесли расшифрованный текст: «...Отдельным списком привожу технические характеристики новейших германских танков, в том числе полученные во время их испытаний на полигонах. Выполняя задание по выяснению качества техники, предназначенной для советско-германской танковой школы «Кама» в Казани, выяснил, что из трёх средних и трёх легких танков, планируемых к отправке, ни один не является серийным. Из достоверных источников получена информация, что конструкция данных танков заведомо устаревшая, поэтому судить по ним о качестве танков, поставленных на вооружение, невозможно. Также прошу подтвердить работу сотрудника советского торгпредства в Германии Сулико Чечева, с которым случайно имею общих знакомых».

Петерс снял трубку телефона.

— Вячеслав Рудольфович, здравствуйте! Есть важная информация... Хорошо.

Полгода счастья пролетели цветным калейдоскопом, так и не насытив сердце любящей женщины, тоскующее будущей разлукой. Марию утешали только глаза Яна, наполненные тем же озером тоски и бездонным чувством вины. В мае 1927 года Лейко провожала своего любимого на вокзале. Только что он держал её руки в своих тёплых ладонях, целовал её губы и локоны, шептал, что вернётся, и вот уже всё это в прошлом. Тилтс ещё виден из уходящего вагона, он машет рукой, что-то кричит ей, но из-за гудка ничего не слышно. Мария пролила слезу и, промокнув её платочком, помахала в ответ. Поезд окончательно утянул вагон с Тилтсом за изгиб дороги, и всё кончилось, теперь надо было учиться жить одной.

— Прощай, Ланселот! — тихо прошептала Лейко и спрятала платочек в сумочку. Она ещё несколько мгновений помедлила, а затем решительно развернулась и, гордо вскинув голову, пошла по перрону к выходу.

Часть 6. ЛИСТЬЯ ОПАДАЮТ

Мария очень страдала, но недолго, видимо, сказался жизненный опыт, она многое пережила, и это облегчало восприятие невзгод. Стоит с ними смириться, как они перестают застилать солнце, позволяют слышать шум улиц и щебетанье птиц в парках. Она вновь с ещё большим усердием окунулась в искусство. К исходу зимы она уже вспоминала о романе с Яном, как о сладком сне, и лишь иногда ночью просыпалась на мокрой от слёз подушке.

В начале марта 1928 года Рейнхардт после очередной репетиции зазвал её к себе в кабинет.

— Мария, я слышал, ты опять снимаешься? — спросил Рейнхардт, усадив её в кресло.

— Да, у Гутера.

- А ты видела мою постановку «Артисты»?
- Конечно! Я видела все ваши спектакли, в которых не участвовала.
- Упрёк принят, но ты частично сама виновата: как ни спросишь, где Лейко — в Риге.
- Ну, Макс!
- Ладно, ладно, — заулыбался Рейнхардт, — молчу. В Вену со мной поедешь? Помощником.
- Опять мистерия?
- Вроде того. «Артистов» там буду ставить. Слышала, Михаил Чехов из России приехал?
- Да.
- Он у меня клоуна Скида будет играть.
- Чехов клоуна?! — изумлённо воскликнула Лейко.
- А почему нет? — ухмыльнулся Рейнхардт. — Михаил тоже удивился, про классику спрашивал.
- Макс, что же вы ему ответили?
- Я сказал, что публика этого сейчас не хочет, но классики ещё вернутся в театр.
- Господин Рейнхардт, вы чрезвычайно убедительны.
- Вот-вот. Так как, поедешь?
- С вами, Макс, хоть в Арктику.
- А что, это мысль!

И вот через много лет Лейко вновь оказалась в Вене, с которой было так много связано: любовь, вхождение в профессию, рождение дочери, знакомство с Манном. Мария усмехнулась, вспомнив о нём, интересно, как он там, но тут же с удивительным равнодушием поняла, что на самом деле уже неинтересно. О Тилтсе она вспоминать боится.

Они с Рейнхардтом приехали за пять дней до премьеры. До их появления актёры репетировали пьесу с ассистентами великого режиссёра, и те были с ними безжалостны. Необходимо было выучивать до автоматизма свои реплики, для того чтобы не забыть их, не сбиться в суматошном представлении среди музыки, вспышек света, мелькающих теней профессиональных акробатов и выполняя ещё и собственные трюки. Особенно доставалось Михаилу Чехову: кроме того, что его учили по клоунски прыгать, скакать, стоящего перед всеми, с ним проводили изнурительные тренировки по правильному произношению немецкого текста, изгоняя из него акцент. Учитывая, что роль клоуна Скида главная, с длинными репликами и проходящая через все четыре действия, Михаилу Александровичу пришлось несладко. Но он был великим актёром.

Рейнхардт был мастером на сюрпризы и приготовил всем подарок и в этот раз: стал проводить репетиции по ночам. Бессонное бдение, по его убеждению, кратчайшим путём доводило актёров до нужного творческого возбуждения. Отпускал он их лишь под утро, и они, взбудораженные, ещё часами бродили по просыпающейся Вене.

Репетиции проходили в большой частной квартире, которую снимал Рейнхардт. Под вечер артисты в обычной одежде рассаживались по стульям, диванам, садились на пол вдоль стен. Мария в назначенный час первая выходила в гостиную, тщательно записывала присутствующих, затем сообщала в кабинет, что всё готово, и присаживалась на углу стола, стоящего перед всеми. Из кабинета появлялся Макс Рейнхардт и Михаил Чехов, артисты всегда встречали их сдержанными аплодисментами, и всегда Рейнхардт коротко кивал и садился на своё место, а Михаил Чехов отвешивал такой изящный поклон, что аплодисменты превращались в овации. Далее начиналась репетиционная рутина. Лейко с огромным интересом наблюдала, и ей вовсе не было обидно, что она не участвует в этом действии, а лишь добросовестно фиксирует события в рабочем дневнике. Она ощущала, что присутствует при некоем таинстве, которое является очередной вехой в развитии театра, и любовалась работой двух театральных великанов: Рейнхардта и Чехова.

Рейнхардт постучал карандашом по столешнице.

— Господа, прошу тишины! — гул голосов стих. — Я уже убедился, что вы все неплохо выучили свои реплики и сценарные движения. С сегодняшнего дня мы приступаем к отработке взаимодействия артистов друг с другом. В нашем спектакле это особенно важно, на сцене всё должно быть гармонично связанным и, заметьте, красивым!

— А костюмы когда будут? — спросил вдруг кто-то.

— На генеральной репетиции всё будет, — невозмутимо отозвался Рейнхардт, — но до неё я собираюсь от вас получить ту пластику и артистизм, которым никакие костюмы не понадобятся. Чтобы вы понимали, чего я хочу, нам поможет Михаил Чехов, выдающийся русский актёр, мастер жеста и слова. Прошу.

Чехов встал и, обойдя стол, вышел на середину гостиной, повернулся к Рейнхард-

ту. Лейко вдруг поймала себя на мысли, что этот худощавый, слегка сутулый человек с курносим носом в данный момент вовсе не выглядел великим артистом, более того, он какой-то блёклый, невзрачный... вот разве что глаза горят как-то особенно?

— Михаил, — заговорил Рейнхардт, — ваш клоун Скид гвоздь, на котором держится всё представление. Сможете представить своим коллегам суть вашего героя?

Чехов кивнул и сделал несколько движений, мгновенно преобразивших его в другого человека. Он выпрямился, как-то по-особому расставил в стороны ноги, будто на них были надеты огромные клоунские ботинки, упёрся руками в бока, расставив локти. Голову повернул в пол-оборота и чуть приподнял подбородок, что-то сделал с бровями, и его лицо вдруг приобрело выражение отрешённой мечтательности и одновременно скорбной наивности. Мария не верила своим глазам, она-то уж точно знала, какую высочайшую степень мастерства явил сейчас Чехов!

— Вот! — вскричал Рейнхардт и вскочил со стула. — Вот оно неуловимое! Запомните, господа!

О том, что произошло на генеральной репетиции, а затем на самой премьере, лучше всего написал сам Михаил Александрович Чехов в своей книге «Путь актера»:

«Генеральная репетиция накануне премьеры. В первый раз костюмы, гримы, свет и полные декорации. По сцене бегают рабочие, два красных и раздраженных помощника режиссера, с достоинством ходит д-р S и суетятся полузагримированные, полуодетые актеры. Я плохо узнаю их, и мне начинает казаться, что среди них есть новые лица, до сих пор не принимавшие участия в репетициях. Приглядевшись, я замечаю целую толпу новых персонажей, загримированных и одетых, как и мы все: это настоящие клоуны и артисты кабаре. Рейнхардт пригласил их для того, чтобы создать атмосферу цирка и позабавить публику. С тоской и нежностью вспомнил я далекий, любимый МХАТ с его атмосферой. Станиславского, на цыпочках ходящего за кулисами, Немировича-Данченко, всегда строгого, но такого доброго и ласкового в дни генеральных репетиций, трепет и волнение актеров и особую, незабываемую тишину этого единственного в мире театра. Весело покрикивая и смеясь, акробаты, жонглеры и клоуны вертелись, скользили по полу, не передвигая ног, падали, не стибаясь, складывались в комочки, спотыкались в воздухе, легко подкидывали тяжелые предметы и не могли сдвинуть с места легких, и все это красиво, смешно и четко. «Боже мой, что же будет с моим неуклюжим прыжком через ногу и жалкими «рыбками» среди этой блестящей компании!»

Но я был так утомлен и подавлен, что у меня не хватило энергии просить Рейнхардта об отмене моих «трюков». Бестолковая нервная репетиция началась. Рейнхардт появлялся то на сцене, то за кулисами, то в зрительном зале. Он волновался и раздражался не меньше других, но искусно прятал свое возбужденное состояние под маской холода и покоя. Даже двигался он медленнее, чем обычно. Репетиция прерывалась каждые несколько минут. На игру никто не обращал внимания. Свет, декорации, костюмы, вставные номера клоунов и акробатов заняли все время. Мой первый «трюк»: прыжок на стол без разбега. Я с грохотом лечу на пол. Испуганный крик партнерши, крик Рейнхардта в зрительном зале и боль в содранных коленях и локтях. Только тут Рейнхардт, заметив, что носки моих клоунских сапог были фута в полтора длиной, отменил все мои «трюки». Репетиция кончилась на рассвете. Вечером премьеры. «Не напились ли?» — подумал было я, но и на это не было достаточно воли.

С тупым равнодушием вышел я на сцену. Циркачи и акробаты имели шумный успех. Прошли первый и второй акты. В третьем — центральная сцена клоуна Skid'a: он произносит эффектный трагикомический монолог.

Я начал. Странно прозвучали для меня самого несколько первых фраз Skid'a: «Совсем не гортанно, не по-немецки... сердечно... должно быть, это и есть «russische Stimme» (русский голос (нем.)) — пронеслось в моем сознании. «И как просто он говорит, совсем не так, как на репетиции. Это, должно быть, оттого, что я не играю. Надо бы сделать усилие... нет, подожду еще минуточку, сил нет... монолог такой длинный». Skid говорил, а мне стало казаться, что я в первый раз по-настоящему понимаю смысл его слов, его неудачную любовь к Vonny, его драму. Усталость и покой сделали меня зрителем своей собственной игры. «Как верно, что голос его такой теплый, задушевный... Неужели от этого создалась такая волнующая, напряженная атмосфера? Зрители насторожились, слушают внимательно... и актеры слушают... и Vonny. На репетициях она занималась только собой. Как же я не видел, какая она славная... конечно, Skid любит ее!» Я следил за Skid'ом со вниманием. Vonny запела у рояля грустную песенку. Я взглянул на сидевшего на полу Skid'a, и мне показалось, что я «увидел» его чувства, его волнение и боль. И манера речи его показалась мне странной: то он внезапно менял темп, то прерывал свои фразы паузами, неожиданными, но такими уместными, то делал нелогичные ударения, то причудливые жесты... «Клоун-профессионал», — подумал я.

В первый раз я увидел в партнерах настоящий живой интерес к словам и к душевной драме Skid'a. С удивлением я заметил, что начинаю угадывать, что произойдет через мгновение в его душе. Тоска его росла. Мне стало жалко его, и в эту минуту из глаз клоуна брызнули слезы. Я испугался! «Это сентиментально, не надо слез, останови их!» Skid сдержал слезы, но вместо них из глаз его вырвалась сила. В ней была боль, такая трагичная, такая близкая и знакомая человеческому сердцу... Skid встал, странной походкой прошелся по сцене и вдруг стал танцевать, по-клоунски, одними ногами, смешно, все быстрее, быстрее... Слова монолога, жаркие, четкие, острые, разлетались по залу, уносились в партер, к ложам, на галерею... «Что это? Откуда? Я не репетировал так!» Партнеры встали с мест и отступили к стенам павильона. «И они не делали этого раньше!» Теперь я мог руководить игрой Skid'a. Сознание мое раздвоилось — я был в зрительном зале, и около себя самого, и в каждом из моих партнеров, я узнал, что чувствуют, чего хотят, чего ждут они все. «Слезы!» — подсказал я танцующему Skid'у. «Теперь можно!» Усталость исчезла... легкость, радость, счастье! Монолог подходил к концу... как жалко, так много еще можно высказать, такие сложные, неожиданные чувства поднимались в душе, так гибко, послушно становилось клоунское тело... И вдруг все существо, и мое, и Skid'a, наполнилось страшной, почти непереносимой силой! И не было преград для нее — она проникала всюду и могла все! Мне стало жутко. Сделав усилие воли, я снова вошел в себя и по инерции договорил две-три оставшиеся фразы монолога.

Действие кончилось. Опустили занавес. Публика, Рейнхардт и даже сам д-р S щедро вознаградили меня за мучения последних дней. Я был благодарен и растроган. Теперь я, что называется, «нашел роль», мука прошла, и я все с большим удовольствием стал играть своего клоуна».

В апреле 1928 года в Венском драматическом театре шло очередное представление «Артистов» с участием Михаила Чехова. Мария не пропускала ни одного. Наступал её один из любимых моментов, со сцены доносится хлопок, топот ног акробатов, мало-различные реплики, мелькают лучи мятущихся разноцветных лучей света. Слышен шквал аплодисментов, и Михаил Чехов выскакивает со сцены прямо к Марии.

— Мария?! Ты как всегда здесь?

— Да, Михаил Александрович! — с трудом вспоминая полузабытый русский язык, ответила Лейко.

— Ну и как?! — отозвался он тоже по-русски.

— Невероятно! — сказала Мария с блеском в глазах.

Чехов довольно кивнул и вытащил из кармана клоунского кармана пачку папирос, открыл и предложил Лейко. Оба отошли вглубь кулис, закурили.

— Мария, — спросил Чехов, чуть склонив голову набок и щуря глаза, возможно от попавшего в них дыма, — я вас видел в кино, вы замечательно играете, почему Рейнхардт не дал вам здесь роль?

— Макс сказал, не мой формат.

— Возможно, он прав.

— Когда-то, — вздохнула Лейко, — я начинала именно с такого формата: эксцентрика, танец, пантомима.

— Да? Очень интересно, хотел бы это увидеть.

— Увы, — развела руками Лейко.

— Не расстраивайтесь, Мария, — махнул рукой Чехов. — Честно говоря, этот прекрасный спектакль и не мой формат, я привык к МХАТу, к проникновенному стилю Станиславского. А какие священные генеральные репетиции он устраивал! Ну, да не будем об этом.

— Как бы я хотела сыграть с вами или с другими русскими артистами. В вас невероятная мощь, своя неповторимая стилистика.

— Так в чём же дело? Я буду рад играть с вами!

— Вряд ли, я сейчас играю в основном в Риге.

— О, это замечательный город, но я так давно бывал в нём, на самой заре моей артистической стези. Там, видимо, многое переменялось?

— Михаил Александрович, главное, что там остались великолепные театральные традиции и тысячи восторженных зрителей. В нашем городе много театров, и русских, и латышских, а какой там русский драматический театр! Приезжайте, сами увидите.

— Заманчиво, — улыбнулся Чехов. — Я подумаю.

— Михаил! — к ним подбежал Рейнхардт. — Вот-вот ваш выход!

— Ох, заговорился! — Чехов протянул недокуренную папиросу Марии и поспешил к сцене.

Рейнхардт повернулся к Лейко.

— Как дела, Мария, не скучаете по сцене?

- Вы же отпускаете меня в Ригу, я там играю.
 - Да, да, – Рейнхардт задумался, а Мария тихо затушила папиросы в стоящей рядом большой пепельнице на треноге.
 - Макс, ваш спектакль это чудо! Ни одно варьете с ним не сравнится!
 - Спасибо, дорогая, от вас это услышать приятнее, чем читать льстивые бредни в газетах. Да, что-то я хотел сказать... Ах, вот, жду вас завтра у себя на обед в Леопольдскроне.
 - О, Макс, это такая честь!
 - Мария, не надо, вы мой давний друг, кому как не вам бродить по аллеям моего парка, смотреть на лебединую стаю в озере и говорить со мной о театре?! А то последнее время ко мне в замок зачистили театральные проныры, хочу видеть родные лица. Я пришлю в гостиницу машину за вами и Чеховым.
 - Спасибо, Макс!
- Но Рейнхардт уже бежал куда-то и лишь махнул рукой, показав, что услышал.

Вскоре Лейко вернулась в Берлин, где Гутер начал съёмку сразу двух фильмов и в обоих предложил ей роли. Она никогда не отказывалась от работы. С бывшим мужем уже давно установились мирные и ровные отношения делового сотрудничества. Дочь выросла, теперь она сама частенько приезжала к отцу, у них были даже какие-то свои секреты, например, дочь возила своего грузина к Гутеру для знакомства. Об этом Марии рассказала Урсула, умоляя не выдавать тайну. Мария и не собиралась, она была рада, что так всё образовалось. Она уже догадывалась, что всё идёт к свадьбе, и после долгих раздумий, решила не мешать дочери строить свою жизнь.

Летом 1929 года Мария, Нора и Сулико пошли на фильм «Броненосец Потемкин» Сергея Эйзенштейна. Весь Берлин валом валил в кинотеатры смотреть этот шедевр. Мария весь фильм сидела с замиранием сердца, вот где сила идеи была оголена и вызывала дрожь души! Когда они вышли из кинотеатра, то встали в стороне от людского потока и долго молчали. Первой не выдержала Нора.

- Мама, ну как?
 - Подожди, Нора, у меня нет слов, это что-то такое колоссальное... На этом фоне мы со своими Носфератами и сыщиками смотримся мелочно. Сулико! – обратилась она к молодому человеку по-русски.
 - Да, Мария Карловна.
 - Напишите в Москву, что публика в восторге.
- Сулико широко заулыбался.
- Непременно, Мария Карловна!

В «чёрный» вторник 29 октября 1929 года случился биржевой обвал в США, положивший начало жуткому кризису, позже названному «Великой депрессией». В мгновение ока обесценились акции тысяч предприятий, банковская система впала в ступор, финансисты и биржевые брокеры сыпались из окон небоскрёбов на тротуары, по всей стране закрывались большие и малые предприятия, миллионы людей оказались на улице без средств к существованию. Словно чума заокеанская экономическая зараза напознала на мир. Германия, чей экономический успех во многом базировался на американских кредитах и инвестициях, пострадала одной из первых и в наибольшей степени. Чрезмерная монополизация производств, злоупотребления и картельные сговоры, огромная диспропорция между спросом и предложением закономерно привели к экономическому краху. Пострадала не только промышленность, но и аграрный сектор, как раз в этом году получивший перепроизводство продуктов, цены стремительно катились вниз, фермеры разорялись дотла, бросали всё и шли в города, а там было не лучше.

В хмурый осенний день в кабинет Рейнхардта влетел возбуждённый, размахивающий руками Эрвин Пискатор. Макс, просматривающий деловые бумаги, недоумённо уставился на нарушителя своего спокойствия.

- Эрвин, в чём дело? – строго спросил он.
 - Макс, катастрофа! Мои оба театра – банкроты!
 - Как банкроты, почему?
 - А так: суд, приставы, и до свидания искусство!
 - Эрвин, успокойся. Воды хочешь?
 - Лучше водки.
- Рейнхардт встал, заботливо усадил гостя в кресло и достал из шкафчика водку и две рюмочки. Они выпили по глоточку, закурили.
- Эрвин, хочешь у меня поработать? – предложил Рейнхардт.
 - Нет! – Пискатор решительно покачал головой. – Ты, Макс, добрый, но всех

разорившихся друзей не прокоришь.

— Это верно, — кивнул Рейнхардт. Они вновь выпили. — Эрвин, но как ты тогда?

— А я из Германии уеду.

— Да куда ж ты поедешь?! Кругом кризис!

— А вот и нет, Макс! — торжественно объявил Пискатор. — Есть огромная страна, плюющая на кризис, в которой процветает искусство!

— Ты про Советскую Россию, что ли?! — Рейнхардт изумлённо уставился на друга.

— Именно!

— Эрвин, ты с ума сошёл? Поговори с Чеховым, там свободный театр зажали со всех сторон.

— Не знаю, вдруг он обижен на власть? Нет, мне сделали чудесное предложение — снять фильм с грандиозными массовыми сценами. Я не могу отказаться. Вот закончу здесь все формальности и уеду.

Рейнхардт пожал плечами и подлил водку в рюмки.

— Ну что ж, давай тогда выпьем за твою удачу.

Мария Лейко становилась всё более популярной актрисой в Риге, ей предлагали главные роли в самых знаменитых пьесах, и она была почти счастлива.

В апреле 1930 года Лейко играла Геду Тесман в пьесе Ибсена «Гедда Габлер», её партнёром на сцене в роли Эйлера Левборга был Альфред Амтман.

Гедда: «Куда же вы теперь направитесь?»

Левборг: «Никуда. Постараюсь только поскорее покончить со всей этой историей. И чем скорее, тем лучше».

Гедда (делая к нему шаг): «Эйлерт Левборг... послушайте... Нельзя ли только... чтобы это было... красиво?»

Левборг: «Красиво? (Улыбаясь.) А! «Увенчанный листвою винограда...» — как вы любили, бывало, представлять себе...»

Гедда: «Нет. Увенчанный листвою... в это я уже не верю. Но все-таки, чтобы было красиво! Хоть раз!.. Прощайте. Уходите теперь... И больше не приходите».

Левборг: «Прощайте, фру Тесман. Кланяйтесь от меня Йоргену». (Хочет уйти.)

Гедда: «Постойте! Надо же вам взять от меня что-нибудь на память». (Идет к письменному столу открывает ящик, вынимает футляр с револьверами и, взяв один из них, подходит к Левборгу.)

Левборг (смотрит на нее): «Этот? Вы его даете мне на память?»

Гедда (медленно наклоняет голову): «Вы узнаете его? Когда-то он был направлен на вас».

Левборг: «Напрасно вы тогда не пустили его в дело!»

Гедда: «Ну вот... теперь можете сами».

Левборг (пряча пистолет в боковой карман сюртука): «Спасибо!»

Гедда: «И помните... красиво, Эйлерт Левборг! Дайте мне слово!»

Левборг: «Прощайте, Гедда Габлер!» (Уходит через переднюю.)

Спектакль окончился, зрительский зал взорвался шквалом аплодисментов, под крики бис и браво уставшие артисты вышли за кулисы театра. К Марии, которая держала тяжёлую охапку цветов, подлетел молодой человек и с поклоном забрал цветущую ношу, Лейко облегчённо вздохнула и благодарно кивнула. Молодой человек воссиял улыбкой, протянул ей коробку с папиросами и убежал вдаль по полутёмному коридору. Амтман с улыбкой проводил его взглядом, Лейко заметила это.

— Способный юноша, талантливый, не так ли, Альфред?

— Даже чересчур, — усмехнулся Амтман. — Последнее время всё время вокруг тебя вьётся.

— Альфред, мальчик просто учтив и, по доброте душевной, оказывает мне мелкие, но приятные услуги.

— Мария, не лукавь, все знают, что этот юноша в тебя влюблён!

— Влюблён? В меня? — переспросила Мария, хитро прищурившись: — А может быть, в чужую славу?

— Что ж, — усмехнулся Амтман, — время покажет, но теперь я за тебя спокоен, — Мария устало улыбнулась и достала папиросу, Амтман щёлкнул зажигалкой. — Кстати, я слышал, Нора замуж вышла?

— Да, вышла, два месяца назад.

— Как зять?

— Очень красивый и немного застенчивый.

— Прости, Мария, но ходят слухи, что он русский!

— Нет, он грузин, — засмеялась Лейко, — но он советский, если ты это имел в виду под словом «русский».

— Мария, как же такое могло произойти?!

— Очень просто, дорогой Альфред, — Лейко пустила струйку дыма в потолок, — любовь!

— Любовь, само собой, — нетерпеливо отмахнулся Амтман. — Как русский грузин и твоя дочь пересеклись в Германии?

— Загадки судьбы, — пожалала плечами Лейко. — Зять работал в советском торгпредстве, в свободное время преподавал русский язык для желающих.

— И Нора с ним на этих курсах познакомилась?

— Точно! — кивнула Лейко.

— Прости, Мария, — не унимался Амтман, — но к чему твоей дочке учить русский язык?!

— Ты знаешь, — задумалась Лейко, — для меня самой это загадка. Возможно, как-то повлияли мои рассказы о её деде?

— Что же такого он говорил, если не секрет? — заинтересовался Амтман.

— Не секрет, — ностальгически улыбнулась Лейко. — Я папе однажды пожаловалась, что русский язык трудный, так он мне наказал, чтобы я его прилежно учила. И добавил: русские — это власть и деньги, немцы — это деньги и власть, а мы, латыши, здесь жили, живем и жить будем. На всю жизнь запомнила.

— Хм, — качнул головой Амтман, — у тебя был мудрый папа.

Недалеко хлопнула дверь, из-за угла вынырнул Урманс Перконс, он радостно заулыбался, увидев их, и, сняв шляпу, подошёл поближе.

— Добрый вечер, господа, простите, что беспокою...

— Незнакомец, это опять вы?! — шутливо нахмурил брови Амтман.

Перконс беспомощно взглянул на Лейко.

— Урманс?! — пришла ему на выручку Мария. — Здравствуйте, давно вас не видела. Что-то случилось?

— Нет, ничего, — он протянул ей конверт. Лейко взяла конверт, на нём не было надписей, она вопросительно взглянула на него. — Это от Тилтса.

У Марии от счастья глаза наполнились слезами.

— Спасибо, Урманс, это такой подарок!

— Рад служить, мадам, — поклонился тот. — Прощайте, Мария.

Перконс исчез так же мгновенно, как и появился.

— Фу ты, как приведение! — качнул головой Амтман. — Мария, очнись.

— Что? Да-да, конечно, ты иди, Альфред.

Амтман вновь озадаченно покачал головой и, поцеловав руку Марии, ушёл. Лейко подошла поближе к свету и распечатала конверт. Там был один листок с коротким текстом, написанным знакомым почерком и припиской от чужой руки. Мария разочарованно нахмурилась и прочитала: «Дорогая моя, мне разрешили сообщить тебе свой адрес до востребования в США (далее шёл текст на английском), теперь мы сможем переписываться. Я так люблю тебя, напиши мне, я отвечу!» И всё. Первым порывом Марии было обидеться, но, вспомнив Тилтса, его открытое лицо и нежные глаза, она вдруг осознала, что, видимо, он не мог написать иначе. Лейко прочитала приписку: «Я Яков Петерс, Ян мой друг, надеюсь, вы меня помните. Будете в Москве, звоните мне домой, всегда к вашим услугам. Вот телефон. Будете писать Тилтсу, припишите обязательно такую фразу: «Передаю привет от Якова. Будут вызывать, не приезжай. Дождись перемен».

Как Лейко добралась до гостиницы, она не помнила, очнулась уже в номере перед чистым листом бумаги. Мария макнула перо в чернильницу и вывела: «Дорогой мой любимый Ян, моя Нора вышла замуж за Сулико и уехала в Россию. Теперь они живут в городе Тбилиси. Нора пишет, что ей нравится и город, и люди...»

В начале 1930 года Михаил Чехов пытался открыть русский театр в Чехословакии, но обещанных ранее субсидий не получил, экономический кризис был в разгаре. Тогда он уехал в Париж, где задумал создать «Театр Чехова» и школу драматического искусства. Его начинания поддержали многочисленные друзья, в том числе и Макс Рейнхардт. В 1931 году был заключен договор об аренде помещения театра «Ателье», начались репетиции. Михаил Чехов был и режиссером, и актёром, и казалось, он достиг того, чего желал: возможности неограниченного творческого самовыражения, но костлявая рука финансового голода догнала его и здесь. Проект пришлось бросить, а сам Чехов в феврале 1932 года с «горькими воспоминаниями» направился в Ригу, в Русский драматический театр.

Поезд в Латвию уходил из Берлина, и Михаил Александрович не мог не посетить своего друга Макса Рейнхардта. Он ввалился к нему в кабинет в шубе и по-русски широко раскрыл объятья. Рейнхардт врывисто вскочил и бросился навстречу. Они обнялись и троекратно расцеловались.

- Молодец! — заулыбался Чехов. — Помнишь русские обычаи.
- Да, ваш Христос любит троицу, — с обаятельной улыбкой ответил Рейнхардт. Чехов изумлённо уставился на него.
- Я что-то не то сказал?
- Нет-нет, Макс, — вновь заулыбался Чехов, — просто ты так кратко и метко... Рейнхардт бросился к телефону, заказывать столик в ресторане, но Чехов его оставил.
- Извини, Макс, я накоротке.
- Что так, ведь поезд вечером? — удивился Рейнхардт.
- Извини, друг, я обещал Жоржете Бонер показать Берлин.
- Она в Берлине?!
- Да, Макс, она ждёт меня в гостинице.
- Понятно, — усмехнулся Рейнхардт, — Жоржета оказалась незаменимой помощницей?
- Да, можно сказать и так. Ну, будет. Расскажи лучше, как тут у вас в театральном Берлине?
- Как и везде, — помрачнел Рейнхардт. — Сборы всё меньше, часть артистов и персонала пришлось уволить. Ужас! Ты не представляешь...
- Представляю, Макс, сам от того же бегу. Нет у меня, как у тебя такой стойкости к административным тяготам. Это я, очевидно, понял и вот еду только играть.
- Неужели ставить не будешь?
- Ну, почему же? — хитро улыбнулся Чехов. — Предложат, поставлю. Кстати, как поживает очаровательная мадам Лейко? Это ведь она меня на Ригу надоумила.
- Немудрено, она там стала национальной звездой.
- О, замечательно! Рад за неё, надеюсь, что сыграю с ней вместе, — Чехов встал.
- Пора мне, друг мой.
- Михаил! — Рейнхардт тоже встал. — Как-то неловко, такая встреча, а ты уже уходишь...
- Ничего, Макс, Бог даст, свидимся. Приедешь в Ригу посмотреть меня?
- Приеду, — кивнул Рейнхардт. — Обязательно приеду, вот только разберусь со своими делами, — он сделал многозначительную паузу. — Мне ведь тоже административные тяготы не по душе.

На рижском вокзале Михаилу Чехову устроили торжественную встречу. Кроме рядовых актеров, журналистов и фотографов явились директора Русского драматического и Латвийского государственного театров со свитами. Он очутился в почти незагроможденной западноевропейскими изысками атмосфере классического русского театра. Постановки Чехова пользовались громадным успехом, а его игра вызывала неизменный восторг публики, пресса его боготворила. За ним охотились журналисты, так как интервью с ним гарантировало благосклонность редактора любой рижской газеты.

Как только весна вошла в полные права, Чехов принял за привычку прогуливаться по парку, обдумывая новую постановку или роль. Впрочем, его вдумчивый вид мог скрывать всё что угодно, он был мастером мимики, и его зоркие глаза с интересом поглядывали вокруг, отмечая реакцию окружающих. Нередко его узнавали, иногда просили автограф, и каждый раз Михаил Александрович выражал такое смущение, что людей брала оторопь от собственного нахальства, и они ещё долго извинялись и откланивались.

В этот день он пришёл рано и уединился в малоприметной аллейке, где у кустов акации стояла замечательная скамейка. Не успел он присесть и, сняв шляпу, подставить солнышку лицо, как рядом объявился пронырливый молодой человек в легкомысленной куртке, в клетчатой кепке и с таким же шарфом на шее. Его прыщавая физиономия с невысказанной мольбой заслонила собой солнце.

— Вы репортёр? — коротко спросил его Чехов.

— Да, — хрипло отозвался журналист и поспешно добавил с прибалтийским акцентом: — Простите, если потревожил, но я прошу хотя бы несколько слов для нашей газеты.

— Какой газеты?

— «Латышский вестник», — молодой человек вдруг нагло, без приглашения приземлился рядом с великим артистом. — К вашим услугам.

— К моим? — ласково усмехнувшись, переспросил Чехов. После вчерашнего блистательно сыгранного Хлестакова в «Ревизоре», им же и поставленном, у него было великолепное настроение. Михаил Александрович кивнул. — Хорошо, спрашивайте.

«Несколько слов» превратились в довольно-таки продолжительную беседу. Прыщавый репортёр оказался настолько сведущим в рижской театральной жизни, что заинтересовал даже Чехова. Наконец, спохватившись, Михаил Александрович посмо-

трел на часы и покачал головой.

— О, время, как оно текуче! — протянул он и взглянул в глаза репортёру. — Значит, так, интервью без моего одобрения не печатать!

— Непременно-с! — радостно закивал репортёр.

— И обязательно процитируйте мои последние слова. Ну-ка, прочитайте. Я послушаю, что вы записали.

Журналист с готовностью поднял блокнот к глазам и, слегка запинаясь от волнения, прочитал: «Большие народы рухнут под игом материализма и жажды власти, возрождение искусства придёт через малые народы. Латыши стоят на перекрестках Европы. Если только большие народы не поглотят или не растворят в себе этот древний, столетиями к земле пригнетенный народ, пробужденные в нем искусство и духовная культура засияют повсюду».

Чехов в такт словам кивал.

— Всё точно, — одобрил он и встал. — До свиданья, юноша.

Чехов пошёл по дорожке, а светящийся счастьем от невероятной удачи репортёр восторженно смотрел вслед.

Рейнхардту было 57, он ворчал, жаловался друзьям, что уже нет желания работать, хотя, на самом деле, ставил спектакли один за другим. Его старые и новые постановки: «Король в Америке» Шоу, «Феа» Франца фон Унру, «Тварь» и «Елизавета Английская» Брукнера шли на сценах Немецкого, Камерного театров, в Театре комедии, в венском Йозефштадтском театре и на ежегодных Зальцбургских фестивалях. Но знатоки его творчества морщились на этих «приторно-сладких зрелищах», поговаривая, что он угождает публике, что больше не будит доброе, не зовёт к высокому, лишь развлекает и что нынешний Рейнхардт больше уже не тот Рейнхардт. Может быть, так оно и было, но ведь «бизнес» шёл великолепно! Старость нужно обеспечивать, это общеизвестная аксиома.

И вот, словно в ответ своим критикам, Рейнхардт в июне 1931 года явил Берлину обновлённую «Прекрасную Елену» Оффенбаха. Премьера этой яркой и безудержно веселой оперетты поразила невероятными танцами, изящными декорациями и изысканными костюмами. Знатоки благосклонно «вспомнили» прежнего Рейнхардта, но говорили при этом, что такой спектакль — это пир во время чумы, намекая на неужеримо ползущий к власти нацизм.

И тогда в феврале Рейнхардт поставил пьесу Гауптмана «Перед заходом солнца». Он так раздвинул рамки «семейной драмы» до масштабов широких исторических обобщений, что новой власти это не понравилось, Рейнхардт попал в опалу. Как по команде в берлинских газетах появились критические и просто злобствующие статьи, намекающие на неарийское происхождение Рейнхардта. В апреле 1932 года состоялась пресс-конференция Рейнхардта. Журналисты пытали его о будущих творческих планах, а он вдруг неожиданно для всех заявил, что окончательно покидает Немецкий театр. «Я сделал для него всё, что мог, — сказал он, — и больше ничем не могу быть полезным». На следующий год он покинет Германию, так как, будучи по происхождению евреем, оставаться в ней не представлялось возможным.

Он уедет сначала на свою родину — Австрию, затем переберётся во Францию. В конце 1938 года он уедет в США, где откроет театральную школу в Голливуде, будет снимать фильмы. В Европе он уже не вернётся.

Но до своего отъезда он ещё успеет выполнить обещание и посетит Ригу, где играл его русский друг Михаил Чехов.

Творческая судьба Глазунова (Глазникса) Освальда Федоровича в Москве складывалась удачно. В 1932 году его театр-студию реорганизовали в латышский государственный театр «Скатувэ» и предоставили право летних гастролей в места компактного проживания латышей в Белоруссии, на северо-западе СССР, на Урале и в Сибири. При театре существовала театральная студия, где занимались молодые актёры, кроме того, новому театру поручили оказывать творческую помощь латышским театрам в Ленинграде, Смоленске и драмкружкам во многих других городах страны. Статус Глазникса возрос до солидного государственного чиновника от культуры. И он рьяно выполнял свою работу и, наверное, был счастлив.

30 января 1933 года рейхспрезидент Гинденбург назначил Адольфа Гитлера рейхсканцлером Веймарской республики. Неожиданную покладистость Гинденбурга некоторые историки объясняют попавшим в руки нацистов компроматом на его сына Оскара, злостно уклоняющегося от уплаты налогов. Считается, что Гитлер при личной встрече заверил Гинденбурга, что когда он станет рейхсканцлером, дело будет тут же «похоронено». Впрочем, вряд ли это сегодня столь важно.

В тот же день Герман Геринг выступил по радио и заявил, что начинается новая история Германии. И трудно с ним не согласиться.

С 14 июля 1933 года Германия будет объявлена однопартийной, все партии, кроме НСДАП, будут распущены. Одновременно начнётся реформирование экономики и реорганизация в сельском хозяйстве. Германия в бешеном темпе начнёт производить вооружение и создавать продовольственные резервы. Страна развернётся навстречу войне.

В сентябре 1934 года на «победном» VI съезде НСДАП в Нюрнберге состоится многотысячное празднество, которое своими масштабами, ночными факельными шествиями и парадами поразит весь мир. Гитлер, как всегда, выступит очень эмоционально, облекая вполне обычные слова или лозунги в некую нервную магию, например: «Великие бедствия нашего народа подняли нас на борьбу, объединили наши силы и возвысили нас. Нас никогда не поймут те народы, что не испытали подобных лишений». Или: «Мы умрём, но за вами — будущее... Впереди нас, вокруг нас, позади нас — везде Германия».

Просто и даже примитивно, а народ будет плакать от восторга и трудовая армия из 52 тысяч молодых мужчин в военной форме с лопатами скандировать: «Один народ, один фюрер, один Рейх».

Но это будет через несколько месяцев, а пока заканчивался январь 1933 года.

Утром 31 января 1933 года Мария Лейко в халате вышла из спальни в гостиную, улыбнулась солнышку в окне и сладко потянулась. На столе уже стоял кофейник и булочки, рядом лежала газета. «Странно, — подумала Мария, — я никогда не читаю газет за завтраком. Я их вообще не читаю!» Лейко хотела рассердиться, но тут её взгляд упал на огромную фотографию Гитлера на первой полосе газеты, Мария застыла в ступоре. Придя в себя, она схватила газету и прочла заголовок: «Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером». Лейко выронила газету из рук и беспомощно оглянулась на дверь кухни. Она понимала, что всё придётся решать ей самой, что помощи и совета ждать неоткуда, и оттого было страшно. К власти в Германии пришли фанатики из пивной, она до сих пор с содроганием вспоминала этот многоголосый ор толпы и фанатично горящие глаза Гитлера. Теперь ей предстояло бросить ставший родным Берлин и уехать, так ей наказал и Манн, и Тилтс, и она не могла их послушаться. Лицо женщины стало решительным, она села за стол и налила в чашку кофе. Предстояло много дел, связанных с переездом в Ригу.

Вечером Лейко беседовала с Урсолой и выглядела расстроенной.

— Урсула, но почему?! Мы же вместе жизнь прожили!

— Нет, мадам, — Урсула упрямо покачала головой, — не поеду. Я вас очень люблю, но останусь в Германии, — она с надеждой посмотрела на свою хозяйку. — Мадам, а может, зря? Разве вам плохо в Германии?

— Нет, мне в Германии хорошо, но... — Лейко запнулась, подбирая слова, — но я давно хотела вернуться на родину, всё откладывала...

— Родина — это святое, — понимающе кивнула Урсула.

— Мне будет тебя не хватать, Урсула.

— И мне, — Урсула всхлипнула.

— Вот видишь, — сердито заговорила Мария, — нам обоим больно!

— Да, очень! — опять всхлипнула Урсула. — У меня ведь кроме вас никого нет. Так, дальние родственники. Моя семья — это вы и Нора, но я не могу уехать.

— Урсула, дорогая, ну что тебя здесь держит, скажи?!

Слёзы на глазах Урсулы вдруг высохли.

— Мой муж и родной брат погибли на войне, родители умерли с голоду. Германию растоптали, а сейчас вокруг разом всё изменилось, словно немцы взяли и встали с колен. Я чувствую, как другим стал воздух, я радостно вдыхаю его, он наполняет меня возрождением. Теперь мне гордо жить в моей стране! Фюрер обещает немцам великое будущее, я верю ему и хочу в этом участвовать. Простите, мадам.

Мария удрученно покачала головой. Подобные речи она теперь часто слышала на улицах, в кафе и даже у них в театре. После ухода Рейнхардта она бывала там редко, ролей для неё новое руководство не предлагало, так что и здесь терять было нечего. Лейко вздохнула и встала.

— Я надеюсь, что бог на твоей стороне, Урсула.

— Конечно! — Урсула бодро вскочила. — Он теперь на стороне всей Германии. Мы ещё покажем этим лягушатникам и англичанам!

Ликвидировав все свои дела в Берлине, Лейко переехала в Ригу. Все её здешние друзья и почитатели восприняли это как само собой разумеющееся, ведь она и до этого подолгу жила в родном городе. Первое время и для Марии жизнь оставалась преж-

ней, не сразу в её сердце вошло понимание, что прошлое окончательно определилось, а будущее ещё не оформилось. Поэтому, продолжая жить в своём персональном номере, который отель уже несколько лет держал специально для неё, гуляя по любимому с детства городу, она жила с ощущением приближения новых перемен, после которых всё определится.

Днём, в перерывах между репетициями, она обедала в местном ресторанчике, где недорого и вкусно кормили артистов. Она вошла, стряхнула с шубы снег, зима перед весной решила показать свой коварный прибалтийский характер: ещё вчера кое-где пробивалась молодая травка, а теперь крупные белые хлопья завалили улицы, а уши прихватывал морозец. Амтман увидел её и призывно помахал рукой.

- Здравствуй, Мария!
- Здравствуй, Альфред. Ты давно здесь?
- Только что сделал заказ. Хочешь, попрошу удвоить, чтобы тебе не думалось.
- Нет, спасибо, я салатик и кофе.
- Понятно, — усмехнулся Амтман. — Сочувствую.
- Я привыкла, — пожала плечами Лейко.

Разговор вошёл в обычное русло о новых постановках, проблемах реквизита и декораций. Амтман всегда был откровенен с Марией потому, что она часто рассказывала, как в подобных ситуациях поступал Рейнхардт.

— Ты знаешь, — оживился вдруг Амтман, — а ведь незадолго до твоего приезда в Ригу Макс Рейнхардт приезжал, специально чтобы Михаила Чехова посмотреть.

— Да, знаю. Жаль, что я его не застала, — Лейко помрачнела. — Разбросала нас судьба.

— Кого?

— Да почти всех, кого я в Берлине знала. Представляешь, Альфред, все уехали: Мурнау, Манн, Рейнхардт, Пискатор, Брехт, Джо Мэй. Никого не осталось. Ужас.

— Ну, я думаю, тебе лучше, чем им.

— Почему же?

— Ведь ты вернулась в родную Ригу, а не в чужой город!

— Да, ты прав! — Лейко заулыбалась. — Я хожу по улицам и чувствую себя счастливой. Только улицу Альберта избегаю.

— Почему? — удивился Амтман. — Это самая красивая улица Риги!

— Там бывшая отцовская квартира, — погрустнела Лейко, — мне печально.

Амтман понимающе кивнул.

— Мария! — заулыбался он. — Хочешь, я тебя развеселю? — Лейко вопросительно посмотрела на Амтмана, потом улыбнулась и кивнула. — В наших театральные закулисах ходили упорные слухи, что ты собиралась выходить замуж за немецкого офицера.

— Замуж?! — Лейко засмеялась. — Вот уж действительно насмешил! Нет, как когда-то я сказала Гутеру, муж у меня уже есть — это театр.

— Красиво, — кивнул Амтман — Кстати, Мария, ты в курсе, что Гутер уехал в Германию?

— В Германию? — удивлённо переспросила Мария. — Господи, что же вы его не удержали!

— Удержишь его, как же! Его рижская киностудия обанкротилась, ну, он и обиделся на целый свет.

— Гутер талантливый режиссер, но продюсер из него никакой...

— Ну что, Мария, возвращаемся на репетицию?

— Да, пора.

Жизнь Марии в Риге не была скучной, она с удовольствием принимала приглашения почитателей и друзей на совместные ужины, продолжающиеся до позднего вечера. Вечером оставалось время только на то, чтобы лечь спать, что вполне её устраивало. Лишь когда надо было ответить на письма Тилтса или Норы, каждый раз приглашающей её в гости в далёкую Грузию, она сторонилась общения и уединялась. Отказывалась она от общения и во время подготовки к новой роли. Сегодня был как раз такой день, Лейко уютно устроилась в глубоком кресле и читала пьесу. Неожиданно в дверь постучали. Мария поморщилась, она не любила поздние визиты, тем более что все её друзья это знали и старались лишний раз в такое время её не беспокоить. Стук в дверь повторился. Лейко вздохнула и пошла открывать.

За дверью оказался плотный невысокий мужчина в дорогом пальто с бобровым воротником, с тростью и портфелем, с усами и бородкой, щедро тронутыми сединой. Сначала Мария удивилась и даже рассердилась, но что-то смутно знакомое почудилось ей в этом госте. Гость снял шапку и поклонился.

— Здравствуйте, Мария Карловна, не извольте сердиться, я по делу.

— Простите, но я... мы знакомы?

— Не узнаете меня? — улыбнулся незнакомец. — Немудрено, столько лет прошло. Позвольте представиться — Николай Дмитриевич Соколов — адвокат. Когда-то, очень давно, я общался с вами по поводу дела Йоханеса Гутера...

— Ой! — вскрикнула радостно Лейко. — Да, да, я вспомнила! Боже мой, Николай Дмитриевич! Какими судьбами? Проходите.

— Благодарю, — Соколов вновь поклонился. Он неторопливо разделся и вслед за хозяйкой прошёл в комнату. Соколов огляделся, прошёл к столу и красноречиво приподнял портфель. — Вы позволите?

— Да, пожалуйста, — кивнула Лейко и села напротив.

Соколов выложил папку, завязанную тесёмкой, и положил на неё ладонь.

— Мария Карловна, здесь документы на вашу квартиру.

— Мою квартиру? — недоумённо посмотрела на него Лейко.

— Бывшую, конечно. Видите ли, волею судеб, как я первый раз занялся её продажей, так все эти годы и продолжал, так сказать, её курировать. Вашу квартиру перепродавали с моей помощью три раза. Последние жильцы — немецкая семья, приятнейшие люди, но они уезжают.

— Куда уезжают? — машинально спросила Лейко.

— В Германию, на родину предков, как они говорят. Да будет вам известно, что сейчас такие времена, всех немцев созывают со всего мира обратно в Фатерланд — в смысле на историческую родину, и почти все уезжают. Знаете, что странно, не хотят, плачут, а уезжают, поверьте, я знаю, много раз видел.

— Я верю, — тихо сказала Лейко, — сама плакала, когда уезжала из Берлина.

— Да-с, — кивнул Соколов. — Так вот, Мария Карловна, у меня право поиска покупателя и продажи, и я предлагаю вам купить эту квартиру. Будьте уверены, по самой выгодной для вас цене.

— Боже мой, — Мария прижала руки к груди. — Это невероятно — папина квартира!

— Да, удивительное совпадение, хотя как посмотреть, — Соколов развязал тесёмки на папке. — Я гарантирую, все документы в порядке. Я понимаю, Мария Карловна, что у вас может не быть сразу такой суммы, поэтому готов предложить вам рассрочку.

— Рассрочку? Да что вы! У меня есть деньги. Конечно, я готова выкупить эту квартиру! Но, Николай Дмитриевич, как же вы меня нашли?!

— Видите ли, Мария Карловна, я давно заядлый театрал. Теперь, когда дети выросли, а жена моя упокоилась три года назад, я весь досуг посвящаю рижским театрам. Мне ли не знать, что вы вернулись в Ригу!

— Николай Дмитриевич, а какие вам театры больше всего по душе?

— Вы уж извините, но я неоригинален — люблю классику, хотя смотрю все премьеры. Это всенепременно! Вас, Мария Карловна, обожаю.

— Николай Дмитриевич, вы меня в краску вгоняете.

Соколов вдруг встал и одёрнул пиджак.

— Мария Карловна, я прошу меня простить за вольность, а можно я буду вашим Ланселотом?

— Нет! — воскликнула Мария испуганно. — Ланселотом нельзя!

Соколов побледнел.

— О, простите великодушно старика, ляпнул сдуру. Считайте, что я ничего не говорил.

— Ну, уж нет! — улыбнулась Лейко. — Да вы садитесь, Николай Дмитриевич, вы не обращайте внимания на мою реакцию, это глубоко личное. Второй раз вы встречаетесь в моей жизни и всегда с добрыми вестями. Я искренне рада вам.

— Может быть, — неуверенно начал Соколов, — тогда я осмелюсь предложить вам просто свою дружбу?

— С удовольствием принимаю. Знаете, Николай Дмитриевич, мне вас, наверное, бог послал.

Скоро Лейко переехала в свою квартиру и с восторгом нашла там несколько обветшалые, но такие родные прихожую из красного дерева, одёжный шкаф в спальне, буфет в гостиной. Ей было здесь так тепло и радостно, словно она вернулась в свою юность, и она безмерно была благодарна Соколову, скромному и ненавязчивому, всегда готовому прийти на помощь или снабдить добрым советом.

Незаметно шло время, минула весна, клонилось к закату лето, скоро Марии должно было исполниться сорок шесть. Мария загрустила, тянущее в тоску одиночество всё чаще вырывалось наружу. Чуткий Соколов всё понял. Накануне дня рождения он заявился к ней домой с букетом шикарных роз и с порога объявил, что завтра её ждёт большой сюрприз, поэтому она должна выглядеть обворожительной королевой к шести вечера. Лейко лишь благодарно улыбнулась и кивнула, ей стало легче и спокойнее

от того, что есть кому о ней заботиться.

Соколов привёз Марию на авто к дорогому ресторану и провёл в банкетный зал. Он был весь уставлен цветами, и её встречали близкие ей люди: Михаил Чехов, Мьерлаук Алексис, Мария знала, что ему нездоровится в его 67 лет, поэтому особенно благодарила его за внимание, обняв его, также присутствовали Эдвард Смильгис, Альфред Амтман с супругой и много других друзей и знакомых. Первый тост предоставили Чехову.

— Мария, позволь в день твоего дня рождения открыть великий секрет: ты великая актриса! За тебя, дорогая коллега!

Все шумно поддержали. Зазвенели бокалы, послышались радостные реплики. Бесшумно сновали официанты. Из-за стола поднялся Амтман и, многозначительно посто-яв, добился, чтобы шум стих.

— Мария, — начал он проникновенно, подняв бокал, — однажды, в далеком 1906 году, я услышал от тебя: «Я так счастлива!» Помнишь?

— Да, помню! Кажется, мы играли вместе в пьесе «На дне»?

— Совершенно верно, — кивнул Алексис.

— Мария, — прервал его вдруг Смильгис. — Я протестую!

— Эдуард, — повернулся к нему Амтман, — и по какому же поводу?

— Я тоже тогда играл с Марией! — изобразил из себя обиженного Смильгис.

— Милый Эдуард, — засмеялась Лейко, — ты был самым красивым Васькой Пеплом, которого я когда-либо видела.

— Протест снимается, — серьёзно объявил Смильгис.

— Тогда я продолжу, — заговорил вновь Амтман, когда смех утих. — Так вот, Мария, я давно живу на свете, поэтому смею задать тебе непростой вопрос: ты была в своей жизни счастлива хотя бы ещё раз?

Все затихли, выжидательно смотря на Марию. Она задумчиво улыбнулась.

— Да, была и не раз, — ответила она негромко. — Однажды я была счастлива целых полгода... — Лейко задумалась, заглядывая в своё прошлое, все притихли. — Кто-то скажет, недолго, — заговорила вновь Мария, — но ведь у меня есть театр! Для меня театр — это райский сад, в котором невозможно быть несчастной! — она грустно улыбнулась. — Правда, я стала замечать, что в моём саду уже опадают листья, но ведь большая часть листвы ещё на ветках? — Лейко заметила устремлённые на себя добрые взгляды и улыбнулась. — А знаете, я и сейчас счастлива. У меня такие замечательные друзья, я вновь в Риге, моя дочь Нора ждёт ребенка... Что ещё нужно для счастья?

Все радостно заговорили, вновь зазвенели бокалы. Среди весёлых лиц лишь на мгновение мелькнуло грустное лицо Соколова, когда он украдкой бросил на Марию влюблённый взгляд, но она его заметила.

Поздно вечером Соколов провожал её до квартиры. Мария радостная, слегка пьяная вошла в гостиную, смеясь и пританцовывая, закружилась. Соколов, с охапкой цветов затаил дыхание и замер у дверей, любуясь женщиной. Она остановилась перед ним и вдруг поцеловала в щёку.

— Ах, Николай Дмитриевич, вы мой ангел-хранитель! Спасибо вам за этот чудесный праздник! — она отбежала от него и с размаха опустилась на диван. Она посмотрела на него и вдруг улыбка сбежала с её лица. — Николай Дмитриевич! Я такая эгоистка, ведь это, наверное, страшно дорого?

— Дорогая моя Мария! Что может быть дороже предмета обожания? — Соколов, не выпуская из рук цветов, вдруг опустился на колени. — Я так люблю вас, что готов кинуть к вашим ногам даже свою жизнь.

Мария испуганно вскочила.

— Боже мой, Николай Дмитриевич, что вы такое говорите?!

— Что на сердце, то и говорю, — ответил он, упрямо мотнув головой.

Мария застыла, пристально смотря на коленопреклонённого мужчину, потом медленно направилась к нему, жадно лоящему её взгляд. Она подошла вплотную и медленно опустилась на колени. У Соколова цветы выпали из рук, Мария протянула ладони к его лицу, тот в неге прильнул к ним губами. Мария спрятала руки за спину.

— Знаете, Николай Дмитриевич, — сказала она еле слышно, — один мой друг сказал как-то: «Запомни, Мария, дружба женщины и мужчины — это миф». Наверное, он прав?

— Он прав! Это мука — дружить с той, которую желаешь.

Прошло мгновение, и они слились в поцелуе.

Часть 7. МЁРТВЫЙ САД

К концу тридцатых годов в Европе буйным цветом расцвели тоталитарные режимы, основанные на идеологии фашизма или на идеях национализма или дикой смеси того и другого. Германия, Италия, Болгария, Испания, Португалия, Венгрия, Румыния, Греция, Польша. Просвещённая Европа принимала эти страны без комплексов, полагая, что всё, что не коммунизм, то хорошо. Латвия недолго оставалась тихой и уютной заводью демократических традиций, но когда и по ней ударил кризис, власти испугались нарастающего влияния левых партий и сделали ставку на национал-патриотические организации. Самой многочисленной из них была организация «Айзсарги» («Охранники»). В ночь с 15 на 16 мая 1934 года Ульманис ввёл в Ригу отряды «айзсаргов» и произвел государственный переворот. В Латвии ликвидировали сейм, запретили все партии и профсоюзы, оставили только лояльные власти газеты.

Осенью 1934 года Янис Тилтс зашёл в помещение почты и склонился к окошку.

— Мадам, моя фамилия Тилтс, посмотрите, пожалуйста, мою почту до востребования.

Девушка в окошке перебрала конверты в ячейке и заулыбалась.

— Вам письмо, сэр!

Тилтс, едва сдерживая нетерпение, схватил письмо и выскочил на улицу. Там шёл противный осенний дождик, но он не замечал его, рассматривая обратный адрес с именем Марии Лейко. Лишь когда с его шляпы на конверт упала капля воды, он ускорила шаг и нырнул внутрь большой американской машины. Хлопнув дверцей, он быстро распечатал конверт и в его голове словно зазвучал голос любимой женщины: «Здравствуй мой дорогой Ланселот! Ты, наверное, слышал, теперь и у нас в Латвии есть свой вождь и отец нации — Карлис Ульманис. Он весной устроил военный переворот, распустил парламент, отменил партии, закрыл газеты. Все сначала испугались, а теперь привыкли, тем более что Ульманис театры не трогает. Так что у меня всё хорошо. Кстати, теперь я живу в Риге в той же самой квартире, в которой прошло моё детство. Представляешь?! В кино больше не снимаюсь. Оно теперь звуковое и этим пугает меня. Я привыкла говорить с экрана пластикой и чувствами, а теперь всё нужно объяснить словами... Наверное, я просто несколько устарела, но зато я почти каждый день играю в театре и счастлива этим. Нет, прости, не только этим. Так уж вышло, что я опять влюбилась. Это не та любовь, что сводила меня с ума от мысли о разлуке с тобой, это что-то почти детское, простое и непосредственное. Может быть, это просто бегство от одиночества? Ян, я всегда тебя помню. Моя любовь к тебе спит в глубине сердца необъятным солнцем. О, если бы ты позвал меня, милый Ланселот! Прощай, Ян».

Тилтс в бессильной ярости скомкал письмо и уронил голову на руль, из его глаз закапали слёзы, а за окном вдруг яростно зашелестел холодный ливень.

Той же осенью в центральную контору МОРТ вошла Анна Лацис. Зайдя в приёмную, она увидела на огромной двери, обитой дерматином, табличку с надписью: «Эрвин Иоганнесович Пискатор — председатель МОРТ».

Пожилая секретарша оторвалась от пишущей машинки, вернув тишину в помещение и вопросительно посмотрела на Лацис.

— Товарищ, — спросила секретарша, — вам кого?

— Товарищ Пискатор у себя?! — отозвалась Анна строгим голосом.

— Сегодня не приёмный день! — торжествующе прищурилась секретарша. — И запись на приём уже закончена.

— Вот что, товарищ! — Лацис резко наклонилась к секретарше, оперевшись руками о столешницу, стол качнулся, в пустом стакане жалобно звякнула ложечка. — Я старый боевой товарищ Пискатора ещё по Германии! Прошу немедленно его оповестить обо мне! Секретарша, открывшая было рот для очередного отказа, замерла и призадумалась. Слово Германия её очень насторожило, она нехотя протянула руку к телефону.

— Эрвин Иоганнесович, извините, но к вам очень хочет попасть женщина.

— Какая ещё женщина? — донёсся из трубки мужской голос с заметным иностранным акцентом.

— Утверждает, что ваш боевой товарищ по Германии.

Возникла долгая пауза.

— Как зовут? — проснулся голос.

Секретарша вопросительно посмотрела на Лацис, та громко сказала:

— Эрвин, это я, Анна Лацис.

Пискатор услышал.

— Впустите, — коротко скомандовал он, и Анна, не мешкая, распахнула дверь оби-

тую дерматинном.

Кабинет оказался просторным, со старомодной массивной мебелью. Пискатор восседал за огромным почти пустым столом и с мрачным видом держал в руках карандаш. Прямо над ним висел портрет Сталина, а под ним плакат с надписью: «МОРТ — Международное объединение рабочих самодеятельных театров». Пискатор выжидательно уставился на неожиданную гостью, карандаш в его пальцах нервно дёрнулся.

— Здравствуйте, Эрвин.

— Здравствуйте, — довольно сухо ответил Пискатор. — Чем обязан?

Анна бесцеремонно уселась в кресло напротив, достала пачку папирос и закурила. Пискатор поморщился, но промолчал и чуть погодя откуда-то снизу достал большую пепельницу.

— Вообще-то у меня не курят, — сказал он беззлобно, стукнув пепельницей по столешнице.

— Ну, и зря! — усмехнулась Лацис и стряхнула пепел. — Эрвин, я хочу у вас работать.

— Вы?! — Пискатор удивленно откинулся на спинку кресла.

— Да! Я вполне подхожу в вашу контору по характеру образования и роду трудовой деятельности. Разве не так?

— Хм, — задумался Пискатор, — в этом смысле, может быть... но у меня все вакансии заняты.

— Нет! Я точно знаю, у вас нет заместителя!

— И что?

— Я им буду!

Пискатор нахмурился и уже собирался послать нахапку куда подальше, но замер от внезапно пришедшей в голову мысли. Он помолчал и вдруг радушно заулыбался.

— А что, почему бы и нет? Поедете в город Энгельс для руководства строительством антифашистского культурного театра?

— Да хоть на Камчатку! — Анна достала новую папиросу. — Когда выезжать?

— Не спешите, Анна, это чуть позже. Сначала я съезжу на пару недель за границу по линии международных контактов, а вы меня тут позамещаете. Хорошо?

— Нет проблем!

Январь 1935 года, на железнодорожный вокзал Парижа ранним утром прибыл поезд, пыхта и исходя паром, он со скрежетом остановился. Из всех вагонов хлынули пассажиры, но один вагон с красной звездой на борту и надписью СССР пока стоял безмолвный. Наконец, когда платформа почти опустела, дверь вагона открылась. Из него первым спрыгнул Пискатор с саквояжем и глубоко вдохнул парижский воздух, пропахший угольной копотью и солидолом. Застыв на месте, он глупо улыбался, следующий пассажир вынужден был его слегка подтолкнуть. Так же как и Пискатор, он тоже встал рядом, опустил чемодан и развёл руками.

— Париж! — выразительно сказал пассажир.

Пискатор перестал улыбаться и оглянулся на соседа.

— Да, Париж, — пассажир достал папиросы, протянул Пискатору. — Спасибо, я не курю.

Пассажир закурил.

— Вы по какой линии? — спросил он, пустив в небо дым.

— По культурной.

— О! — пассажир покачал головой. — Здорово! А я по торговой части, — пассажир опять затянулся. Пискатор всё ещё не уходил, его лицо выдавало напряжённую работу мысли. Паузу опять прервал пассажир: — Простите, а вы надолго приехали?

— Навсегда! — крикнул с озорной лихостью Пискатор и, подхватив саквояж, быстро пошёл прочь.

Ему вслед смотрели застывший от удивления пассажир и проводница со злым взглядом.

В феврале 1935 года в квартиру Марии Лейко постучала беда и мигом смыла с её жизни покой, словно его и не было. Слово счастье, которое она иногда позволяла себе произносить, скукожилось и обросло шипами, словно говоря: «Я редкий гость, и после меня жди горести». Сегодня утром принесли телеграмму: «Нора скончалась при родах. Родилась девочка, с ней всё в порядке».

Мария безудержно плакала за столом, положив голову на руки. Рядом стоял печальный Соколов и поглаживал женщину по вздрагивающему в рыданиях плечу.

— Боже, за что?! — время от времени причитала Лейко. — Моя девочка! Как же так!

И вновь принималась рыдать.

Соколов привёл днём доктора, и тот дал успокаивающие таблетки. Теперь Лейко сидела за столом, закутавшись в платок, с отсутствующим взглядом. За окнами темно, перед Марией стояла чашка с давно остывшим чаем и тарелка с печеньем. Рядом за столом сидел осунувшийся Соколов.

— Мария, умоляю, попей чаю, ты целый день ничего не ешь и не пьешь!

— Что? — спросила женщина отрешенно. — Да, конечно...

Лейко поднесла чашку к губам, но тут же поставила её назад, вновь застыв в трансе скорби.

— Мария, иди приляг, нам завтра рано вставать на поезд.

— Поезд! — встрепенулась Лейко. — Да, конечно, ты прав, Николай, мне надо поспать.

Соколов подскочил, помогая ей подняться, и повёл к двери в спальню.

На следующее утро они стояли у вагона на вокзале Риги, настолько близко друг к другу, насколько это позволяли приличия. Лейко едва сдерживала себя, чтобы не зарыдать.

— Мария, золото моё, может быть, мне всё-таки надо было поехать с тобой?

— Нет, Николай, — Лейко всхлинула и промокнула платочком уголки глаз. — Тебе нельзя бросать своих клиентов, а мне одной будет легче, — она поцеловала его в щёку. До свиданья, дорогой мой друг, жди меня с внучкой. Не провожай меня дальше.

Соколов горестно кивнул и, склонившись, нежно поцеловал её руку, Мария погладила его по щеке и, подхватив чемодан, вошла в вагон.

Лейко не выходила из своего купе с персональной туалетной комнатой и ела то, что приносил ей сердобольный проводник, с которым перед отъездом поговорил Соколов и успел сунуть ему купюру. Мария больше не плакала, она впала в сложное состояние небытия, когда всё вокруг кажется ненастоящим, даже собственное существование. Чёрная пыль известия о смерти дочери всё ещё отторгалась душой, и лишь сознание устало покрывалось тёмными проплешинами безысходного горя, теперь оно всегда будет с нею.

Проехали границу СССР, пассажиров пригласили в специальный зал для въезжающих иностранцев, где проверили паспорта и документы на въезд. Мария протянула пограничнику паспорт и бланк телеграммы, предусмотрительно заверенный Соколовым в советском консульстве. Тот долго его рассматривал, потом о чём-то тихо поговорил со своим начальником. Время от времени они посматривали на невозмутимо равнодушную Марию, потом в очередной раз листали её паспорт и гляделись в консульские печати. Наконец, зазвучал телефон, начальник выслушал вердикт и кивнул пограничнику, тот поставил штамп в паспорт и со служебной улыбкой протянул документы Марии.

— Спасибо, — машинально сказала Лейко.

— Мадам! — окликнул её начальник пограничника.

— Да?

— Вон в том окошке, — он кивнул на конторку, у которой стояла небольшая очередь иностранцев, — советую поменять валюту.

Мария кивнула и безропотно прошла к очереди за валютой. Пограничники переглянулись и сочувственно покачали головами.

Словно сновидения пронеслись городки и деревни, убелённые снегом мохнатые хвойные леса и берёзовые рощи, застывшие чёрно-белым частоколом у голубого неба. Поезд въехал в Москву. Лейко несколько оживилась, ведь теперь ей предстояло добираться в далёкую Грузию. Мысли о внучке были единственным светлым лучиком среди тоскливого мрака, лишь они помогали не сойти с ума от горя. Руководствуясь инструкциями приветливого проводника, она на таксомоторе добралась до Курского вокзала. Было ещё раннее утро, поэтому работала только одна касса. Отстояв небольшую очередь, Лейко заглянула в окошко.

— Как это нет билетов? — переспросила она растерянно с заметным прибалтийским акцентом.

— Товарищ, — раздражённо повторила кассирша в форменной одежде, — я же вам сказала, билеты на ближайшие три дня проданы. Будете покупать?

— Но у меня телеграмма!

— С телеграммой к начальнику вокзала, он будет через два часа.

— Но я не успею на поезд!

— Извините, ничем не могу помочь. Следующий!

Женщина с большим мешком, стоящая следом, сочувственно покачала головой, видя отчаянье Марии.

— Милая, ты к военному коменданту сходи, у них бронь бывает.

— Что бывает? — переспросила Лейко и шагнула назад, подпираемая ворчащей

очередью.

Она отошла к огромному окну и беспомощно огляделась. На глаза ей попался телефон, висящий на стене. Мария вытащила из кошелька клочок бумажки с цифрами. Опустив монету и набирая номер, она тихо шептала по-латышски: «Яков, пожалуйста, возьми трубку!» Гудок, ещё один, послышался голос Петерса.

— Я слушаю.

— Здравствуйте, мне нужен Яков Петерс.

— Это я.

— Извините, это Мария Лейко. Я сейчас в Москве, и мне очень нужна помощь.

— Вы в Москве?! Где именно?

— На Курском вокзале. У меня при родах умерла дочка, и... — Мария осеклась, её душили рыдания.

— Никуда не уходите, я сейчас буду!

Петерс оказался волшебником: едва появившись, он вручил Марии билет в мягкое купе, и поезд ещё не ушёл, можно было бы радоваться удаче, если бы не скорбная причина этой поездки. Лейко смотрела из-за вагонного стекла на Петерса, постаревшего, поседевшего, с добрыми глазами и суровыми морщинами вокруг них. Она благодарно махнула рукой, Петерс помахал в ответ, кивнул и, развернувшись, пошёл по перрону. К нему тут же подбежал человек в военной форме, козырнул и стал что-то быстро докладывать. Петерс остановился, внимательно слушая, потом кивнул и двинулся дальше. Поезд тронулся.

Через два дня за окнами замелькали горы и расцветающие на их склонах молодой зеленью деревья. Красоты были столь притягательно-необычными, что последний отрезок Мария ехала словно зачарованная. Железнодорожный вокзал в Тбилиси встретил Лейко ярким и тёплым солнышком и многоголосьем незнакомого языка. Мария поставила на платформу чемодан и оглянулась, ища глазами Сулико. Неожиданно к ней подошёл подтянутый военный.

— Вы Мария Лейко?

— Да, я.

— Мне поручено сопровождать вас. Прошу.

— Простите, но я жду зятя...

— Сулико Чечевая придёт на могилу жены.

— Да? — Лейко нагнулась за чемоданом, но военный уже подхватил его и понёс. Ничего не оставалось делать, как только семенить рядом. — Простите, а с Сулико всё в порядке?

— Вполне, — лаконично отозвался военный, не сбавляя шага.

— Я думала, он меня встретит сам, посылаю телеграмму...

— Товарищ Чечевая ответственный работник и очень занят в настоящее время, — сказал строго военный и кивнул на дверцу машины. — Прошу, садитесь.

На могиле Норы её действительно ждал похудевший и бледный Сулико. Она обняла его, погладила по жёстким волосам с проблесками седины. Сулико коротко рассказал о последних днях Норы, как она замечательно держалась, как строила планы на будущее, мечтала всей семьёй поехать в гости к маме. Мария плакала. Потом они долго молча сидели на лавочке, пока к ним не подошёл военный и красноречиво постучал пальцем по циферблату наручных часов.

— Мария Карловна, — сказал Чечевая, — нам пора.

— Да, я понимаю, — Сулико помог Лейко подняться, она ласково взглянула на него и подхватила под локоть.

На машине, за которой неотрывно следовала другая машина с тёмными стёклами, их провезли к роддому. Когда Мария увидела сладко спящего на столе дядю пеленания ребенка, её ноги подломились, она рухнула на колени и беззвучно зарыдала, не сводя глаз с младенца. Несколько запоздало к ней подскочил Чечевая, но она помахала ладонью, показывая, что всё в порядке, и медленно сама поднялась на ноги. Повернувшись к зятю, она посмотрела ему в глаза.

— Сулико, вы навсегда останетесь для меня сыном! — с чувством сказала она. — Я и сама хотела предложить этот вариант, но не знала, как начать...

— Мария Карловна, — грустно улыбнулся Сулико, — так уж сложилось, что я постоянно езжу в командировки, а родных у меня нет... У вас Норочка будет под надёжным присмотром, а я буду писать и звонить.

Мария наклонилась и нежно поцеловала спящего ребенка, тот причмокнул и улыбнулся.

— А приезжать к нам в Ригу? — она выпрямилась и посмотрела в глаза зятю, тот испуганно моргнул.

— Да, да, конечно, и приезжать!

— Вот и хорошо, — Лейко вновь повернулась к младенцу. — Как хорошо, что вы дали ей имя Нора. Спасибо.

— Я думаю, это справедливо.

— Мария Карловна, — тихо сказал военный, — скоро поезд.

— Да, да, поезд! — Лейко осторожно подняла девочку на руки. — Нам ведь ещё столько надо купить в дорогу.

— Мария Карловна, — мрачным голосом сказал Сулико, — вы не беспокойтесь, я для дороги уже всё приготовил, — военный протянул Марии корзинку, прикрытую полотенцем. — Всё здесь, — кивнул на корзинку Чечевая. Он наклонился и аккуратно поцеловал девочку в лобик. — Прощай, милая, будь счастлива, — тихо сказал он по-грузински.

— Сулико, извините, я не поняла...

— Я пожелал вам хорошей дороги. Простите, но вам пора.

Марии с внучкой подготовили отдельное купе, в котором стояла переносная колыбелька. Маленькая Нора продолжала сладко спать, а Мария тревожно смотрела на Сулико. Тот наотрез отказался входить в вагон как провожающий и теперь стоял на перроне и не сводил с окна купе горящего взгляда. Вагон дёрнулся, перрон поплыл вдаль, Лейко открыла окно и помахала рукой, зять улыбнулся и махнул в ответ. Вагон скрылся за поворотом, к Чечевая подошли два чекиста и военный. Сулико сразу сник, обреченно посмотрел на них и скрестил руки за спиной.

— Не надо цирка! — строго сказал один из чекистов.

— Вы правильно поступили, гражданин Чечевая, — сказал военный.

— Да, — Сулико кивнул и вытянул вперёд руки, на них тут же защёлкнулись наручники. Второй чекист накинул на них лёгкую куртку.

Военный повернулся ко второму чекисту и козырнул.

— Прошу передать благодарность вашему руководству за содействие.

Тот кивнул и коротко приказал своему первому коллеге:

— Ведите подследственного, мы с капитаном следом.

Петерс встретил Марию с внучкой лично и на служебной машине отвёз её на квартиру, просторную и вполне прилично меблированную. Здесь уже была детская кроватка, в которой малютка Нора прекрасно устроилась. Поев из бутылочки, поагукав с Марией, она сладко уснула.

— Какой спокойный ребёнок, — тихо сказала по-латышски Лейко, но Петерс её услышал.

— Мария, — он повернулся к ней, — я рекомендую говорить в СССР по-русски.

— Почему, мы же латыши?

— На некоторые вопросы, Мария Карловна, я не смогу вам ответить. Просто примите мой совет.

— Хорошо, — кивнула Лейко. — я буду делать так, как вы скажете. Я вообще не знаю, как бы я... — она торопливо отошла от кроватки и всхлипнула.

Петерс подошёл, обнял её за плечи, отвёл к дивану и усадил.

— Мария, вам надо держаться.

— Я постараюсь, Яков, — Лейко благодарно посмотрела на него. — Вы так помогли мне. — Она вынула платочек и промокнула уголки глаз.

Петерс вернулся к окну.

— Отличный вид, прекрасная квартира, метро рядом. Разве не так, Мария?

Лейко встала с дивана, взглянула на спящую внучку и подошла к Петерсу.

— Квартира очень хорошая, но это всё так неожиданно. У меня ведь в Риге спектакли, как же мне быть?

Петерс внимательно посмотрел на неё.

— Если хотите оставить внучку у себя — отмените спектакли. Оформление ребенка — гражданки СССР — для выезда за границу займет много времени, не меньше полугода. Впрочем, если вы оставите её в Советском Союзе, то сможете уехать хоть завтра.

— Яков, да как вы могли такое подумать! Нора — это всё, что у меня осталось от дочки. Разве я могу её бросить!

— Мария, я и не сомневался в вашем выборе, поэтому уже завтра вас ждут в Латышском государственном театре «Скатувэ». Вы сможете там работать.

— Играть в театре?! — чуть не вскрикнула Лейко. — Бог мой, это же... Простите, а как же Нора?

— Не волнуйтесь, Мария, домработницу вы уже видели, а завтра к вам придёт няня.

— Яков, вы просто добрый ангел!

— Мария, давайте не будем об этом. Хорошо? — Мария кивнула. У неё не было выбора, кроме как всецело доверять давнему приятелю Гутера и другу Тилтса. Петерс

посмотрел на часы и, склонившись, поцеловал руку Марии. — Мне пора.

— Да, конечно, — в глазах Лейко мелькнул испуг, ей вдруг стало страшно. — Подождите, Яков, — Петерс понимающе улыбнулся. — Яков, как вы думаете, Сулико сможет приехать к нам сюда в Москву?

Улыбка сбежала с лица Петерса.

— Мария, — тихо, но очень строго сказал он, — я не должен говорить это, но скажу. Товарищ Чечевая получил очень ответственное задание и не сможет с вами общаться несколько лет.

— Как же так? — прошептала Лейко.

— Я вас настоятельно попрошу, Мария, — продолжил Петерс, — не упоминать имя своего зятя в разговорах. Это очень важно. Вы обещаете?

— Да, — после короткой паузы ответила Мария.

— И ещё, — Петерс сделал многозначительную паузу, — не надо пока писать Тилтсу. До свидания.

Петерс быстро вышел, а Мария медленно опустилась на стул возле кровати и растерянно огляделась вокруг. Завозилась внучка, на лице Марии вспыхнула улыбка, она склонилась к младенцу.

Советские газеты Марии Лейко не читала, так же как не читала раньше немецкие, а затем и латышские. Она посещала театры, читала книги, иногда ходила в кино, многие советские фильмы ей нравились, некоторые она не понимала, а некоторые вызвали отторжение, но она никому не навязывала своего мнения. Благодаря своему лёгкому незлобивому характеру Мария быстро вписалась в коллектив театра, но ни с кем близко не сходилась. Ей, поглощенной заботой о внучке, это было ненужно, а артисты и сотрудники театра «Скатувэ» перешёптывались по тёмным закоулкам, замолкая, если видели Марию. Они хорошо к ней относились, но ведь она была иностранкой! Это само собой сковывало языки и мнения.

Поначалу Лейко часто и подробно писала Соколову, он присылал ей в ответ тревожно-тоскливые письма и умолял поскорее вернуться. Мария утешала его, но повлиять на то, что с ней происходило, не могла. На удивление быстро она перестала тосковать по Соколову, на таком расстоянии его образ начал тускнеть, вытесняемый новой главной заботой её жизни — внучкой. Лейко со смирением наблюдала, как в очередной раз её прошлое скрывалось за стеной настоящего и привыкала к жизни в этом большом и шумном городе. Тем более что эта жизнь текла мирно и комфортно. Все домашние дела вела дородная домохозяйка Стеша, а за Норой приглядывала немногословная няня Мила с добрыми глазами, окружёнными паутинками морщин.

На летние гастроли Глазунов (Глазникс) её не взял, зато оставил ей несколько папок с будущими ролями. Было чем заняться.

Как-то сентябрьским вечером Глазникс вызвал Лейко к себе в кабинет. Она постучалась.

— Освальд Федорович, вызывали?

— О, Мария Карловна! Вызывал, заходите, присаживайтесь, — судя по улыбке Глазникса, он был в хорошем настроении, у Лейко отлегло от сердца, она всегда недолюбливала начальство, вернее, побаивалась. — Мария Карловна, хочу ещё раз подчеркнуть, что вы великолепно вписались в наш театр. Вы прекрасная актриса. Я знаю, какие печальные события привели вас в наш коллектив, но, простите, я рад, что вы с нами.

— Спасибо, Освальд Федорович, за высокую оценку. Мне тоже хорошо здесь. Я обожаю классику, мне нравится ваш репертуар и постановочный подход. Ещё раз спасибо.

Глазникс довольно кивнул.

— Мария Карловна, мне тут запрос пришёл на вас.

— Какой запрос?

— Хороший запрос, из Мосфильма. Приглашают вас на пробы на роль в фильме «Мы из Кронштадта».

— А о чем будет фильм?

— О революции, Мария Карловна. В основе сюжета одноименная пьеса Всеволода Вишневского. Это всё, что я знаю. Так как?

— А вы не возражаете?

— Конечно, нет, — он протянул ей бумагу. — Вот, возьмите направление.

Между тем маховик репрессий, запущенный убийством Кирова, набирал обороты. Политические соображения подмяли законность, следствие превратилось в театральный фарс, в котором артистами были все участники, в том числе и подсудимые. Применяемые методы допросов не оставляли им выбора, они оговаривали себя, под-

писывали чудовищные показания, лишь бы избежать изощрённых пыток, и потом на суде послушно кивали вслед гневным обличениям обвинителей. Так и повелось, часть народа совершала трудовые подвиги, а часть сжалась в тугой узел напряжённых страхом нервов. И не было другой реальности, кроме той, в которой жил тогда советский народ.

Ноябрьским вечером 1935 года Петерс зашёл к Лейко. Он был редким, но желанным гостем, Мария не просто была благодарна Петерсу за помощь, ей нравилось общаться с этим глубоким и сдержанным человеком. Он всегда мог дать совет, как вести себя в той или иной ситуации, разъяснял некоторые особенности советского бытия. Сегодня они сидели за столом и пили чай. Лейко выглядела расстроенной, Петерс её утешал.

— Ну, не надо расстраиваться, Мария. Мне сказали, что вы прекрасно прошли кинопробы.

— Но ведь не утвердили на роль, обидно.

— Скажу честно, проблема не в вашем таланте, а в том, что вы всё ещё иностранка в Советском Союзе. Ну, руководство посчитало, что как-то неэтично получается, фильм ведь о революции...

— Да, да, как же я сама не додумалась, — она оглянулась на спящую внучку. — Яков, мне сказали, что оформление документов на Нору закончено и теперь ничто не мешает моему возвращению в Латвию.

— Да, верно, за исключением двух обстоятельств.

— Каких обстоятельств?

— Во-первых, политических, а во-вторых, сугубо личных.

— Хотелось бы поподробнее...

— Начну с политических. Буквально месяц назад в Германии принят закон о лишении евреев гражданских прав.

— Да, я слышала об этом, — мрачно согласилась Мария.

— Хорошо. Тогда вы могли бы догадаться, что следующий шаг — участие всех деятелей искусства в травле евреев. Это как тест на лояльность.

— Простите, Яков, но при чём тут моя маленькая Латвия?

— По нашим данным, весь этот шабаш уже захлестнул страны Балтии. Если вы вернетесь в Латвию, это будет уже другая Латвия.

— Неважно! — Мария покачала головой. — Я верю, Латвия достойно переживет этот ужас. Я должна вернуться.

— Что ж, тогда второй аргумент.

Он вытащил из кармана письмо.

— От Яна?! — воскликнула Мария срывающимся голосом и испуганно оглянулась на детскую кроватку.

— Да, от Яна, — Петерс встал. — Вы читайте, а я пойду. Через пару дней зайду. Хорошо?

Мария кивнула, прижимая конверт к груди. Едва Петерс вышел, она торопливо распечатала письмо. Оно было до обидного коротким: «Милая моя королева! Сама судьба нас соединяет! Если ты будешь ждать меня, то я обязательно приду. Я верю, что мы ещё сможем быть счастливы! Целую, люблю, надеюсь. Безмерно любящий тебя, Ланселот».

Мария бессильно уронила руки с письмом на колени и заплакала. Потом встала, промокнула глаза платком, подошла к зеркалу, внимательно посмотрела на себя и тихо прошептала: «Дорогой Ланселот, поспеши!»

К среде 18 декабря 1935 года холл большого зала заседаний украсили лозунгами и портретами, в самом зале над сценой протянули огромный плакат: «Поздравляем с 18-й годовщиной органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД!» Перед началом торжества сотни людей в военной форме с серьёзными лицами избранных небожителей постепенно заполняли холл и, ожидая начала мероприятия, сдержанно переговаривались.

В помещение спецбуфета допускались только высокие чины госбезопасности и важные гости. Петерс в гражданском костюме сидел за отдалённым столиком и с грустным видом пил кофе, на тарелочке перед ним стояло нетронутое пирожное. Уже четвёртый год он приходил сюда в качестве гостя, и это его неизменно удручало. Дверь спецбуфета широко открылась, и в ней появилась могучая фигура Заковского в форме комиссара госбезопасности 1 ранга. Он по-хозяйски огляделся, заставляя присутствующих прятать глаза и вдруг наткнулся на задумавшегося Петерса. Заковский радостно заулыбался и пошёл к столику Петерса. Едва он присел, как миловидная официантка тут же поставила перед ним запотевшую бутылку пива, бокал и тарелку с бутербродами. Заковский барственно кивнул, официантка исчезла.

- Привет, Яков!
- О, Генрих... прости, Леонид Михайлович.
- Ничего, тебе можно, — Заковский налил себе пива. — Как ты там, на партийной работе?
- А, — обречённо махнул Петерс и грустно добавил: — Обратно хочу.
- Да, это верно! Чекист — навсегда чекист! — сказал Заковский и опрокинул в себя стакан пива. — Уф, хорошо. Ты не переживай, Яков, я поспособствую.
- Спасибо, Леонид Михайлович, — кивнул Петерс. — Помоги, если сможешь.
- О чём разговор, Яков, — Заковский многозначительно подмигнул Петерсу, — теперь мне это по силам.
- Леонид Михайлович, о тебе прямо легенды складывают, как ты в Ленинграде развернулся.
- Заковский хмыкнул и, с аппетитом откусив бутерброд, запил его изрядным глотком пива.
- Легенды не легенды, — сказал он, — а буржуев недобитых много выявили, — он подлил себе в стакан пива. — И ещё сколько осталось! — Заковский наклонился в сторону Петерса, глаза его горели. — Ты знаешь, Яков, они ведь не просто по щелям прятались! Они во власть пролезли! Везде суки засели: и в транспорте, и в коммунальном хозяйстве, и даже в милиции.
- Леонид Михайлович, так ведь лет-то уже сколько прошло?
- Ох, Яков, добрый ты слишком! Разве для классовых врагов есть срок давности?! Они только сигнала и ожидают, но не на того напали, — зазвенел звонок, Заковский крикнул и поднялся. — Ну вот, уже пора в президиум.
- Петерс тоже встал.
- А я на гостевую трибуну.
- Ничего, Яков, — Заковский хлопнул его по плечу, — я думаю, не надолго!

Через несколько дней Заковский явился в кабинет наркома НКВД Ягоды Генриха Григорьевича. Он очень надеялся на перевод в Москву. Ягода строго посмотрел на вытянувшегося перед ним Заковского, обошёл кругом.

— Ты, товарищ Заковский, хорошо работаешь в Ленинграде, сам Иосиф Виссарионович тебя недавно хвалил, — после тягостной для Заковского паузы бесцветно и безэмоционально сказал Ягода.

— Служу трудовому народу! — гаркнул Заковский.

Губы Ягоды тронула тень улыбки.

— Служи, служи, — нарком прищурил глаза и пристально уставился прямо в зрачки Заковского, у того по лбу поползли капельки пота. — Твоя настоящая фамилия Штубис и ты латыш, так?

— Так точно, но это прошлое, я вне национальностей, я всецело служу революции!

— Да? — Ягода ядовито усмехнулся. — Что ж, правильная позиция, товарищ Заковский. Петерса давно знаешь?

— Так точно!

— Тогда скажи по-партийному прямо: стоит вернуть товарища Петерса в органы?

Он всё рапорта строчит.

— Никак нет! — без запинки проскандировал Заковский, поедая начальство глазами.

— Почему нет? Разве он не заслуживает доверия?

Здесь первый раз Заковский задумался, тупо глядя на коварные усики Ягоды, почему-то именно так он и подумал: «коварные усики»... Заковский внутренне встряхнулся, лихорадочно перебирая варианты ответа. Если подтвердить недоверие, Ягода его точно зацепит и раскрутит на такой разговор, что собственных костей не соберёшь... Нет, надо по-другому.

— Дело не в доверии, товарищ нарком! Твёрдости у товарища Петерса недостаточно.

Ягода вдруг кивнул и как-то по-доброму улыбнулся, Заковский мысленно облегчённо вздохнул, кажется, он угадал ответ. Нарком стоял возле стола и, продолжая улыбаться, барабанил пальцами по столешнице. Умел он держать жуткую паузу.

— Твёрдости или принципиальности? — переспросил Ягода.

— Принципиальности! — запнувшись на краткое мгновение, ответил Заковский.

— Молодец, — улыбка наркома вдруг перетекла в ядовитую ухмылку, — правильную позицию выбрал.

Выйдя из кабинета наркома, Заковский криво улыбнулся дежурному и лишь в коридоре устало обтёр платком взмокший лоб и шею. Он-то надеялся, что его вызвали, чтобы объехать о переводе в Москву, а теперь он рад тому, что вышел без конвоя и при погонах. Заковский как никто другой понимал, что за их «работу» можно любого под

расстрел подвести, а если не хватит статей, припишут. Он вздохнул и, встряхнувшись, двинулся по красной ковровой дорожке.

Жёсткая политика индустриализации к середине 30-х годов превратила СССР в независимую промышленную державу. К 1937 году импорт сельскохозяйственных машин и тракторов практически прекратился, страна научилась выращивать свой хлопок в необходимых количествах для военной и лёгкой промышленности, выплавка чёрных и цветных металлов покрывала потребности страны. Сейчас это назвали бы состоявшимся импортозамещением. Другой вопрос, какой ценой и какими жертвами дались эти успешные глобальные проекты.

В Германии мобилизация промышленности привела к возможности начать и вести войну, а в СССР новая индустриализация дала возможность защищаться и победить.

В марте 1936 года в Латышском государственном театре «Скатувэ» проходило рабочее собрание артистов в зале репетиций. В первом ряду сидела Мария Лейко и поглаживала рукой тонкую папку, лежащую у неё на коленях. На наклеенном белом квадрате мелькала надпись: «ЛГТ «Скатувэ». Рудольф Блауманис, «В огне». Кристине, горничная». Впрочем, у большинства присутствующих на коленях лежали такие же папки. Перед артистами на низкой сцене с одним единственным стулом стоял Глазун и внимательно посматривал на артистов. Под его пристальным взглядом скоро стало тихо.

— Сегодня, товарищи, — заговорил он твёрдым властным голосом, — мы приступаем к репетиции нового спектакля. Главную роль будет играть наша прима Мария Лейко.

Премьера состоялась в октябре 1936 года. Она прошла с огромным успехом, забитый зрителями зал бурно аплодировал, провожая артистов за кулисы. Мария Лейко устало шла к своей гримёрной, и вдруг тёмная фигура перегородила ей путь. Она сначала вздрогнула, потом заулыбалась.

— Яков Христофорович, вы меня напугали.

— Мария Карловна, — смутился Петерс, — извините за вторжение, я смотрел премьеру, и... — он протянул букет, — вот, прошу принять.

— Спасибо, Яков, — Лейко взяла букет. — Вам понравилось?

— Невероятно понравилось! Вы так играли, что... вот решил зайти и лично поздравить.

— Я давно вас не видала, Яков, а с вами так интересно разговаривать. Раньше вы заходили ко мне попить чаю...

— Так вы обо мне вспоминаете?

— Конечно!

— Спасибо, — Петерс склонил голову. — Что касается визитов, то как-то совсем нет времени, но я обязательно постараюсь.

— Заходите, мы с Норой будем вам рады.

— Кстати, как поживает ваша чудесная внучка?

— Нора растёт... а знаете что, Яков, я приглашаю вас к себе домой! У нас сегодня будет вечеринка в честь успешной премьеры. Ну, соглашайтесь!

— Хорошо, — заулыбался тот, — только жене позвоню.

— Ура! Гуляем!

Шумная компания ввалилась в квартиру Лейко и была моментально переправлена на кухню. Толстые стены надёжно глушили смех и радостные возгласы. Мария на цыпочках вошла в спальню внучки. Девочка сладко спала в своей кроватке, а рядом на диване дремала няня. При появлении Марии няня подняла голову с подушки.

— Как она? — спросила Лейко шепотом.

— Всё хорошо, Мария Карловна. Поздравляю вас с премьерой.

— Спасибо. Мы там немного попразднуем?

— Помочь накрыть стол?

— Что ты, Мила, — улыбнулась Лейко, — там столько добровольцев.

В конце 1936 года Ягodu от руководства НКВД отстранили. Новый нарком внутренних дел СССР, а впоследствии и генеральный комиссар государственной безопасности Ежов Николай Иванович рьяно взялся за дело. «Особые тройки» НКВД заработали со скоростью конвейера, аресты врагов народа поставили на поток, исправно пополняя контингент заключённых — рабов социализма, бесплатно работающих на тысячах строек всесоюзной индустриализации. В июле 1937 года Ежов собрал руководителей управлений НКВД и госбезопасности по республикам, краям и областям и объявил о новом подходе к работе. Теперь органы должны были работать по спущенным сверху планам, в рамках лимитов для каждой подведомственной территории. В списки буду-

щих врагов вошли: бывшие участники белого движения, дворяне, купцы, затаившиеся кулаки, иностранцы. Туда же включили: поляков, немцев, финнов, эстонцев, японцев, латышей, греков, иранцев, харбинцев, китайцев, румын. «Чистили» не только население, но и органы безопасности.

4 апреля 1937 года Заковский явился с необходимыми материалами в просторный кабинет генерального комиссара госбезопасности НКВД. За приставным столом уже восседал невозмутимый Фриновский Михаил Петрович — первый заместитель Ежова. Заковский внутренне его побаивался, поэтому всегда выказывал ему подобострастное уважение. У всех троих, собравшихся в этот час в этом кабинете, были одинаковые цели и похожие подходы к работе и по локти запачканные в крови руки.

Ежов кивком указал Заковскому на стул.

— Михаил Петрович, дай Леониду папку, — сказал Ежов Фриновскому.

Тот пододвинул к Заковскому безымянную бумажную папку и поднялся.

— Николай Иванович, мне пора, — обратился он к Ежову, — я тебе вчера вечером докладывал.

— Ах, да! — Ежов посмотрел на часы. — Ладно, иди, мы с Леонидом вдвоём справимся, — Фриновский вышел из кабинета. — Читай! — приказал Ежов.

Нарком терпеливо наблюдал за сморщенным от усердия лбом Заковского и, когда тот закрыл папку, буднично спросил: «Ну как, хорошие материалы?»

— Более чем, Николай Иванович, — кивнул Заковский, — особенно фотки, убойная сила!

— Что ж, тогда позовём дорогого гостя, — Ежов взял трубку телефона и коротко приказал: — Привести подследственного Ягоду!

Ягоду в кабинет ввели без ремня и без знаков различия. Он подавленно посмотрел на Ежова, сверкнул глазами на бывшего подчинённого, но сломался о торжествующий взгляд, и его плечи ещё больше поникли.

— Проходи, Генрих Григорьевич, садись.

Ягода прошёл к столу, сел напротив Заковского.

— В чём меня обвиняют? — глухо спросил он.

Заковский громко хмыкнул, у Ежова губы на миг скривились, сдерживая усмешку. В самом деле, такой вопрос от бывшего главного чекиста было странно слышать, так как он среди посвящённых людей звучал чисто риторически. Тем не менее, Ежов кивнул Заковскому.

— Зачти, Леонид Михайлович.

Заковский открыл папку и прочитал:

— Вменяется участие и руководство антисоветским правотроцкистским блоком, а также организация убийств Менжинского, Горького и его приёмного сына и подготовка покушения на Ежова Николая Ивановича... Хватит?

— Чушь! — поморщился Ягода.

Заковский пожал плечами и вопросительно посмотрел на Ежова.

— Вот уж не думал, Генрих Григорьевич, — усмехнулся тот, — что вы склонны к идеализму.

— Этому никто не поверит.

— А вот это уже не твоя забота! — внезапно разозлился Ежов. — Подписывать будешь?

Ягода затравлено смотрел то на одного, то на другого.

— Так замучаете ведь?

— Не глупи, Ягода! Товарищ Заковский, объясни гражданину.

— Мы вас, гражданин Ягода, пальцем не тронем. Сами знаете, есть и бесконтактные методы. Но и это может не понадобится, более того, вы можете на период следствия содержаться по особому режиму заключения.

— В случае сотрудничества со следствием? — спросил Ягода, глядя на нового наркома.

— А как же иначе, Генрих Григорьевич? — подобрел Ежов.

— То есть я стану врагом народа?

— Стану? — добродушно переспросил Ежов и усмехнулся. — Разве есть другие варианты?

Ягода упрямо помотал опущенной в пол головой. Ежов снисходительно скривил губы и кивнул Заковскому.

— Гражданин Ягода, — строго заговорил тот, — ваше право выбора, но если вы не станете сотрудничать со следствием, мы включим в перечень обвинений дополнительные пункты.

— Обратите внимание, Генрих Григорьевич, — добавил вкрадчивым голосом Ежов, — пункты не политические.

Ягода поднял голову и недоуменно посмотрел на Ежова.

— Это что-то новенькое.

— Нет, гражданин Ягода, — строго сказал Заковский, — это не наше новенькое, а ваше старенькое! Вот полюбуйтесь!

Заковский принялся выкладывать на стол порнографические фотографии. Ягода от неожиданности дёрнулся назад.

— Есть и ещё кое-что, — с изуверской издёвкой включился в допрос Ежов, — например, суду можно показать порнографический иностранный фильм, изъятый у тебя при обыске, и ещё много чего. Этого чего вполне достаточно, чтобы объявить тебя на всенародном суде педофилом и сутенером... — Ягода от осознания безнадежности чуть ли не растёкся на стуле. — Так как, Генрих Григорьевич, — вкрадчиво произнёс Ежов, — обсудим особый режим содержания?

— Обсудим, — еле слышно ответил Ягода.

Осенью 1937 года Петерса арестовали. Всё случилось буднично и не драматично. Он, как всегда, вышел во двор своего дома и растерянно огляделся, персональная машина отсутствовала. Петерс посмотрел на часы, потом наверх, раздумывая, подождать или вернуться домой, позвонить? В это время в подворотне послышался звук мотора, Петерс встрепенулся, но из подъезда вышли сотрудники НКВД, а вместо персональной машины во двор въехала черная ГАЗ-М-1 с затемнёнными стеклами. Петерс бесильно опустил руки, вот и за ним пришли. Энкавэдэшник вежливо козырнул.

— Товарищ Петерс, прошу проехать с нами.

— Да, конечно.

Энкавэдэшник протянул руку, Петерс послушно передал ему свой портфель и пошёл к машине, ему услужливо открыли дверцу.

Дошла очередь и до Латышского театра «Скатувэ». Поздним воскресным вечером 5 декабря 1937 года к адресу Страстной бульвар, дом 8/23, подъехали два грузовика с вооружёнными энкавэдэшниками. Машины заехали во двор и, выключив фары, замерли в почти непроглядной темноте. Со стороны Садового кольца светились афиши Латышского театра «Скатувэ», располагающегося в этом здании. Только что закончился спектакль, из центральных дверей на улицу потянулись впечатленные зрители. Слышались радостные разговоры и смех, народ жадно тянулся к искусству, любое посещение театра в жизни рядового москвича справедливо относилось к важному событию. Ещё долго его будут обсуждать с родными и на работе, вызывая завистливые вздохи: надо же, и билеты достали, и время наши...

Постепенно поток зрителей иссяк, подъехала легковушка, из неё вышли двое военных и встали у дверей. Задержавшиеся зрители испуганно шарахались при виде формы, с дрожанием в голосе отвечали на короткие, но вежливые вопросы и быстро-быстро семенили прочь, не веря своему счастью — это не за ними.

Во внутреннем дворе дома всё пришло в движение. Грузовики включили фары, подтянутые фигуры в воинских шинелях, перетянутых ремнями, быстро и без суеты рассредоточились вокруг машин и перед служебным подъездом театра «Скатувэ». Громко фыркая, медленно въехал воронок, за ним легковушка, из которой выскочила группа офицеров и, пройдя сквозь коридор военных с карабинами наизготовку, исчезла внутри подъезда. Между охранниками прохаживались два лейтенанта. Поскрипев по свежее выпавшему снегу ярко блестящими сапогами, они вышли под самый свет фар, видимо, ощущая, что так теплее, и закурили. Всё выглядело просто и обыденно, для этих людей ночной визит в очередной московский двор был рабочей рутинной, разве что в этот раз необычно много участвовало сотрудников, ну, так начальству виднее.

Из служебного подъезда вышли два офицера, один из них достал из папки скреплённые листы и протянул их второму. Вновь открылась дверь, и на улице появилась ссутулившаяся от безнадеги фигура мужчины.

— Фамилия? — строго, но негромко спросил энкавэдэшник со списком.

— Балтаус Ян Янович.

Энкавэдэшник поставил в списке галочку, а арестованного подтолкнули дальше по живому, ошетилившемуся стволами коридору. Один из лейтенантов заученно подхватил арестованного чуть ли не под руки и сопроводил до воронка.

— Следующий! — объявил офицер со списком.

Из дверей вывели молодого человека.

— Фамилия? — спросил энкавэдэшник со списком.

— Балтаус Карл Янович.

Офицер с интересом поднял голову.

— Балтаус Ян Янович ваш родственник?

— Он мой папа, — голос молодого человека дрогнул.

Энкавэдэшник кивнул и сделал пометку на полях списка.

— Пройдите! — скомандовал он арестованному и громко добавил: — Следующий! Второго арестованного повели в воронок, а из дверей вывели третьего. Конвейер заработал, деловито звучали команды, одинаково скорбно были слышны ответы арестованных.

- Фамилия?
- Банцан Рудольф Фрицевич.
- Следующий!
- Фельдман Эрик Фридрихович.
- Круминь Август Давыдович.
- Оше Андрей Яковлевич.
- Форстман Вилис Христофорович.
- Зеберг Оскар Оскарович.
- Балтгалвс Волдемарс.

Через пятнадцать минут всё кончилось, из подъезда вышел офицер, огляделся и поманил к себе одного из лейтенантов. Тот бросился к начальству со всех ног, подбежал, козырнул.

— Товарищ майор госбезопасности, арестовано девять человек, по списку в театре числятся 17 мужчин! Докладывал лейтенант госбезопасности Попов!

- Адреса в списке есть?
- Так точно!
- Быстро езжайте по адресам, чтобы к утру все по списку были взяты!
- Есть!

Короткая команда, военные слаженно загрузились в грузовики, и машины покинули двор.

С воскресенья снегопада не было. Мария Лейко вошла во внутренний двор театра «Скатувэ» утром в среду 8 декабря. Сегодня должен был состояться спектакль по пьесе Яна Райниса «Вей ветерок», красивая любовная история, в которой жених вдруг влюбляется в двоюродную сестру невесты и отказывается от свадьбы. Девушке парень тоже понравился, но она не желает выйти за него замуж, полагая, что своё счастье на несчастье ближнего не построишь.

Лейко прокручивала в голове сцены спектакля, мысленно расставляя в них метки, означающие при игре особые интонационные акценты и жесты. Внезапно её глаза наткнулись на следы множества ног и автомобильных покрышек, на утоптанную дорожку, шедшую от подъезда на середину двора и тут же обрывающуюся. Сердце у неё ёкнуло, шаг замедлился, но она пересилила себя и взялась за ручку двери.

Внутри было непривычно тихо, пустынно, темно и мрачно. Подходя к приёмной, Лейко услышала женские голоса. Она вошла и увидела нескольких актрис театра с заплаканными глазами.

— Девочки, что случилось?! — спросила Мария, уже зная ответ и страстно не желая, чтобы он прозвучал.

- В воскресенье вечером всех наших мужчин забрали.
- Всех?!
- Эльфрида Августовна обзванивала, всех прибрали.
- А как же спектакль? — растерянно спросила Лейко.

Никто теперь не узнает, кто первый предложил не клеивать афишу надписью «спектакль отменяется», а назло всему сыграть его. Без мужчин. В пьесе, где один из главных героев — жених. Мы опишем лишь предполагаемый ход событий.

На сцену театра «Скатувэ» вышла Мария Лейко и следом две актрисы.

— Девочки, — оглянулась Мария, — соберитесь! Я уверена, мы сможем сыграть почти все мизансцены без наших мужчин. Реплики мужчин будет громко басом проносить наша секретарь Эльфрида Августовна. Я с ней договорилась. Ну, что, начнём репетицию?

Театр открыл свои двери в назначенное время, и всё было как обычно: работал контроль билетов, гардеробная, буфет. Начался спектакль, и неискушённый московский зритель не заметил отсутствия мужчин. Женщины играли божественно, словно пели последнюю песню, то и дело вспыхивали волны аплодисментов.

На сцене декорации из четвертого действия: сад, деревья и кусты, надломленная ель. Вид на Даугаву закрыт деревьями.

Циепа (Мария Лейко): «Барба, Барба, ау!»

Соседки: «Разве теперь докличешься?»

Орта: «Байбочка, Байбинь, о боже!»

Циепа (Мария Лейко): «Ах ты, боже, ах, батюшки! Стыд-то какой! Вот что приходится нам терпеть из-за этой Барбы».

Одна из соседок: «Господи спаси и помилуй! Слыхано ли где, чтобы девушка была

такой, как она?»

Вторая соседка: «Сама выставилась перед женихами напоказ — на глазах у всех!»

Орта: «Поносите теперь, оговаривайте! Теперь ваш черед сплетничать: говорить хорошее вы же не мастерицы!»

Циепа (Мария Лейко): «Вот ты же еще и виновата! Не защищай позор — тогда Орта тебе правду выложит. Постыдилась бы, Орта, все-таки говорить такое гостям».

Соседка: «Не к лицу тебе это, Орта: мы бы лучше с тобой обошлись. А ты что? Позор остается позором, что там ни говори! Только сама себе напортишь».

Циепа (Мария Лейко): «Чем себе Орта может напортить? Она же во всем помогала этой девчонке — разве мы не знаем, как?»

Орта: «Рассказывай, рассказывай! Что же я плохого наделала? Что я этого ребенка люблю?»

Циепа (Мария Лейко): «Я-то при чем? Что мне рассказывать? Сама все знаешь».

Соседка: «Я тут и не была, а слышала — страшное дело, сама оголилась!»

Циепа (Мария Лейко): «Как же, платок весь, как есть, с себя скинула!»

Соседка: «Так перед сватами и вытрющивалась! Раскрылась, как на сенокосе!»

Вторая соседка: «Что ты, сестрица, — как на сенокосе! Оголилась, оголилась, как в бане! Ха-ха-ха! Выпивши была».

Орта: «Ложь, ложь, ложь!»

Этим же вечером Ежов в своём кабинете пил чай, стоя у окна. Настроение у него было умиротворённое. Зазвонил телефон. Нарком неспешно вернулся к столу, он на слух знал, какой телефон звонит, к этому можно было не торопиться.

— Слушаю.

— Товарищ генеральный комиссар госбезопасности, — раздался в трубке голос дежурного, — комиссар госбезопасности 1-го ранга Реденс просит с вами соединить.

— Давай.

— Николай Иванович, здравия желаю!

— Здравствуй, Станислав Францевич, что стряслось?

— Да с этими латышами...

— Ну не тяни, докладывай.

— Короче, мы в ночь на понедельник всех мужиков из театра подмели, как и планировали.

— Ну, правильно. И что?

— Так они в театре без мужиков сегодня играли!

— Кто?

— Да, бабы — артистки. Мне сообщили, что зрители со спектакля довольные ушли.

— Вот колючки упрямые! Ладно, я им свой спектакль устрою! Брать всех подряд!

Подчистую!

— Есть!

Это был последний спектакль театра «Скатувэ», на следующий день его закрыли и опечатали. 27 декабря его ликвидируют решением Президиума Моссовета.

На «Райский сад» Марии Лейко опустилась тьма и стужа, в нём не осталось ни единого листочка, только голые, сухие ветви, задранные с мольбой в небо, он стал мёртвым.

Лейко уже знала, что арестовали почти всех оставшихся артистов и сотрудников «Скатувэ», и ждала со дня на день визитеров из НКВД. Её пока не трогали, то ли садистски заставляя мучиться ожиданием, то ли просто понимали, что деваться ей от внучки некуда. А Мария не мучилась, странное спокойствие овладело ею, будущее не страшило, она лишь молилась, чтобы бог позаботился о маленькой Норе. Каждый новый день, проведённый рядом с внучкой, принимался ею как божий дар. Иногда в её душе просыпалась надежда, вдруг её не тронут? Но она гнала от себя надежду. Она порывалась позвонить Петерсу, но каждый раз останавливалась, полагая, что теперь может навредить ему. За годы, прожитые в Советском Союзе, Мария многому научилась, многое поняла. Ей открылись такие глубины человеческих отношений, что теперь она смогла бы играть самые трагические роли.

За ней пришли через неделю 15 декабря 1937 года. Лейко укачивала внучку, нося её на руках, а та крепко обнимала её своими ручонками за шею, словно предчувствовала скорое расставание. Мария ходила по комнате и пела на ушко засыпающей Норе латышскую песенку про медвежонка:

*Спи, усни, мой медвежонок,
Мой косматый, косолапый.
Батяка твой ушел за медом,*

*Мать пошла лущить овес.
Скоро батька будет с мёдом,
Мать — с овсяным кисельком.*

Дверной звонок звонил тревожно и настойчиво. Лейко сжалась, но продолжала петь и качать внучку. Из глаз Марии катились слёзы. Послышалось ворчание домработницы, щёлкнул замок, донеслись мужские голоса, тяжёлые шаги, повеяло холодом. Лейко думала, что к ней придут вечером, она уже знала, что аресты в основном проводились ночью, но к ней пришли в начале дня, хорошо хоть Нору успела покормить. Дверь открылась, в комнату вошёл майор госбезопасности и лейтенант Попов. Лейтенант встал у двери, майор обвёл глазами комнату, затем встретился с Лейко взглядами.

— Вы Мария Лейко? — спросил майор, принижая голос.

Мария кивнула, поцеловала спящего ребенка и положила его в кроватку. Заботливо укрыла одеяльцем, задержалась на несколько секунд, пытаясь запомнить это мгновение, унести его с собой куда угодно, но целым, объёмным. Энкавэдэшники терпеливо ждали.

— Спасибо, — тихо сказала Лейко, повернувшись к ним.

Майор кивнул и, обернувшись к лейтенанту, красноречиво показал ему прижатый к губам палец. Тот энергично закивал и тихо открыл дверь в коридор. Они вышли.

— Собирайтесь, — сказал майор, когда дверь в спальню плотно закрылась.

— Я готова, только пальто накинуть, — губы у Марии задрожали.

— Есть куда ребёнка определить? — спросил майор.

Мария отрицательно покачала головой, еле сдерживая рыдания.

Майор с сочувствием вздохнул и повернулся к лейтенанту Попову.

— Останешься здесь, вызови кого надо. Пусть девочку в хороший детдом определят. Ты понял, Попов, в хороший!

— Есть в хороший! — козырнул Попов.

— Ну, и обыск сделай. Оформи, в общем, как полагается.

— Есть!

Мария надела пальто, взяла узелочек, лежащий на обувной полке, не оглядываясь, вышла на лестничную клетку, и уже оттуда донеслись её сдавленные рыдания. Майор вышел следом и затворил дверь. Попов по-хозяйски огляделся, в его лице не было сожаления или сочувствия, он просто делал свою работу. Он снял трубку с висящего в прихожей телефона и набрал номер.

— Дежурный? Лейтенант Попов... да, всё в порядке. Присылай досмотровую группу по адресу Оболенский переулок, дом 9, корпус 3, квартира 58. Записал? Да, отметь ещё в журнале, пусть с группой медсестра придет, ребенка надо оформить. Не но, а майор приказал! — Попов повесил трубку и вдруг увидел в углу между шкафом и стеной на низком пуфике дородную женщину, смотрящую на него круглыми от страха глазами. — Вы кто, гражданка? — спросил он.

— Домработница я, служу здесь, — заикаясь, ответила она.

— Кто, кроме тебя и младенца, ещё есть?

— Нет, никого нету, — замотала головой домработница.

— Веди тогда на кухню, чаю нальёшь.

20 января 1938 года Заковского назначили начальником Управления НКВД по Московской области. За четыре месяца своего «правления» он очистил Москву от двенадцати с лишним тысяч руководящих работников и партийцев. Иногда аресты проводились по телефонной книге, главное, чтобы фамилия была не русской. На служебном столе Заковского стопками высились папки, на каждой из которых были написаны фамилия, имя, отчество, статья, и в каждой лежали бумаги, которые определяли дальнейшую судьбу человека. И всем этим распорядился он, Заковский, властитель чужих жизней, страж Олимпа.

Марию Лейко Заковский решил допросить лично. Он пристально оглядел её и жестом отослал конвой.

— Так вот вы какая, звезда кино и театра? — сказал Заковский вполне человеческим голосом, чем немало удивил Марию, она ожидала, что сейчас сверкнёт адский огонь и запахнет серой. — Проходите, садитесь, — Лейко Мария села к столу. — Вы знаете, кто я? — спросил Заковский.

— Большой начальник НКВД.

— Верно, — усмехнулся Заковский, — а как вы думаете, зачем я вас к себе вызвал?

— Я иностранка?

— Это не повод, — усмехнулся Заковский, — у нас вашего брата хватает. Я вам скажу, зачем: Петерс.

— Петерс? — переспросила настороженно Мария. Заковский молча наблюдал за

ней. — Значит, Яков Христович тоже у вас?

— А где ж ему быть, — ухмыльнулся Заковский и широко повёл руками, — если не усидел с моей стороны, то садись с вашей стороны, мадам.

— Вы циник, сударь, не ожидала.

— Как вам будет угодно, негражданка Лейко, но язык попридержите.

Заковский сурово нахмурился, Лейко сжалась, но не испугалась, она до сих пор ещё не поняла всей глубины разложения морали в этом заведении, с точки зрения нормального человека.

— А теперь скажите, — начал вкрадчиво Заковский, — что вы можете рассказать о Петерсе Якове Христовиче?

— Ничего, — пожала она плечами.

— Странно, вы же работали на него?

— Что?!

— Помните посылки, которые вы возили в Ригу?

— Да, было несколько передач для приятеля Яна Тилтса. А что тут такого, это же просто дружеская услуга?

— Ох, Мария Карловна, чувствую, разговор у нас с вами долгий будет.

Допрос длился не менее двух часов. Заковский специально вызвал сотрудника, чтобы тот сразу же заносил ход допроса в протокол. Мария подробно отвечала на все его вопросы, но эти ответы Заковского не устраивали, он сердился и нервничал. Прочитав протокол, он вспылил и выгнал сотрудника. Отдуваясь, Заковский налил себе воды, вышил, вытер шею платком.

— Итак, вы, Мария Карловна, настаиваете на том, что не сотрудничали с Яковым Петерсом?

— Я могу только повторить, Петерс был другом моего любимого человека, а значит, и моим другом. Яков помог мне, и я ему очень благодарна.

— И он никогда не намекал вам, что вы ему оказывали некие услуги?

— Никогда! — сказала Мария, твердо смотря в глаза Заковскому.

— Мадам, вы даже не представляете, как разочаровали меня! — лицо Заковского побагровело, он еле сдерживал себя. — Что если я запущу вас по конвейеру? Вы знаете, что это такое?

— Да, мне рассказали.

— И вам не страшно?

— Очень страшно.

— Тогда подпишите протокол у следователя, и вас оставят в покое.

— Меня выпустят?

— А почему бы и нет? У вас ведь внучка на воспитании?

— Вы же меня обманываете! — сказала вдруг Мария по-латышски. — Зачем вы так?

У Заковского от гнева глаза округлились, он медленно встал, словно нависнув над Марией.

— Что-о-о?! — прорычал он.

— Вы забыли свой родной язык? — спросила Мария по-латышски.

— Дура! Заткнись! — Заковский нажал на кнопку, в двери появился дежурный. — Увести! — почти закричал Заковский.

В конце января 1938 года позвонил Ежов.

— Заковский, ты что, сошёл с ума?! Москва это тебе не Ленинград!

— Николай Иванович, но я...

— Ты не понимаешь, да? Так я объясню. Ты сколько тысяч народа арестовал только за то, что их фамилии в телефонном справочнике похожи на польскую, латышскую, болгарскую или другую какую, а?!

— Так я же ... Николай Ив... — у Заковского перехватило дыхание.

— Я тебе не Николай Иванович, — рявкнул Ежов, — а генеральный комиссар госбезопасности! Понял?!

— Так точно, товарищ генеральный комиссар госбезопасности, понял!

— В общем, товарищ Заковский, готовь свой участок работы к проверке, комиссия к тебе скоро явится. Сам Сталин приказал, — Заковский побледнел и встал, хватая раскрытым ртом воздух. Он пытается что-то сказать, но в трубку доносилось лишь слабое мычание. — Заковский, — недовольно, но уже без гнева, спросил Ежов, — ты куда пропал?!

— Здесь я, товарищ генеральный комиссар госбезопасности — хрипло отозвался тот.

— То-то. Ну, ты не переживай сильно, арест — это ведь дело поправимое. Если ты ошибся — мы выпустим.

В трубке короткие гудки. Заковский без сил упал в кресло, платком вытер со лба обильный пот.

— Ничего, — прошептал он еле слышно, — это ещё не конец.

Той же ночью он сидел у себя в кабинете, одинокий свет от лампы падал на стол, заваленный делами, перед столом угадывалась коренастая фигура его сотрудника. Фигура была в тени, лица не видно.

— Ты понял?! — с нажимом говорил Заковский сотруднику, одновременно шлёпая ладонью по столу в такт со словами. — Всех арестованных с декабря по январь — на полигон, к высшей мере наказания.

— Сделаем в ажуре, товарищ комиссар первого ранга.

— Сначала полигон, потом ко мне все дела на утверждение. Ясно?!

— Так точно, ясно. Разрешите идти?

— Иди, — оставшись один, Заковский достал снизу бутылку коньяка и отхлебнул прямо из горлышка. Вытер рот рукавом. — И концы в... землю, — сказал он вслух, — и опять приложился к бутылке. — Ничего, мы ещё повоюем! — Заковский икнул. — Комиссия будет довольна, мы ей такие дела сочиним, закачаешься!

Он вновь воткнул в рот бутылку, заливая в себя коньяк, булькая и кашляя.

Машины шли на Бутовский полигон вереницей. Каждая притормаживала у домика охраны, и потом они разъезжались в разные стороны по паутине накатанных по снегу дорог. Некоторые машины сопровождал сотрудник полигона, он запрыгивал на подножку и говорил в окошко, куда ехать. На полигоне шумно, с разных концов слышны натужные рыки тракторных моторов, это трудились экскаваторы и тракторы. Одни раскапывали, другие закапывали. Слышны выстрелы, это третьи стреляли, а те, кого привозили в машинах — умирали.

Где-то там, среди тысяч таких же жертв в четверг 3 февраля 1938 года почил героиня нашего повествования.

Примерно в эти же дни Заковский сидел в своём кабинете и, щурясь от удовольствия, читал вслух документ. Если бы кто видел его сейчас, сказал бы, что его распирает от удовольствия.

— Так, — громко, как на собрании, декларировал Заковский, — наркому внутренних дел Ежову, строго секретно 31 января 1938 года... Выписка из протокола №57 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). Пункт 49 — Вопрос НКВД. Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР. Оставить до 15 апреля 1938 года существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей, вне зависимости от их подданства. Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР.

Заковский усмехнулся, радостно хмыкнул и, вытянув снизу бутылку коньяка, сделал большой глоток.

— Вот так-то! — громко он сказал кому-то невидимому и погрозил потолку кулаком, потом бережно положил лист на стол и, хищно улыбаясь, потёр ладони.

Комиссию по проверке работы его управления отменили. «Или отложили?» — мучительно размышлял Заковский, то и дело прикладываясь к бутылке. В его голове прокручивались возможные исходы поспешного расстрела тысяч арестованных по проштампованным особыми тройками приговорам. Он и так, и этак прикидывал, но ничего страшного не ожидалось. Заковский злорадно ощерился.

— Зато сколько камер освободилось! — сказал он и вновь потянулся к бутылке коньяка.

Вечером Заковский собрал начальников подразделений своего управления. Они сидели в его кабинете тёмными безликими фигурами, и лишь хозяин кабинета блистал в свете настольной лампы мундиром и наградами.

— Зарубите себе на носу, — грозно заканчивал свой инструктаж Заковский, — чтобы по Московскому управлению не меньше 200 признаний за сутки было! Или сами себя в камеры сажать будете! Ясно?! Вперёд!

27 марта 1938 года Ежову по ВЧ позвонил Сталин. Обсудив ряд вопросов, он вдруг вогнал Ежова в пот:

— Товарищ Ежов, я хочу дать вам совет по работе с кадрами.

— Слушаю вас, товарищ Сталин! — голос Ежова предательски дрогнул.

— Ваш протеже товарищ Заковский славно поработал в Москве, так что пора ему

сменить род занятий. У вас есть для него замена?

— Так точно! Комиссар госбезопасности третьего ранга Каруцкий Владимир Абрамович.

— Хорошо, я не возражаю.

28 марта 1938 года Заковского сняли с поста начальника столичного УНКВД и вывели за штат, должности заместителя наркома НКВД он лишился 16 апреля и получил назначение с понижением: начальником строительства Куйбышевского гидроузла НКВД. Однако проявить он себя здесь не успел, был арестован 30 апреля 1938 года.

Его привели в камеру допросов, без ремней и без знаков различий, руки за спиной, посадили на табурет под лучи яркой настольной лампы. Заковский тоскливо смотрел на силуэт следователя, на обстановку вокруг, он всегда боялся этой перемены и всегда в душе чувствовал, что не избежит такого финала.

— Ваша настоящая фамилия Штубис Генрих Эрнестович?

— Да.

— С какой целью поменяли установочные данные?

Заковский молчал. Что он мог ответить? Что сам Дзержинский дал ему на это решение? Да кто поверит? И кто подтвердит?

— Вы отказываетесь отвечать на этот вопрос?

— У меня в личном деле всё написано!

— Нет у вас, гражданин Штубис, теперь личного дела, — следователь помолчал, чиркнул спичкой, прикуривая. — Штубис, чистосердечное признание будете подписывать?

— Буду!

29 августа 1938 года Заковского приговорили к расстрелу как шпиона, провокатора и вредителя и скоро расстреляли.

С арестом Заковского в Москве мало что изменилось. Плановых арестов никто не отменял, конвейеры допросов и приговоров исправно работали, подгребая под себя всё новые и новые человеческие судьбы.

Конец апреля 1938 года для деятельной Анны Лацис означал начало нового гастрольного сезона самодеятельных театров. Она денно и нощно верстала маршруты самодеятельных театров и была вполне довольна своей жизнью. Теперь она законно восседала за огромным письменным столом под портретом вождя и плакатом «МОРТ — Международное объединение рабочих самодеятельных театров», но однажды дверь кабинета широко распахнулась и в кабинет вошёл военный. Он подошел к столу и назойливо встал перед ним. Лацис подняла на незваного посетителя недоумённый взгляд, но разглядев васильковые петлички, сникла.

— Старший лейтенант госбезопасности Попов, — козырнул ей военный. — Вы Анна Лацис?

— Да, я, — Лацис медленно встала с кресла, её руки судорожно трепали папиросную пачку.

— Вы арестованы! — без обиняков объявил ей Попов ровным голосом, с интересом поглядывая вокруг.

— Но за что?!

Попов пожал плечами.

— Пока за организацию бегства иностранного шпиона Эрвина Пискатора. Ну, а потом следствие покажет.

— Разрешите покурить, — треснувшим голосом спросила Лацис, вытащив, наконец, из пачки папиросу.

— Покурить? — переспросил Попов и достал папиросу из своей пачки. — Ну, что ж, давайте покурим.

Лацис потянулась к спичечному коробку на столе, но Попов беззлобно объявил ей: «Не положено!» — и, чиркнув спичкой, поджёг её папиросу, потом следующей спичкой прикурил сам. Анна Лацис, пуская дым, бессильно опустилась в кресло.

25 ноября 1938 года вместо Ежова новым наркомом внутренних дел СССР был назначен Берия Лаврентий Павлович. Он остановил аресты и расстрелы «не титульных национальностей», многих заключённых, оставшихся в живых, выпустили из лагерей и тюрем, репрессии ослабли, но все помнили о том, какими они могут быть, поэтому держали языки за зубами, а руки на виду.

Ежова арестовали в апреле 1939 года и расстреляли 4 февраля 1940 года. В Москве шептались, что он умер со словами: «Да здравствует Сталин!».

Фриновского арестовали тоже в апреле 1939 года и расстреляли в один день с его бывшим начальником Ежовым. Их трупы сожгли в Донском крематории.

Эпилог

Прошло пять нелёгких для всего мира лет. Началась и ещё не закончилась Вторая мировая война, германо-европейская военная машина планомерно перемалывалась на просторах СССР, советское руководство уверовало в свою победу, американцы с англичанами думали, как бы выиграть войну не воюя, а советский народ продолжал ломать хребет фашистской заразе.

В сентябре 1943 года Лаврентий Берия в кителе с маршалскими звёздами сидел в своём кабинете и рассматривал личное дело заграничного агента «Альфред», на первой странице красовалась свежая фотография, на которой Ян Тилтс был в форме майора госбезопасности. Берия медленно закрыл дело и задумчиво постучал карандашом по столу. Будто в ответ раздался стук в дверь, и в кабинет вошёл Ян Тилтс. Он сед, подтянут, одет в штатский костюм заграничного кроя. Позади него виден силуэт оперативного дежурного, он плотно закрыл дверь, как только гость оказался за порогом.

— Товарищ маршал Советского Союза, — по-военному отрапортовал Тилтс, приняв стойку смиренно, — по вашему приказанию майор государственной безопасности Тилтс прибыл.

Берия вышел из-за стола и подошёл к Тилтсу.

— Ну, наконец-то! Рад с вами познакомиться, Ян Матисович, — они обменялись рукопожатием. — Прощу, присаживайтесь, — Берия радушно указал рукой на стул, возвращаясь на своё место. — Ян Матисович, ваша информация по США очень помогает нам в определении минимально допустимой цены за товары по ленд-лизу. Это очень ценные данные, я от лица руководства страны выражаю вам благодарность.

Тилтс вскочил.

— Служу Советскому Союзу!

— Вы садитесь, — кивнул Берия, — есть новая тема.

— Второй фронт?

— Нет, — Берия покачал головой, — теперь это дело политиков и дипломатов, есть кое-что поважнее, — Маршал сделал паузу, Тилтс молчал. Берия внимательно разглядывал своего собеседника и внутренне констатировал, что тот не дрожит, не боится его. «Молодец, — подумал он, — хорошо держится». Берия поправил на носу пенсне и, как ни в чём не бывало, спросил: — Ян Матисович, вы что-нибудь слышали в США об использовании атомной энергии в военных целях?

— Ничего определённого, — пожал плечами Тилтс, — только слухи.

— Что за слухи, от кого? — сверкнул стёклами пенсне маршал.

— Промышленники и финансисты, связанные с оборонными заказами, в своих разговорах иногда обсуждают атомную бомбу огромной разрушительной силы, говорят о безграничном финансировании тех, кому повезло участвовать в проекте.

— Это интересно, а поподробнее?

— Лаврентий Павлович, думаю, что кое-какую информацию я смогу добыть, но вряд ли она будет ценной, ведь я не специалист и вряд ли смогу влезть в этот правительственный проект.

— Товарищ Тилтс, я прекрасно понимаю, что вы не физик, и объективно оцениваю ваши разведывательные возможности, поэтому ставлю перед вами очень узкую задачу: дайте мне лиц, которые имеют прямое отношение к данной программе.

— И это всё?

— Ну, может быть, ещё характеризующие их данные.

— Думаю, это возможно.

— Так мы договорились?

— Почти.

— Что значит почти? — Берия нахмурился, снял с носа пенсне и принялся раздражённо протирать салфеткой. — Товарищ майор, вы в курсе, что в ноябре 1937 года вы осуждены на 15 лет исправительно-трудовых лагерей?

— К счастью, нет, — улыбнулся Тилтс, — это Ежов постарался?

— Неважно, — махнул Берия своим пенсне и водрузил его на нос. — Они вас вкупе с другими бывшими сотрудниками Петерса осудили. Эти идиоты даже не удосужились выяснять, в Союзе вы или нет.

— То есть этот приговор недействителен?

— Почти, — ехидно улыбнулся Берия.

Тилтс кивнул.

— Согласен, ничья. Тем более что мне нужна ваша помощь.

— Хорошо, я слушаю.

— Лаврентий Павлович, вы в курсе легенды, под которой я прибыл в Советский Союз?

- Зачем легенды? Вы же участник легальных переговоров?
- Да, но мне пришлось убеждать своё руководство, чтобы меня включили в делегацию.
- Это не вызовет подозрений? — помрачнел Берия.
- Не вызовет, если легенда сработает.
- И это зависит от меня?
- Так точно, Лаврентий Павлович!
- Излагайте.
- Я должен привести из Советского Союза внучку Марии Лейко — знаменитой актрисы. Мои шефы знают, что Мария была арестована и расстреляна и что внучка её жива.
- Как всё сложно, — поморщился Берия. — Неужели для вашего американского руководства это действительно имеет значение?
- Да, имеет. Более того, корреспонденты ведущих газет ждут от меня подробностей.
- Только этого не хватало! Хорошо, девочку... сколько ей лет?
- Восемь.
- Девочку найдем, только корреспондентов сюда не вплетайте!
- Договорились.

Тилтс и маленькая Нора вышли из дверей детского дома №1, сели в поджидающий их шикарный ЗИС-101, и машина тронулась. Внутри на заднем сидении Тилтс долго всматривался в девочку.

- Ты что так смотришь?
- Ищу знакомые черты.
- Нашёл?
- Конечно!
- А ты правда Ланселот?
- Правда, — грустно улыбнулся Тилтс, — только это секрет.
- Понятно, — закивала Нора. — И ты знал мою маму?
- Я был знаком с твоей мамой и с твоим папой, но, к сожалению, недолго.
- А почему?
- Мне пришлось очень далеко уехать, Нора, — Нора задумалась, поглядывая в окно. — Нора, — осторожно спросил девочку Тилтс, — а ты помнишь свою бабушку?
- Мою Марию? Помню лицо, голос. И песенку.
- Какую песенку?
- Про медвежонка, который ждёт меда. Эта песенка странная, я её то понимаю, то не понимаю...
- Нора, кажется, давным-давно, я слышал эту песенку и запомнил её. Хочешь я тебе её спою?
- Ой, — захлопала девочка в ладошки, — очень хочу!
- Ян Тилтс наклонился к ней и тихо запел по-латышски:

*Спи, усни, мой медвежонок,
Мой косматый, косолапый.
Батяка твой ушел за медом,
Мать пошла лущить овес.
Скоро батяка будет с медом,
Мать — с овсяным кисельком.*

Нора при первых же словах доверчиво прижалась к нему и закрыла глаза, на её лице блуждала улыбка, а по морщинистым щекам Ланселота текла одинокая слеза. Он обещал прийти к своей королеве навеки, но она ушла в вечность раньше него.